
E 42/223
z.1

Часть I. 2-го изд.

Козловъ. 1791.

2-й части до сихъ поръ не могу достать.

(13 мая 1838.)

Досталъ
нами 37

~~съ трудомъ~~

Дублетъ

(29 авг 1886

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

всѣхъ до нынѣ переведенныхъ на Россійской языкъ, и въ печать изданныхъ

СОЧИНЕНІЙ

Г. ВОЛТЕРА

Второе изданіе

Съ поправленіемъ противъ прежнихъ, и съ присовокупленіемъ жизни сего знаменитаго писателя, и многихъ вновь переведенныхъ его сочиненій, кои никогда еще изданы не были.

ЧАСТЬ I

Собрано и издано И Р

Печатано съ Указнаго дозволенія

Въ городѣ Козловѣ

1791 года.

NP

2011143297

ЖИЗНЬ Г. ВОЛТЕРА.

По свидѣтельству нѣкоторыхъ: Франциск де Волтеръ родился 1694 года, 20 Ноября; по другимъ же 20 февраля, того же года. Мы имѣемъ двѣ медали послѣ него оставшїяся, надъ коими надписаны оба сїи числа. Сказываютъ, что при рожденїи его неоднократно отчаявались о его жизни; а по тому нѣсколько мѣсяцовъ таинство крещенїя было откладываемо.

Хотя нѣтъ ничего смѣшнѣе мѣлочныхъ расказовъ о его младенчествѣ, и о случившемся съ нимъ въ училищѣ; однакожъ должно, въ честь ему, сказать, какъ изъ собственныхъ его писанїй, такъ и по всеобщему мнѣнїю, что онъ будучи 12 лѣтъ отъ роду дѣлалъ уже стихи, превосходящїе сей возрастъ, и Аббатъ Шато-нефъ, искреннїй прїятель славной Нинонны де л. Анклосъ,

познакомилъ его съ нею, и что сія отмѣнная дѣвица оставила ему по завѣщанію двѣ тысячи франковъ для покупки книгъ, которые и были ему заплачены въ точности. Слѣдующїе стихи, сочиненные имъ въ бытность еще въ училищѣ, сдѣланны были для нѣкоего инвалида, служившаго въ Дофиновомъ полку, подъ начальствомъ одного изъ сыновей Лудовика XIV. Сей старой солдатъ пришедъ въ Езуитское училище просилъ правителя онаго, сдѣлать ему стихи для поднесенія Королевскому сыну: правитель сказалъ, что ему недосужно; но что есть у него ученикъ, которой можетъ его въ семъ удовольствовать. Вотъ стихи сочиненные симъ отрокомъ!

О сынъ! великаго достойный изъ Царей;
Предмѣтъ его любви и нашихъ упованій!

Хоть не въ твоемъ еще теперь мы обладаньи:
Однако нашею владѣешь ты душей.
Прости, что честолюбьемъ побужденный,
Несу тебѣ даръ отъ стиховъ,
Охладщей кровїю произведенный,
Тому, прїемлетъ кто отъ рукъ одних Боговъ.
Я слышалъ, что когда ты въ свѣтъ вступилъ,
Тебя Марсъ храбростїю одарилъ,
Минерва мудростью, Фебъ красотою;
Но благотворный Богъ, въ бѣдахъ зовомый мною,
Благоволилъ, чтобъ былъ и я счастливъ,
Тебя щедротой одаривъ.

Сїя бездѣлка молодаго ученика принесла нѣсколько Луидоровъ инвалиду, и подала причину къ разговорамъ о сочинителѣ въ Парижѣ и Версалїи. Здѣсь примѣтить должно, что съ тѣхъ поръ сей молодой чело-

вѣкъ былъ неограниченъ въ слѣдованіи естественной своей склонности къ Поезіи.

Волтеръ будучи еще очень молодъ, принятъ былъ въ сообщество Аббата Шолье, Маркиза де ла Фаръ, Герцога Силли, Аббата Куртина. Онъ самъ многократно признавался, что отецъ почиталъ его погибшимъ потому, что онъ былъ въ семъ хорошемъ сообществѣ и дѣлалъ стихи.

Будучи осьмнадцати лѣтъ, началъ онъ *трагедію Едипа*, въ коей хотѣлъ положить хоры, по примѣру древнихъ. Комедіянты долго противились играть такую трагедію, которую уже дѣлалъ Корнелій, и оную не представляли до 1718 года: а притомъ еще надлежало ей имѣть покровительство. Молодой человѣкъ будучи преданъ безпечности и веселостямъ своего возраста, не представлялъ себѣ нималой опасности, и не думалъ, будетъ ли его сочиненіе имѣть успѣхъ, или нѣтъ:

онъ шутилъ на театрѣ, и самъ взялся нести за великимъ первосвященникомъ хвостъ его платья, въ такомъ явленіи, въ коемъ великій первосвященникъ въ самомъ дѣлѣ показывалъ дѣйствія весьма трагическія. Гжа Маршалша де Вилларъ, бывшая тогда въ перьвой ложѣ спрашивала: кто былъ сей молодой человѣкъ, которой издѣвался такъ, что почти привелъ къ паденію всю трагедію? на сіе ей отвѣтствуемо было, что то самъ Авторъ. Она позвала его въ себѣ въ ложу, и съ тѣхъ поръ Волтеръ сдѣлался привязаннымъ къ Г. Маршалу и Гжѣ Маршалшѣ до самой ихъ смерти, какъ то можно видѣть въ семъ напечатанномъ письмѣ.

Всегда я точно уповалъ,
Чтобы въ дому вкушать у васъ покой,
Веселостями славенъ кой;
Но мнѣ Винашъ пріятель сталъ,
И я тогда предпочиталъ,

Тебѣ, великій Франціи Герой,
Того, кто Шарлатанствомъ удивлялъ.

Принцъ де Конти, отецъ прославившагося сочиненіями: *поденной работы; засѣки Демонтовой*, и *замка Дофинова*, написалъ къ оному стихи, изъ коихъ послѣдніе суть слѣдующіе:

Сіи стихи отъ водъ заемля Аганила,
Для перваго избралъ онъ случая Едила;
Хоть сей предмѣтъ давно уже извѣстенъ былъ;
Но въ слогѣ онъ его прекрасномъ премѣнилъ.
Мнѣ мнится, что Расинъ пришелъ къ намъ гробъ оставя,
Или Корнелій далъ намъ своего, исправя.

Не можно было на сіе отъискать отвѣта Творца *Едила*. Говорятъ, что онъ однажды въ шутку Принцу сказалъ: Милостивый государь! вы будете со временемъ великой стихотворецъ: надобно только мнѣ для васъ выпросить у Короля пенсію.

Говорятъ также, что онъ ему нѣкогда за столомъ сказалъ: или мы всѣ Принцы, или всѣ стихотворцы?

Онъ началъ сочинять *Ганріаду* въ Сентъ Анжѣ у Г. Комартина, надзирателя надъ доходами, послѣ уже того, какъ сдѣланъ былъ *Едипъ*; но прежде еще представленія онаго. Онъ самъ часто говаривалъ, что предпринявши сочинять сіи два творенія, не находилъ возможности ихъ окончить, и что при томъ не зналъ правилъ ни трагедіи ни Епической поемы: но все то писалъ по изъустному только преданію Г. Комартина о Генрикѣ IV. коего сей почтенный старецъ обожалъ, и что онъ началъ сіе сочиненіе посредствомъ чистаго возторга, безъ всякаго размышленія. Однажды онъ читалъ многія пѣсни сей поемы у молодаго Президента де Мезонъ крайняго своего пріятеля. Возраженія дѣлаемыя на оную ему показались несносными, и онъ свою рукопись

бросилъ въ огонь; но Празидентъ Генотъ съ трудомъ ея изъ онаго выхватилъ. „Вспомните, (писалъ ему Генотъ въ од„номъ письмѣ) что я спасъ вашу *Ган„ріяду*, и что она мнѣ стоила доброй „пары манжетъ.

1722 году выдалъ онъ трагедію *Маріамну*, въ коей сія Героиня отъ Ирода была отравлена: когда же она пила ядъ, тогда заговоръ противъ него возсталъ; и доколѣ сія Королева пила, то піеса совсѣмъ пришла въ упадокъ. Безпрестанныя гоненія принудили его *Ганріяду* напечатать въ Англіи.

Король Георгій, а паче Принцесса Галльская, послѣ бывшая Королевою, на оную здѣлали безчисленную подписку, и сіе было началомъ его счастія: ибо въ 1728 году, возвратясь во Францію онъ отдалъ свои деньги въ Лотарею, установленную Г. *Дефортомъ* Генералъ-Контролеромъ надъ доходами. Прибыль за

билеты опредѣлена была городской больницѣ, и платилась смотря по собранной суммѣ: общество купившее сіи билеты, выиграло милліонъ. Онъ совокупилъ товарищество многочисленное, и былъ счастливъ. Одинъ изъ бывшихъ его въ ономъ товарищей увѣдомилъ меня о сей достопамятности, которой я видѣлъ и доказательство изъ его писемъ. Г. Волтеръ писалъ къ нему: *Чтобъ сдѣлаться въ сей землѣ богатымъ, то ничего не надобно, какъ токмо читать опредѣленія совѣта.*

Въ 1730 году онъ издалъ *Брута*, коего многіе почитаютъ сильнѣйшею изъ всѣхъ его трагедій, не изключая и *Магомета*; но и она была весьма критикована. Его *Заира*, игранная въ 1731 году, хотя и возбудила слезы: но едва не была освистана. Ея пересмѣяли на Италіянской комедіи, на площадѣ, гдѣ названа она была

твореніемъ найденныхъ дѣтей, и Арлекиномъ на Парнассѣ.

Одинъ Академикъ въ сіе время представлялъ его для занятія опустѣлаго мѣста, о коемъ нашъ писатель совсѣмъ не думалъ: на сіе Г. де Возъ изъяснялся, что „творецъ *Брута* и *Заиры* не могъ „быть Академическимъ предмѣтомъ.

10 Октября онъ выдалъ комедію *Мота*; однакожъ не подъ своимъ именемъ, и прибыль отъ нея назначилъ двумъ своимъ молодымъ воспитанникамъ: Г. Линоту и Г. Ламару, жившимъ въ Сирѣ, гдѣ онъ былъ съ Гж. Шателетъ. Линота онъ сдѣлалъ учителемъ сына Гж. Шателетъ, которой послѣ былъ Генералъ-Лейтенантомъ въ арміи, и посланникомъ Вѣнскимъ: а потомъ и Лондонскимъ. Творецъ сей комедіи писалъ о ней къ дѣвицѣ Кинольтъ слѣдующимъ образомъ: „Вы умѣете хранить чужія тайны такъ, какъ „собственныя ваши: еслибы узнали о мнѣ,

,,что бы сочиненіе сіе освистали. Люди ,,не любятъ, чтобы успѣвали въ двухъ родахъ: я и такъ уже довольно непріятелей ,,нажилъ своимъ *Едипомъ* и *Ганріядою*.

Г. Волтеръ въ тожъ самое время прилѣжалъ къ роду ученія совсѣмъ отличному, а именно: сочинялъ *Начала философіи Невтоновой*; философіи, которая почти еще совсѣмъ не была извѣстна во Франціи. Онъ не могъ на оную получить одобренія отъ Канцлера Агнессо, разсмотрителя таковыхъ книгъ; ибо онъ будучи воспитанъ въ Картезіянской системѣ, столько противился новымъ открытіямъ, сколько могъ. Привязанность нашего писателя къ основаніямъ *Невтона* и *Локка*, пріобрѣли ему множество другихъ враговъ. Онъ писалъ къ тому же Г. Фекенеру, коему посвятилъ свою *Заиру*, такъ: ,,Думаютъ, что французы любятъ ,,новости; но ето только касающіяся до ,,кухни и Модъ; чтожъ принадлежитъ до

,,новыхъ истиннъ, то они на всегда отъ ,,насъ изгнаны, и мы имъ слѣдуемъ токмо тогда, когда онѣ сдѣлаются довольно стары, и когда уже всѣ въ нихъ будутъ увѣрены. Когда Руссо показывалъ Волтеру *Оду къ вѣчности*, то сей на то отвѣчалъ ему такъ: ,,Другъ мой! вотъ ,,письмо, кое по посылкѣ не будетъ получено.,, Но сїя насмѣшка не прошла ему такъ: ибо находится письмо Г. Волтера къ Г. Линоту, въ коемъ онъ говорилъ слѣдующее: ,,Руссо меня презираетъ за ,,то, что я иногда не брегу ориѳмѣ; ,,равномѣрно презираю его и я, поелику ,,онъ умѣетъ токмо рифмотворствовать.

Послѣднїя благосклонности, съ коими Прусской Король съ нимъ поступалъ, привели у него въ забвенїе ненависть Руссову. Сей Монархъ хотя и былъ стихотворецъ: но сверьхъ того имѣлъ всѣ дарованїя, приличныя Государю. Переписка между нашимъ писателемъ и симъ Государ-

ремъ начало свое воспріяли еще тогда, когда онъ былъ наслѣднымъ Принцемъ.

Фридерикъ по возшествіи своемъ на престолъ, ѣздилъ для осмотрѣнія предѣловъ своего государства. Желаніе осмотрѣть Французскія войска, и побывать скрытно въ Стразбургѣ и Парижѣ, принудило его изъ перваго предпріять путешествіе подъ именемъ Графа Фурскаго; но онъ былъ познанъ однимъ солдатомъ, служившимъ въ войскѣ его отца; по чему и принужденъ былъ возвратиться въ Клевъ.

Многіе любопытные хранили въ своихъ записныхъ книжкахъ письмо въ прозѣ и стихахъ на вкусъ Шапеллевъ, писанное симъ Государемъ о его путешествіи изъ Стразбурга. Изъученіе Французскаго языка и стихотворенія, Италіянской музыки, философіи и Исторіи дѣлало ему утѣшеніе въ печаляхъ, начав-

шихся съ самой еще юности. Слѣдующее письмо есть отличный памятникъ такого человѣка, которой послѣ столько выигралъ баталій; оно писано съ пріятностію и свободностію: вотъ его нѣкоторыя отрывки.

,,Я дѣлаю путешествіе, смѣшанное ,,съ особенными приключеніями, иногда ,,скучными, а часто и забавными. Вы ,,знаете, что я поѣхалъ въ Бриссель, что-,,бы повидаться съ сестрою, которую ,,сколько я люблю, столько и почитаю: въ ,,дорогѣ мы съ Алгароти, смотря въ Гео-,,графическую карту, хотѣли обратно ,,ѣхать чрезъ Везель. Отъ Стразбурга ,,мы далеко не отбивались, и избирали по ,,всей дорогѣ такія мѣста, гдѣбъ могли ,,ѣхать скрытно. Все шло къ лучшему, ,,и мы надѣялись чрезъ три дни поспѣть ,,въ Стразбургъ, но

Разполагая всѣми Богъ вещами,

Иначе нашими Онъ управлялъ дѣлами.

На тощихъ мы коняхъ,

XV.

Отъ Россинантовой крови рожденныхъ,
И съ помощью крестьянъ въ гонцовъ преображенныхъ,
Неутомимы ѣхали въ трудахъ,
Хоть сталкивались въ день въ коляскѣ по сту разъ.

Говорятъ, что онъ каждой день писалъ сіи пріятныя письма своимъ текущимъ перомъ; но притомъ намѣревался сочинять твореніе важнѣйшее великаго Принца; оное есть *Возраженіе на Махіавеля,* которое онъ прислалъ къ Г. Волтеру для напечатанія; сей же благодаря его за оное, въ маломъ замкѣ именуемомъ Месъ, близъ Клева, такъ ему сказалъ: ,,Ваше величество, еслибъ я былъ ,,Махіавелемъ, и имѣлъ бы доступъ до ,,молодаго Государя, то первое дѣло мною ,,сдѣланное было бы то, чтобы присовѣ,,товать ему писать противу меня.

Г. Волтеръ будучи въ Бриссел̑, сочинилъ *трагедїю Магомета*, и отправился съ Гж. Шателетъ для представленїя сего творенїя въ Лилль, гд̑ находилось хорошее собранїе, подъ управлѐнїемъ Г. Лану, сочинителя и комедїянта. Славная Гжа Клеронъ, также зд̑сь играла и показала великїя свои дарованїя. Гжа Денисъ, племянница Авторова и жена военнаго Комисара, стараго напольнаго Капитана, им̑ла довольной въ Лил̑ штатъ, находившейся въ комнатахъ у ея мужа. Гжа Шателетъ стояла съ нею, и *Магометъ* былъ весьма хорошо игранъ.

Въ одно междуд̑йствїе принесли Автору письмо отъ Прусскаго Короля, которой его въономъ ув̑домлялъ о своей поб̑д̑ при Молвиц̑. Волтеръ его читалъ, въ семъ собранїи били въ ладоши; и онъ тогда сказалъ: *Вы видите, что сїе сочиненїе о Молвиц̑ должно соединено быть съ моимъ.*

Сія трагедія была представлена въ Парижѣ 16 Августа, того же года: оная показала, до какой чрезмѣрности можетъ дойти зависть ученыхъ людей, а паче въ упражненіяхъ Театральныхъ.

Аббатъ де Фонтенъ, и другой по имени Бонневалъ, коему Г. Волтеръ помогалъ въ его нуждахъ, не могши привести къ паденію трагедіи *Магомета*, донесли о ней Генералу Прокурору, какъ о твореніи противномъ Христіянской вѣрѣ. Дѣло сіе столь далеко пошло, что Кардиналъ де Флери совѣтовалъ Автору удалиться. Сей совѣтъ имѣлъ силу закона; но Авторъ трагедію напечаталъ и посвятилъ Папѣ Венедикту XIV изъ рода Ламбертини, которой уже началъ оказывать къ нему свою благосклонность. Онъ былъ одобренъ сему Папѣ Кардиналомъ Пассіонеемъ, человѣкомъ искуснымъ въ словесныхъ наукахъ, съ коимъ онъ издавна велъ переписку. Мы имѣемъ нѣкоторыя письма сего Папы къ Г. Волтеру.

Его святѣйшество желалъ сего стихотворца привлечь къ себѣ въ Римъ, да и самъ Волтеръ весьма сожалѣлъ, что не видалъ такого города, которой именуется столицею Европы.

Творенїе сїе осталось во власти Театра, въ самое то время, когда сїе зрѣлище въ наивящемъ было презрѣнїи. Авторъ признавался, что и самъ онъ сожалѣлъ, сдѣлавъ *Магомета* столь злостнымъ, каковымъ никакой не бывалъ великой человѣкъ. ,, Но если бы я его изобра-,,зилъ токмо политическимъ Героемъ, писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей, ,,то бы творенїе было освистано. Въ тра-,,гедїи заключающей въ себѣ великїя стра-,,сти, требуются великїя злодѣянїя: впро-,,чемъ, говорилъ онъ спустя нѣсколько строкъ, *непримиримой родъ стихотвор-,,цевъ*, меня гонитъ болѣе, нежели сколько ,,гналъ въ Меккѣ Магометъ. Говорятъ о ,,зависти и коварствахъ возмущающихъ ,,дворы: но всего болѣе находится оныхъ ,,между учеными.

XIX.

Послѣ всѣхъ сихъ безпокойствъ, господа Реомюръ и Меранъ совѣтовали ему оставя поезїю, которая влекла за собою токмо ненависть и оскорбленїя, вдаться въ Физику, и просить мѣста въ Академїи наукъ, такъ какъ онъ уже и имѣлъ оное въ Королевскомъ обществѣ въ Лондонѣ, и въ Болонскомъ училищѣ. Но Г. Фурмонтъ его другъ, человѣкъ изъ ученыхъ весьма любезной, писалъ къ нему въ стихахъ письмо, въ коемъ совѣтовалъ не терять своего дарованїя : и вотъ что Г. Волтеръ ему на оное отвѣтствовалъ.

О ты! любезный мой Фурмонтъ,
Которой на горѣ двуглавной обитаешъ,
И гдѣ ты Воатюра превышаешъ,
Предъ лавкой, въ коей Башомонъ
Сколько хотѣлось пилъ и пѣвалъ,
Разсудокъ, гдѣ ему всполминалъ,
И купно услажденье
О Епикуровомъ увеселенье.

Желаешь ты, чтобъ я отъ стрѣлъ,
И отъ сѣтей премудрости превратной,
Въ блистающей домъ прелѣтѣлъ,
Поезіи веселой и пріятной:
Въ ту землю, въ коей Талія царитъ,
Надъ дудкой и трагедіею слѣзной.
Другъ твой тебя благодаритъ
За сей совѣтъ пріятной и полезной.
Желаешь ты: пріемлю сей
Я твой совѣтъ, къ судьбѣ моей.
Изъ глупости одной
Стремлюся я къ другой
Подобно, какъ Катинъ,
Былъ воинъ, и вдругъ сталъ изъ онаго судьею,
Придворнымъ, тѣмъ, другимъ и всѣмъ одинъ.
Иль, если я сказать такъ смѣю;
То какъ пчела, когда день всходитъ,
То во слезахъ Авроры медъ находитъ,
Съ полыни то она, то съ тимону беретъ;

Работая жъ безпрестанно медъ,
Въ составъ его употребляетъ Розу,
Беретъ частицы и съ навозу.

Потомъ онъ началъ трудиться надъ *Меропою*; сія трагедія есть первая изъ свѣтскихъ, которая болѣе Автору сдѣлала чести, нежели онъ надѣялся: она была представлена 26 Февраля 1743 года.

Я не могу лучше объявить произшествія о сей трагедіи, какъ приведши сюда письмо, писанное имъ отъ 4 го Апрѣля, къ его другу Дегеберу, бывшему въ Тулузіи. ,,Меропа еще не напе-,,чатана, и я сомнѣваюсь, чтобы она ,,столько же могла удовольствовать въ ,,чтеніи, сколько въ представленіи. Сіе ,,твореніе не я таковымъ сдѣлалъ; ,,но дѣвица Дюмениль. Что вы ска-,,жете о Актрисѣ, которая застави-,,ла плакать безпрестанно чрезъ три ,,дѣйствія? Публика приняла участіе

„въ чрезвычайномъ удовольствіи, получен-
„номъ отъ Актеровъ на мой щетъ. Вос-
„хищеніе отъ оной было такое , что
„изъ всѣхъ партеръ требовали меня ви-
„дѣть. И такъ взявъ меня изъ скры-
„таго мѣста , въ коемъ я находился ,
„втащили силою въ ложу Гжи Маршалши
„де Вилларъ, гдѣ была ея прекрасная дочь:
„вся партера взволновалась: и всѣ кричали
„Герцогинѣ де Вилларъ, чтобы она меня
„поцѣловала , и крикъ сей продолжали
„столь усильно, что она принуждена была
„сіе сдѣлать по повелѣнію своей тетки.
„Я былъ публично поцѣлованъ, какъ Аленъ
„Принцессою Маргаритою Шотландскою:
„но тогда онъ спалъ , а я былъ очень бодръ.

Я ничего не могу сказать о 1744 годѣ, кромѣ сего, что Авторъ былъ принятъ почти во всѣ Европейскія Академіи ; а наиболѣе примѣчательно, что и въ находящуюся въ Крускѣ. Онъ прилѣжалъ къ изученію Италіянскаго языка ;

сему свидѣтельствомъ служитъ письмо краснорѣчиваго Кардинала Пассіонея, которой оное такъ начинаетъ.

,,Я читалъ и перечитывалъ всегда ,,съ новымъ удовольствіемъ писанное вами на Италїянскомъ языкѣ письмо, сколь ,,прекрасное, столь и ученое; трудно понять, какимъ образомъ человѣкъ, знающїй основательно другїя языки, могъ ,,достигнуть и въ семъ до совершенства.

Сей Кардиналъ писалъ столь же хорошо на Французскомъ языкѣ, какъ и на Италїянскомъ, и думалъ весьма разсудительно. Г. Волтеръ подъ конецъ 1744 году сдѣланъ былъ Французскимъ дѣеписателемъ, что на себя со удовольствіемъ принялъ, и сдѣлался извѣстенъ своею исторїею о Карлѣ XII, Королѣ Шведскомъ. Сїя исторїя съ начала была сочиняема въ Англїи, въ бытность его въ деревнѣ, вмѣстѣ съ Г. Фабриціемъ, Камергеромъ Короля

Аглинскаго Георгія, и Курфирстомъ Ганноверскимъ, которой былъ семь лѣтъ Президентомъ при Карлѣ XII. послѣ Полтавской баталіи: а сіе подобно, какъ *Ганріяда* была зачата въ Сентъ-анжѣ, при Г. Комартинѣ.

Сія исторія весьма была похваляема за слогъ, и довольно критикована за невѣроятныя дѣла: но критики и невѣрющіе наконецъ замолкли, когда Король Станиславъ прислалъ къ Автору чрезъ Г. Графа Грессана Генералъ-лейтенанта саморучное свидѣтельство, заключающееся въ сихъ изреченіяхъ. (*)

(*) *Станиславъ* на Польской престолъ былъ возведенъ Карломъ XII, свергнувши съ онаго законнаго Польскаго Короля *Августа*. ПЕТРЪ ВЕЛИКІИ послѣ Полтавской побѣды согнавъ съ онаго Станислава, отдалъ обратно Августу. Почему и имѣлъ причину Станиславъ подтверждать невѣроятныя Карломъ учиненныя дѣла, въ пользу своего защитника, дабы тѣмъ унизить истиннаго героя, своего непріятеля.

XXV.

„Г. Волтеръ не позабылъ и не про-
„пустилъ никакого дѣйствія и никакого
„обстоятельства; все у него справедли-
„во и все у своего мѣста; онъ говорилъ
„о Польшѣ и о большей части случив-
„шихся приключеніи такъ, будто бы самъ
„былъ тому самовидцемъ. Дано въ Ком-
„мерси 11 Іюля 1759 году.

Поелику онъ имѣлъ наименованіе дѣеписателя: то и не хотѣлъ онаго носить вотще, и слышать о себѣ то же, что Королевской казначей сказалъ о Расинѣ и Боало: *мы отъ сихъ господъ ни чего не видали, кромѣ подписыванія ихъ рукъ.* Онъ писалъ о войнѣ случившейся въ 1741 году, которая тогда была во всей своей силѣ, и о коей можно видѣть въ вѣкѣ Лудовиковъ XIV и XV.

Онъ еще былъ въ Этіолѣ съ прекрасною госпожею д' Этіоль, которая была послѣ Маркизою де Помпадуръ, какъ

дворъ опредѣлилъ празднованія для начала 1745 году, въ которомъ должно было женить Дофина на Испанской Инфантинѣ. Для сего потребны были балеты съ голосною музыкою, и родъ комедіи, служащей развязкою стихамъ; онъ за сіе дѣло взялся, хотя таковой родъ зрѣлища и не былъ по его вкусу. Предметомъ сему взялъ онъ Принцесу Наварскую. Твореніе написано было легкое; и Г. де ла Попелиньеръ, Генералъ надъ откупами, но человѣкъ ученой, вмѣшалъ туда нѣсколько Аріевъ: музыка была сочинена славнымъ Рамо.

Гжа д' Этіолъ выходила для Г. Волтера подарокъ, состоящей изъ Камеръ-юнкерскаго мѣста. Оный стоилъ почти 60000 ливровъ, и тѣмъ оный былъ для него пріятнѣе, что нѣсколько спустя, онъ получилъ особенную милость продать сіе мѣсто, и сохранить для себя наименованіе, знаки и должности онаго.

Не многимъ извѣстенъ малой *Импромтю*, или стихи, которые онъ сказалъ, вдругъ не приготовясь, на сію двойную милость ему сдѣланную:

Моя Ганріяда, моя Заира,
Также и моя Альзира,
Лишь Царска стоили мнѣ взгляда одного:
Враговъ снискали тьмы, а славы ничего.
Богатствами жъ честьми осыпали меня
За то, что подлое игрище сдѣлалъ я.

Однако ему еще гораздо прежде опредѣлена была отъ Короля пенсія, состоящая изъ двухъ тысячь ливровъ, и изъ 1500 отъ Королевы; но онъ ихъ ни когда не могъ получить.

Когда исторія стала его должностію, то онъ началъ нѣчто изъ вѣка Лудовика XIV: но продолжать отложилъ до другаго времени. Онъ описывалъ войну въ 1744 году случившуюся, и достопа-

мятное Фонтенойское сраженіе. Здѣсь находится даже число умершихъ каждаго полку. Графъ д' Аржансонъ, военачальникъ, ему сообщалъ письма всѣхъ Офицеровъ: а Марталъ де Ноелль и Маршалъ де Саксъ сообщали ему записки.

Въ 1750 году Г. де Волтеръ склонился на призыванія Короля Прусскаго, которой его давно уже къ себѣ просилъ, и отправился къ сему Государю съ Королевскаго позволенія. Ему въ Берлинѣ данъ былъ крестъ, Камергерской ключь и 20000 ливровъ пенсіи. Онъ весьма дружно обходился съ Фридерикомъ, жилъ надъ его покоями, и выходилъ изъ эго комнаты токмо обѣдать.

Г. Волтеръ не отставалъ отъ тѣхъ острыхъ словъ, которые столь часто раздражали новаго его Государя. Когда Генералъ Манштеинъ пришелъ къ нему попросить, перевести на Французской языкъ Россійскія записки, сочиненныя симъ чуже-

странцемъ; тогда Волтеръ ему отвѣчалъ: ,,другъ мой, не теперь: вотъ Король прислалъ мнѣ свое замаранное бѣлье вымыть: ,,потомъ я и ваше вымою.

Ссора съ Мопертюемъ, случившаяся въ сіе же время у сего стихотворца, оказала явнымъ неудовольствіе Монарха. Прибытіе въ Пруссію ему казалось тѣмъ блистающимъ сномъ, которой вымышляютъ иногда стихотворцы въ своихъ сочиненіяхъ, и которой окончавается громовымъ ударомъ. Г. Волтеръ былъ рожденъ съ независимостію умоначертаніи, которые при дворахъ нетерпимы. На случай отбытія его изъ Пруссіи, онъ сдѣлалъ слѣдующее твореніе, коего не находится въ собраніи его сочиненій, и которое было писано къ Маркизу д' Адемару, Гросмейстеру Гжи Маркграфини Барейтской.

XXX.

Въ уединенѣ
Куда меня разсудокъ привлекаетъ,
Вкушаю я свободы услажденье,
Коей иной бѣжитъ, другой желаетъ.
Премудро Божество сїе
Все составляетъ счастїе мое.
Свободенъ, воленъ,
Счастливъ и всѣмъ доволенъ,
Въ объятьяхъ дружества я нахожусь:
Въ Парижъ, ниже въ Берлинъ уже не
возвращусь:
Взираю не безъ сожалѣнїя
На всѣ враговъ моихъ коварны обхо-
жденья,
Равно на подлыя отмщенья.
Здѣсь вины и цвѣты, поля, плоды,
Мои обильные сады,
Три созерцаемы издали мной ручья,
Защитники мои отъ зависти пернаты,
Цари и Боги се, которыхъ чту лишь я!
И дворъ и храмъ есть мой, одни мои
палаты.

Отъ хитрыхъ удаленъ придворныхъ,
И суевѣровъ лобныхъ,
Ученьемъ мой разсудокъ просвѣщаю,
Я мыщлю, говорю все то, что лишъ желаю.
Но ты счастливѣе меня,
Возлѣ Вильгельмины живя.

Г. Волтеръ о неблагосклонностяхъ къ нему двара утѣшался, дѣлая другихъ счастливыми. Онъ принялъ участіе въ несчастіи крови Корнеліевой. „Смерть „Калласовъ, Лабарровъ, Монтбелліевъ! говорилъ одинъ изъ похвалителей его, „ты взываешь къ его краснорѣчію, и сіе „не будетъ вотще. Если онъ не мо„жетъ удержать кинжала суевѣрія, или „пагубнаго меча обманутаго правосудія; „то по крайней мѣрѣ отвратитъ без„честіе, предразсужденіемъ нанесенное на „ваши погруженныя въ слезахъ семейства.

Но его счастіе болѣе умножилось тѣмъ, что онъ могъ пользоваться па-

тріотическимъ покровительствомъ новаго Министра, которой первый еще во Франціи поставилъ себѣ за долгъ быть отцемъ народа. Отечество Г. Волтеромъ избранное, было въ Женевской землѣ, на мысѣ, отъ пяти до шести миль длины и до двухъ ширины, между горою Журою, Женевскимъ озеромъ, и Швейцомъ. Сія земля обитаема около 80 лѣтъ: Сбирры и Габеллы, злоупотребившіе достоинство своего соединенія, страшно отягощали тамъ живущій народъ, по невѣденію своихъ начальниковъ. Земля была въ великой бѣдности: но Г. Волтеръ былъ довольно счастливъ, получа отъ благодѣтельствующаго ему Министра указъ, по которомусія пустыня (ибо не льзя ее назвать провинціею) была освобождена отъ всякихъ налоговъ, и тѣмъ сдѣлалась счастливою и вольною.

Напослѣдокъ Г. Волтеръ примирился съ Прусскимъ Королемъ, которой ему при-

писалъ сей Горацiевъ стихъ писанной къ его любовницѣ.

Съ тобой, ни безъ тебя я жити не могу.

Среди фернейскихъ забавъ казалось, что нѣчто для его удовлетворенiя недостаетъ. Издавна прiятели побуждали его прiѣхать въ отечество, изъ коего онъ нѣкоторымъ образомъ казался быть изгнаннымъ. Господинъ и госпожа де Виллетъ весьма сильно на сiе настояли при началѣ 1778 года, и небо казалося благопрiятствующимъ ихъ желанiямъ, по причинѣ благоразстворенной погоды, необыкновенной съ бывающею въ сiе время. И такъ онъ отправился въ коляскѣ съ Гж. Денисъ и Гж. де Виллетъ.

Въ путешествiи его ни чего не случилось съ нимъ достопамятнаго, кромѣ одного приключенiя, о коемъ по прiѣздѣ онъ разсказывалъ, что когда онъ вышелъ

изъ коляски въ одной деревнѣ для перемѣны лошадей то; ,,показался мнѣ, говорилъ онъ, за нѣсколько отъ меня шаговъ, ,,почтенной старикъ почти моихъ лѣтъ; ,,но которой былъ бодрѣе меня. Я къ не-,,му приближился и разсматривая его въ ,,близи, нѣсколько призналъ и спросилъ: ,,государь мой! извините меня, мнѣ ка-,,жется вы очень похожи на одного маль-,,чика, котораго видѣлъ я уже назадъ тому ,,около 70 лѣтъ. Сей человѣкъ спросилъ ,,у меня, когда и гдѣ я видѣлъ сего маль-,,чика? и когда я ему все разсказалъ, ,,то онъ мнѣ отвѣтствовалъ: ето я са-,,мый; и послѣ того мы съ нимъ обня-,,лись.

По обыкновенію коляска его остановилась за рѣшеткою: комисары спрашивали его, не имѣетъ ли онъ чего имъ объявить? онъ же отвѣчалъ: государи мои! здѣсь только и заповѣдныхъ товаровъ,

что я. Напослѣдокъ мы увидимъ, что сїе не было одною простою учтивостїю.

10 Февраля, по двадцати семилѣтнемъ отсудствїи, сей славный мужъ прїѣхалъ въ Парижъ, и можно къ сему присовокупить, что въ свое отечество. Онъ въѣхалъ къ Маркизу Виллету, живущему на углу улицы, именуемой *Бонъ*, и на утро сошлось къ нему великое множество народа. Онъ всю недѣлю былъ въ Шлафоркѣ: и въ семъ уборѣ принималъ дворъ и городъ Гжа: Виллетъ и Гжа: Денисъ непрестанно его окружали и дѣлали ему наилучшїя угощенїя: комнатной служитель увѣдомлялъ Г. Волтера о всякомъ прїѣхавшемъ, къ которому онъ выходилъ. Г. Маркизъ де Виллетъ и Графъ д'Аргенталь, каждой съ своей стороны представлялъ тѣхъ, коихъ Г. Волтеръ или совсѣмъ не зналъ или не узнавалъ. Онъ получалъ поздравленїя отъ любопытствующихъ, отвѣчалъ имъ учти-

во, и послѣ возвращался, въ Кабинетъ для сказыванія своему Секретарю исправокъ на трагедію *Ирену*. Его отеческая нѣжность въ разсужденіи сего творенія, кое онъ весьма желалъ видѣть играннымъ, ни мало не была уменьшена его возвращеніемъ: но сколько онъ огорчился, лишася славнаго Актера *ле Кена*, имъ самимъ наученнаго. Аббатъ Минотъ, его племянникъ, увѣдомилъ его въ одно время и о болѣзни и о смерти сего Актера; при сей плачевной новости онъ объятъ былъ ужасомъ.

На конецъ приносимыя ему щедро хвалы принудили все забыть. Ничего не можетъ быть ласкательнѣе, какъ чувствованіе произведенное его прибытіемъ. Вельможи, знатныя, и прекраснѣйшія женщины, ученые, художники, любители всякаго рода ученія, наперерывъ бѣжали засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Кавалеръ Глюккъ, проѣзжая чрезъ Вѣну, опоздалъ своимъ путешествіемъ въ честь сего славнаго старика.

XXXVII.

Французская Академія 12 дня, отправила для поздравленія сего собрата посольство; она опредѣлила противу обыкновенія, по которому посылала токмо одного, трехъ сочленовъ, между коими главнымъ былъ Принцъ де Бово; прочіе же токмо его сопровождали.

13 дня Французскіе комедіянты пришли ему засвидѣтельствовать свой долгъ. Г. Беллекуръ читалъ ему привѣтствіе, на которое Г. Волтеръ весьма благосклонно отвѣтствовалъ. При вопрошеніи о здоровьѣ его, онъ присовокупилъ сіи хотя мало его достойные, но являющіе пристрастіе къ трагедіи слова: *я впредь не желаю больше жить, какъ для васъ и чрезъ васъ.* Впрочемъ пришедши въ себя, онъ зналъ, какъ оцѣнить сіе свое мнѣніе на сей случай. По поздравленіи комедіянтовъ нѣкоторые примѣтили, что Беллекуръ былъ одолженъ рѣчью своею токмо страстному произношенію: и Г. Волтеръ тогда сказалъ: такъ, мы очень

хорошо играли комедїю, какЪ я, такЪ и онЪ. ПослѢ сего обряда, онЪ сказалЪ госпожѢ ВестрисЪ: сударыня, я сїю ночь для васЪ работалЪ, какЪ бы двадцатилѢтней человѢкЪ. По томЪ дѢвица Арну тутЪ же присудствовавшая, (ибо придворные славные своими дарованїями или прїятностями, такЪ же были допущены кЪ нему) сЪ обыкновенною злостїю вскричала: покрайней мѢрѢ ето не безЪ ошибки!

16. Должно было вЪ пользу Корнелїевой фамилїи представить онаго творенїе: по сему комедїянты на мѢсто Ираклїя опредѢлили, по его совѢту, играть Цинну, сообразуясь точности примѢчателя на оную, Г. Волтера, почитающаго ея наилучшею изЪ французскаго Театра; но онЪ столь былЪ не здоровЪ, что не могЪ ни ѢхатЪ туда, ни показываться вЪ публику. ВотЪ сему свидѢтельство.

,,16 февраля Г. Волтеръ не впускалъ ,,никого по причинѣ случившагося ему при- ,,падка: но онъ принималъ къ себѣ ча- ,,стно нѣкоторыхъ особъ, не взирая на ,,старанія Г. Виллета, желавшаго еще ,,сохранить драгоцѣнное его здоровье, и ,,неподвергнуть его опасности. Отлич- ,,ныя особы, имѣвшіе счастіе видѣть се- ,,го философа были, Докторъ Франклинъ, ,,Гжа Неккеръ, Г. Аглинской Посланникъ ,,и Г. Балбастръ. Удивительно, какъ ,,онъ мѣнялъ свое обращеніе съ толь раз- ,,личными людьми: а наипаче, съ какою ,,пріятностію, съ какою живностію, и ,,съ какимъ остроуміемъ старался понра- ,,виться женѣ Генералъ Директора надъ ,,пошлинами.

,,Хотя онъ и боленъ былъ головою, ,,но хотѣлъ угодить самолюбію славна- ,,го художника, пришедшаго отдать ему ,,свое почтеніе. Онъ у него попросилъ ,,одного клавесиннаго сочиненія, и сей

,,обходительной человѣкъ, казалось нѣ-
,,сколько утѣшалъ его въ болѣзняхъ.

При обращеніи съ Г. Франклиномъ весьма желалось Г. Волтеру говорить по Аглински.

Гжа Денисъ ему представляла, что Г. Докторъ знаетъ говорить по Французски, и что весьма желательно ихъ разговоровъ послушать. ,,Любезная племян-
,,ница! отвѣчалъ ей дядя, я посвящаю
,,сію минуту тщеславію говорить тѣмъ
,,языкомъ, какимъ говоритъ Г. Франк-
,,линъ. Безъ сомнѣнія тоже тщеславіе подало ему причину говорить по Италіянски съ Г. Голдоніемъ.

Однако новой родъ жизни, препровождаемой въ Парижѣ онымъ Фернейскимъ старикомъ, послѣ долгаго и труднаго путешествія, въ жесточайшее время года; безпрестанныя принужденія, кои онъ долженъ былъ дѣлать въ принимані по-

свѣщенiи и писемъ, и въ поддержанiи себя въ той высокой славѣ, которую онъ получилъ, въ общемъ о немъ всѣхъ мнѣнiи, и въ доказанiи, что онъ не забылъ къ къ нему учтивости двора; тѣ почести, и та всеобщая благосклонность, которую онъ желалъ всякому въ соразмѣрномъ степени оказывать; наконецъ его свойство, коему онъ издавна далъ свободное теченiе, и кое долженъ былъ тогда таить; все сiе много угрожало его здоровью, столь уже повредившемуся. Онъ сiе самъ зналъ, и говорилъ: „меня удушатъ, но „розами. Симъ счастливымъ иносказанiемъ означалъ онъ куренiе почестей его упоющихъ, отъ которыхъ онъ не имѣлъ бодрости свободиться.

Однакожъ не все было для него розами: если онъ былъ осыпаемъ многими ему похвальными и лестными сочиненiями въ стихахъ, то многiе были, кои старались сiи удовольствiя отравить ругательными

писанїями; онъ получалъ множество безъимянныхъ писемъ, препятствующихъ возвышаться его самолюбїю. Изъ сихъ Сатиръ, кои не слабѣе были похвалъ, должно примѣтить одну, нареченную *полезное объявленїе на прогулки с. Жерменя*, въ коемъ находится много остроты и нѣсколько истиннъ. Сдѣсь сочинитель весьма успѣлъ въ описанїи смѣшнаго и недостатковъ сего великаго мужа. Вотъ оно:

Преемникъ Жоделлевъ, Маркизъ Виллетъ,
Творецъ и прозой и стихами, знать публикѣ даетъ,
Что между прочими забавными вещами,
Животное есть въ лавкѣ у него.
Сей изъ Женевы звѣрь недавно привезенъ;
Явленїемъ почесть природы льзя его.
Онъ оставъ, трупъ; но кой движеньемъ одаренъ.

XXXXIII.

Имѣетъ острой глазъ
И твердой гласъ.
Онъ всѣхъ кусаетъ и ласкаетъ,
И яко Богъ вѣщаетъ,
И демонъ какъ божится.
Его духъ огненный, но взоръ его есть злой.
И существо сїе всѣмъ непонятнымъ зрится.
То мертвъ онъ кажется, то слѣпъ и то глухой.
Движенїе его бываетъ чрезъ пружины.
Велика мужа въ немъ показываетъ взоръ.
Онъ есть съ Карпацкихъ горъ.
Его льзя видѣть по утрамъ близъ Театины.
Глубокимъ почитаньемъ тамъ,
За любопытство платятъ господа.
Для Академиковъ отперты ворота,
Актеры входятъ всѣ туда,
Которые его надмѣнности ласкаютъ,
И кои онаго чтить идола желаютъ.

Для избѣжанія его зубовъ,
Различныхъ всѣ священники чиновъ,
Стараются вдали отъ онаго итти.
За ладанъ можетъ всякъ Піитъ къ нему войти.

Попы и монахи ему были явными врагами, и коихъ было болѣе, нежели его сообщниковъ и удивляющихся ему. Они даже бѣсились о томъ блескѣ, которой оказанъ былъ ему во время его пріѣзда, и о невѣроятномъ чувствованіи имъ произведенномъ. Вначалѣ старались они найти мнимыя приказанія, запрещающія ему являться въ сію столицу. Для сего пересматривали полицейскія реестры, и записки Парижскаго Департамента и иностранныхъ дѣлъ; надѣясь найти какое-либо подложное письмо, коимъ бы могли его у Короля, худо къ нему расположеннаго, совсѣмъ въ умѣ погубить; въ семъ они надѣялись быть вспомоществуемы господиномъ . . . . ненавидящимъ новой философіи. Но тщетно они тѣмъ ласка-

лись: ибо не было никакого письменнаго указа, осуждающаго на изгнанїе Г. Волтера: долгое же его отсудствїе ничему иному приписать было должно, какъ его естественному безпокойству и словеснымъ наущенїямъ о его удаленїи.

Безсомнѣнїя, множество его сочинений сожженныхъ, были побужденїемъ къ его отъѣзду; однакожъ и о семъ ни какого не было указа. Сїи сочиненїя были безъимянныя или лжеимянныя, отъ коихъ онъ всегда отпирался; по сему надлежало сдѣлать правильное изслѣдованїе объ оныхъ, которое бы въ семъ просвѣщенномъ вѣкѣ было весьма ненавистно, и на которое не позволилъ бы парламентъ, гдѣ онъ имѣлъ сродниковъ, друзей и удивляющихся ему.

По сему Попы принуждены были заходить съ другой стороны; кричать противу соблазна и тужить о пребыванїи его въ Парижѣ. Архїепископъ какъ болѣе

всѣхъ желающїй его изгнанїя и ревностнѣйшїй о защищенїи вѣры, писалъ прямо къ Королю: и представлялъ его Величеству, что сей старикъ, обезпокоенный переѣздкою въ дурное время года, и множествомъ посѣщенїй, и еще болѣе удрученный печалїю о не милости къ нему Монарха, не можетъ въ скорости возвратиться въ Ферней, и что бы сїе было безчеловѣчно, къ тому его принудить; что онъ можетъ отъ сего умереть, и что бы Е. В. сдѣлалъ милость оставить отъѣздъ на его произволенїе.

Вотъ въ какомъ состоянїи находились дѣла, когда Г. Волтеръ сдѣлался боленъ истеченїемъ крови. Г. Тронхинъ посѣщалъ его повседневно, и часто по утру и подъ вечеръ; ибо Г. Волтеръ немогши удовольствоваться нравственностїю, часто просилъ у него совѣтовъ о своемъ естествѣ. Докторъ ему воспрещалъ лѣкарства, и совѣтовалъ ему шок-

мо быть бодру духомъ, умѣрить его стремленіе, отригнуть страсти, и жить въ мирѣ и спокойствіи: немогши же съ сея стороны ничего отъ онаго ожидать, онъ написалъ къ Виллету слѣдующую записку, которая есть особеннаго рода, но истинна извѣданная опытомъ.

„Я бы весьма желалъ сказать само-„лично Г. Маркизу де Виллету, чтобы съ „самыхъ тѣхъ поръ, съ которыхъ Г. „Волтеръ находится въ Парижѣ, жилъ „бы сообразуяся своимъ силамъ; и всѣ „его истинныя друзья должны желать, „чтобы онъ сдѣсь жилъ бережно. Но „живя такимъ образомъ какъ нынѣ, мо-„жетъ всѣ свои силы прожить: и если „мы не виною: то будемъ свидѣтели „смерти Г. Волтера.

Можно вѣрить, что сіе важное разсужденіе нѣкоторыя сдѣлало напечатлѣнія въ старомъ больномъ, которой не желалъ еще умереть: но пріобыкши уже

восемдесятъ четыре года жить, всегда жаловаться, торжествовать силою своего сложенія надъ всѣми умножающимися болѣзнями призывать на помощь науку врачевства, и надъ оною насмѣхаться, онъ не много былъ тронутъ симъ послѣднимъ совѣтомъ дружбы.

Нетерпѣливо желая видѣть представленную свою трагедію, 22 дня онъ роздалъ лица комедіянтамъ, которые къ нему были созваны. Онъ имъ велѣлъ повторить по бумагѣ, и почти всѣми не будучи доволенъ, многажды принуждалъ ихъ начинать снова, и для образованія ихъ, почти всю свою Ирину самъ возглашалъ. Сіе напряженіе несвойственное его годамъ соединенное съ сильнымъ гнѣвомъ, въ коемъ онъ пребывалъ большую часть засѣданія, причинило ему довольно великое изтеченіе крови въ слѣдующій вторникъ.

Парижской журналъ о семъ приключеніи возвѣщая, на утро произвелъ худое

слѣдствіе, чрезъ возбужденіе духовенства. Никто еще изъ членовъ онаго не посѣщалъ сего *главы невѣрія*; Прелаты и другіе церковнослужители, равно и его сочлены Академіи, не хотѣли участвовать въ семъ поступкѣ, ни также удовольствоваться пріятельскими разсужденіями на его щетъ: они почли сію минуту удобною, чтобы притти къ нему, обратить его, или по крайней мѣрѣ получить нѣкоторое наружное дѣйствіе вѣры, коимъ бы могли они его превозмочь и возторжествовать надъ нимъ.

На сей случай были собранія у Парижскаго Архіепископа, на которыхъ разсуждали о способѣ взяться за сіе дѣло. Аббатъ Гольтіеръ, ризничей неизцѣлимыхъ, отрѣшенной Iезуитъ, и пламенной Ентузіастъ, старающійся о важности своего чина Аббатъ Виллемезанъ, самой запальчивѣйшій Жансенистъ на сіе рѣшились: они были ободрены Абба-

томъ де л' Аттейнанъ , симъ старинымъ и заматерѣлымъ грѣшникомъ. Аббатъ Гольтіеръ въ сію минуту будучи не менѣе снѣдаемъ ревностію о обращеніи Г. Волтера, вздумалъ, что онъ есть тотъ человѣкъ, коего небо предъоставило для совершенія сего чуда. И такъ будучи симъ обнадеженъ, отправляется онъ къ философу: приходитъ къ нему, яко посланый отъ Бога : говоритъ голосомъ увѣрительнымъ и повелѣвающимъ, коимъ принуждаетъ его исповѣдываться; сверьхъ того беретъ съ него подписку, на подобіе Символа вѣры, въ которой *глава невѣрія* изъясняется, что онъ хочетъ жить и умереть въ Католической Апостольской Римской вѣрѣ, которую онъ исповѣдываетъ , и отрицается отъ всего того , что есть противнаго оной въ сочиненіяхъ имъ обнародованныхъ.

Но къ несчастію Аббатъ Гольтіеръ не согласился съ попомъ С. Сульпиція , или, покрайней мѣрѣ, сей возъимѣлъ къ

тому же ревность, которая однакожъ не сдѣлала никакой пользы вѣрѣ. Изъ переписки, напечатанной, которая была между Г. Волтеромъ и Пастыремъ, видно, что первый оправясь отъ страха, причиненнаимъ съ одной стороны лѣкаремъ, а съ другой попомъ, насмѣхался равно и надъ солдатомъ и надъ Генераломъ.

Начальникъ Енциклопедистовъ былъ осмѣиваемъ не менѣе прочихъ начальниковъ. Онъ самъ краснѣлъ своей слабости, и думалъ извиниться другимъ предразсужденіемъ. Онъ говорилъ, что ему не хотѣлось быть брошену въ навозную яму: по чему чрезъ нѣсколько дней хотѣлъ возвратиться въ Ферной, для сокрытія тамо стыда своего; но оный опять былъ забытъ по причинѣ новыхъ куреній, приносимыхъ ему почитателями, на случай выздоровленія его. Впрочемъ, если въ немъ и осталось какое еще напечатлѣніе, то оное совершенно изгладилось чрезъ успѣхъ перьваго представленія его трагедіи.

Чрезъ нѣсколько дней, только и рѣчей было, что о его *Иренѣ*, и какъ бы занять мѣсто для ея зрѣнія: равнымъ образомъ и для сочинителя мѣста были перемѣняемы: иные сажали его въ креслахъ на театрѣ, чтобы публика могла его видѣть: другіе дѣлали ему честь, вводя его въ ложу Королевы, гдѣ бы онъ находился за ея Величествомъ: разсудительные же люди сажали его въ Камеръ-юнкерскую ложу; но все сіе было безполезно: ибо лѣкари ему запрещали тамо быть въ первой день.

16 Марта играли сію трагедію, столь долго ожидаемую. Никогда не было такого великаго собранія, и по обстоятельствамъ выгоднѣйшаго: ибо на оной, изключая Короля, вся Королевская фамилія, всѣ Принцы и Принцессы крови были. Вотъ о ней судъ, явившейся уже въ безпристрастныя времена.

При разсыпаемыхъ похвалахъ на Г: Волтера журналистами и его ласкателя

ми, при случаѣ трагедіи *Ирены*, безпристрастно можно сказать, что первые два дѣйствія были пряняты съ искреннимъ удовольствіемъ, и имѣютъ подлинно прекрасныя черты; но послѣдніе три слабы и холодны. Правда, есть въ ней благородныя явленія, и есть мѣста исполненныя чувствованія; но нѣтъ ничего истинно трагическаго; нѣтъ того сильнаго краснорѣчія, которое примѣчается въ *Едиппѣ*, *Альзирѣ*, *Магометѣ* и пр. . . . чтожъ касается до разговора, то онъ очень пространенъ, много въ немъ пустаго и исполненъ повтореніями. Лучшія лица найдены довельно поразительными, истинными и выдержанными; но развязки являются въ однихъ только словахъ, и сіе твореніе не имѣетъ почти никакого дѣйствія. Словомъ: сія трагедія наполняетъ только число послѣдникъ посредственныхъ трагедій Г. Волтера.

Тогда никто не дерзнулъ сказать столь искренне Творцу: но между тѣмъ, какъ изслѣдывали сїю его трагедїю, послѣ втораго дѣйствїя отправленъ былъ изъ театра посланной, чтобы объявить Г. Волтеру удовольствїе, полученное зрителями; послѣ четвертаго отправленъ былъ второй съ объявленїемъ о всеобщей холодности: а при концѣ пятаго дѣйствїя Г. Дюнюи, мужъ дѣвицы Корнелїи, первый къ нему прїѣхалъ съ объявленїемъ, что *Ирена* имѣла полной успѣхъ.

Послѣ сего вошелъ одинъ изъ его друзей, и нашелъ Г. Волтера на постелѣ пишущаго, надутаго будущими похвалами, и приводящаго въ порядокъ вторую свою трагедїю *Агафокла*, которую онъ изготовлялъ для представленїя послѣ *Ирены*. Философъ с начала много показалъ спѣси, и на его привѣтствїе отвѣчалъ: ,,что вы ,,мнѣ говорите, то меня утѣшаетъ: но ,,не трогаетъ. Послѣ сего онъ разпраши-

валѣ, какія мѣста, какія единословія, и какіе стихи болѣе произвели дѣйствія? Ему были читаны нѣкоторые отрывки противу духовенства, какъ весьма хвалимые; и онъ весьма желалъ знать, заплатили ли они за то досадное напечатлѣніе, которое его исповѣдь въ публикѣ произвела.

Въ слѣдующіе дни приходили къ нему болѣе тридцати голубыхъ кавалеровъ для поздравленія: ложной видъ его успѣха часъ отъ часу прирасталъ, и наконецъ совершенно умножился 19 дня, въ которой Академія прислала къ нему посланныхъ съ увѣреніемъ, что она пріемлетъ участіе въ его торжествѣ.

Все сіе было токмо предпразднество того чрезвычайнаго праздника, какого Театральный мѣсяцословъ никогда не имѣлъ, да никогда и имѣть не будетъ.

На семъ не остановилося о немъ увѣдомленіе: во всѣхъ газетахъ было о

немъ упоминаемо, и только оставались неизвѣстными одни тайные Анекдоты.

Все въ настоящей жизни смѣшанно съ горестію: часто самое величайшее торжество послѣдуемо бываетъ униженіемъ: а сіе и Г. Волтеръ многажды испыталъ, коего при толикомъ самолюбіи, и малое униженіе могло отравить все благополучіе.

1 е). Онъ зналъ, что въ день его торжества Королева будетъ на оперѣ, и потомъ проѣдетъ тайно во французскую комедію, дабы отъ сего *Нестора письмянъ* принять не лестное почтеніе. Но онъ не получилъ сего удовольствія: ибо сказываютъ, что она въ своей ложѣ получила записку, отвратившую ея отъ перваго намѣренія, и что по томъ была возвращена съ дороги къ его Величеству.

2 е). Хотя его *Ирена* и была играна при дворѣ; но онъ не могъ туда пріѣхать,

какЪ онЪ тѣмЪ ласкался, и какЪ ему Королева подавала кЪ тому надежду. ВЪ день представленія, когда Король одѣвался, чтобы итти на зрѣлище, придворные услыша, что онЪ не любитЪ Волтера, для угожденія ему разхулили трагедію, и тѣмЪ уже явную кЪ нему ненависть умножили.

3 е). НаконецЪ Фернейской старикЪ, наслаждаясь куреніемЪ славы, старался о своихЪ дѣлахЪ такЪ, какЪ человѣкЪ обЪ нихЪ токмо думающій. ВЪ одинЪ день онЪ былЪ у Парламентскаго Прокурора, называемаго Гюро, чтобы попросить его о нѣкоторомЪ своемЪ дѣлѣ, о которомЪ тотЪ не имѣлЪ нималаго понятія, и Г. ВолтерЪ имѣлЪ неудовольствіе видѣть сего Парламентскаго защитника, совершенно его неузнающаго, и принявшаго его, какЪ бы просящаго у него покровительства, такЪ что наконецЪ принужденЪ онЪ былЪ обЪявить ему о своемЪ имени. Надобно думать, что сей бѣдной судья жилЪ вЪ такомЪ невѣденіи, что не зналЪ о пребываніи вЪ Парижѣ Г. Волте-

ра: однако при имени *Волтера* онъ открываетъ глаза и уши: весь домъ встревожился и слухъ переходитъ изъ устъ во уста, такъ что сей философъ возвращаясь въ карету, увидѣлъ уже себя окруженнаго множествомъ народа.

Явленіе гораздо сего смѣшнѣе, но не меньше ругательное для Г. Волтера за нѣсколько дней случилось прежде, въ видѣ грубой шутки на площади Лудовика XV: которое сдѣлало изрядное нравоученіе Парижскимъ жителямъ. Одинъ Шарлатанъ продавая книжки о картахъ и о способѣ въ оныя играть, сказалъ: ,,Вотъ, го- ,,спода! что вамъ надобно знать; ето весь- ,,ма чудесно, и вы въ томъ не усомни- ,,тесь, когда я вамъ скажу, что все сіе ,,я получилъ изъ Фернея, отъ того ве- ,,ликаго человѣка, надѣлавшаго столько ,,здѣсь шуму, отъ славнаго Волтера, все- ,,общаго нашего учителя.

Между тѣмъ какъ Шарлатанъ, такъ его освистывалъ предъ народомъ, пропо-

вѣдники гремѣли противъ него на Каѳедрахъ, съ неистовствомъ, достойнымъ XV вѣка: а Аббатъ Борегардъ не щадилъ его въ Версалїи; онъ сѣтовалъ о той славѣ, которою желали покрыть главу нечестивой Секты, и противника вѣры; онъ весьма чувствительно ругалъ фернейскаго старика, а что Король не заказалъ сего Евангельскаго Ентузїязма, то сему не должно дивиться потому, что о немъ немилостивое ему предразсужденїе вдохнуто было съ самаго еще младенчества. Сїе-то самое отнимало у него надежду когда-либо примириться съ Монархомъ. Иногда онъ рѣшился оставить сїи очарованныя мѣста, возвратиться въ уединенїе, и тамо всегда пребывать.

Но въ прекрасное время года, въ которое онъ могъ бы ѣхать, былъ болѣе, нежели когда-либо удерживаемъ множествомъ предмѣтовъ ему встрѣчающихся, какъ то: множествомъ друзей, и удивляющихся

ему покровителей, которыхъ ему должно было посѣщать; пространствомъ идей; и намѣреніями ему отъ обстоятельствъ представляющимися: почему пребывая четыре мѣсяца въ Парижѣ, могъ онъ сказать, что болѣе жилъ, нежели десять лѣтъ въ Фернеѣ.

Однако болѣе уже не сомнѣвались, чтобы онъ изъ Парижа не уѣхалъ тайно, когда увидѣли въ свѣтѣ его Піесу подъ названіемъ: *прощаніе старика.*

Но сіе не что иное было, какъ Піитической вымыслъ, чтобы показать свѣту стихи исполненные пріятности, благородства, легкости и чувствованія; чтобы имѣть входъ къ Принцамъ, коихъ онъ искалъ помощи противу враговъ своихъ въ Версаліи, и жаловаться на Англичанъ, съ которыми начиналась война. Здѣсь токмо то покажется чрезвычайнымъ, что онъ Маркиза Виллета сравниваетъ съ Тибулломъ, и называетъ его мудрецомъ.

Отъѣздъ его былъ остановленъ тѣмъ, что его *прекрасная и добрая* . . . . выкинула. — Сей новый полубогъ былъ принужденъ еще принимать вѣнцы, и видѣть возстановленными себѣ жертвенники, такъ что наконецъ въ одинъ для него постыдной день, по причинѣ излишества сего суевѣрія, онъ вскричалъ: я какъ *Спартакъ*, стыжусь славы своей.

Мы мало будемъ воспоминать о принятіи его во франкмасоны, въ ложу *девяти сестръ*, 8 дня Апрѣля, и о дѣтской церемоніи, чемъ Г. Волтеръ думалъ довольно заплатить за почести, оказанныя ему при случаѣ его выздоровленія. Сія ложа состояла по большей части изъ людей искусныхъ въ письменахъ.

Мы не будемъ также упоминать о почесстяхъ воспріятыхъ имъ на зрѣлищѣ Гжи де Монетесоиъ, у Герцога де Шартръ и у Гжи Герцогини, которые принудили его вмѣстѣ съ собою садиться играть, и слушали его долгое время.

Но чтобы не быть намъ скучнымъ, повторенiемъ тѣхъ же похвалъ, то упомянемъ токмо о нѣкоторыхъ особенныхъ Анекдотахъ; или по ихъ новости, или по незапному произшествiю.

Напримѣръ: не любопытное ли то зрѣлище! видѣть сего старика, давшаго себя отвести къ славнѣйшимъ Лаисамъ, въ тотъ самой день, въ которой онѣ его посѣщали? т: е: въ среду на страстной недѣлѣ онъ былъ у дѣвицы Арну, и всѣ зрители были удивлены легкостiю обращенiя съ придворной философа.

Спустя нѣсколько дней, французскiе комедiянты собрались для назначенiя недѣли открытiя театра, къ коимъ прiѣхалъ сей старой больной, и изъ нихъ нѣкоторыхъ весьма благодарилъ за попеченiя о поспѣшенiи представленiя *Ирены*, и о удовольствованiи оною публику. Притомъ имъ объявилъ, что вознамѣрившись ѣхать въФерней, онъ оставляетъ имъ рукопись

трагедіи *Агаѳокла* и комедіи *Права господскаго* съ тѣмъ, чтобы они въ нихъ сдѣлали нужныя перемѣны. Чтожъ касается до послѣдней, то она была играна въ 1762 году и оказалась посредственною.

Думали, что можетъ быть Г. Волтеръ находится уже при входѣ въ Академію изящныхъ писмянъ; но сіе общество, или по крайней мѣрѣ заговоръ монаховъ, а паче Жансенистовъ, ничего для него лѣстнаго не сдѣлалъ. Въ прочемъ, она ему сдѣлала величайщее уничиженіе, пріявши въ число своихъ членовъ Г. Ларшера, величайшаго противника нашему философу, которой противъ него возражалъ противоположеніями Сціентифическими, на кои сей могъ отвѣчать токмо насмѣшками и ругательствомъ.

Наипаче онъ желалъ торжествовать во Французской Академіи, и съ нетерпѣливостію ожидалъ публичнаго засѣданія; но не могъ онаго получить по причинѣ

сопротивленія Прелатовъ и другихъ членовъ: а болѣе по причинѣ опасенія онымъ не угодить двору. Ожидая сего, сколько могъ присудствовалъ онъ какъ Директоръ: и можно ли повѣрить, что желалъ тамъ доказать себя во всякомъ родѣ! можно ли повѣрить, что тотъ, которой во всю жизнь свою не открывалъ ни одной грамматики, и которой многократно говорилъ, что не должно ничего писать о языкѣ, и не знать въономъ другаго учителя кромѣ обхожденія , предпріялъ исправить словарь, и притомъ будучи осмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду.

Онъ съ великимъ жаромъ принялся за букву А , и въ страхѣ , чтобы не охладѣть въ семъ скучномъ дѣлѣ, не хотѣлъ его оставить не докончивъ ; по томъ удвоилъ онъ чашки кофею, которой въ такомъ случаѣ часто пивалъ, а отъ сего произошла у него безсонница : и когда онъ былъ въ семъ состояніи, то пріѣхалъ къ нему Герцогъ Ришелье для посещенія, которой былъ

почти одинакихъ съ нимъ лѣтъ; но въ цвѣтущемъ здравіи. Г. Волтеръ спросилъ у него, какъ онъ можетъ спокойно спать? — Маршалъ ему сказалъ объ одномъ составѣ, которой онъ въ таковыхъ случаяхъ съ пользою употребляетъ. Сего состава прислалъ онъ больному, которой не удовольствуясь предписаннымъ пріемомъ, принялъ вдвое, или еще болѣе, и вскорѣ погрузился въ сонъ, продолжавшейся тридцать шесть часовъ. Проснувшись почувствовалъ весьма жестокую болѣзнь мочеизпущенія: призваны были четыре врача; но всѣ ихъ попеченія были недѣйствительны. Больной еще шутилъ: онъ призываетъ къ себѣ Маршала Ришелья, брата своего Кена, и умираетъ 30 Маія.

За четыре дни предъ его смертію Г. Де Лалла дѣло его въ Парламентѣ возобновилъ, почему и писалъ къ нему Г. Волтеръ: ,,Слыша сію новость умирающій оживаетъ: ,,онъ нѣжно объемлетъ Г. Де Лалла; ви- ,,дитъ, что Король есть защитникъ пра- ,,восудію, и съ симъ умретъ доволенъ.

LXVI.

Сїе письмецо можетъ быть почтено за послѣднее дохновенїе Автора, и онъ по томъ столько былъ утѣсненъ, что никакъ уже не могъ оправиться.

Хотя и былъ онъ одержимъ жестокою болѣзнїю, а наипаче страхомъ о приближенїи смерти; но Попъ С. Сульпицїя много разъ къ нему приходя, не могъ ничего отъ него получить. Наконецъ Пасторъ, за нѣсколько минутъ предъ послѣднимъ его издыханїемъ, приближась къ умирающему, началъ его вопрошать о вѣрѣ; но Г. Волтеръ ему сказалъ: *господинъ Попъ, позволь мнѣ спокойно умереть.* По томъ напрягши всѣ свои силы, оборотился на спину и умеръ.

Нѣкоторые Попы хотѣли сдѣлать подложное обращенїе Г. Волтера, при послѣднемъ его издыханїи; но сїя хитрость имъ не удалась, и они принуждены были удовольствоваться проповѣдованїемъ его невѣрїя, и отказывая соблазнительнымъ образомъ въ его погребенїи. Его фамилїя не могла получить дозволенїя, чтобы погреб

сти его во гробѣ издавна для него приготовленномъ въ Фернеѣ, по причинѣ Епископа д' Аннеси, котораго суевѣрія опасались. Аббатъ Минотъ, племянникъ философа, вздумалъ похороиить своего дядю въ своемъ Аббатствѣ Селлїерскомъ, въ Шампанїи: и вотъ какъ произходила сїя комедїя.

По открытїи трупа, подняли оный и опять одѣли въ парикъ и шлафрокъ. Аббатъ Минотъ перьвой прибылъ въ монастырь, и говорилъ своимъ монахамъ, что „его дядя, хотя уже умирающей, „желалъ къ нему прiѣхать; что онъ не „могъ ему отказать въ семъ утѣшенїи, „и хочетъ для него убрать покои; но „притомъ опасается, чтобы сїе не „было вотще. Въ самомъ дѣлѣ, спустя нѣсколько, прiѣхала карета, и извощикъ объявилъ, что его господинъ на дорогѣ умеръ и сталъ уже портиться. Сїе объявленїе подтверждено было Медиками и Хирургами, и по сему безъ замедлѣнія его похоронили.

Послѣ сего, запрещенїе о погребенїи Г. Волтера дошло до Епископа Тройскаго, вЪ Епархїи котораго находится сей монастырь; но уже дѣло было сдѣлано, и не безЪ причины говорятЪ, что „сей „ПрелатЪ будучи менѣе другихЪ суевѣренЪ, „не хотѣлЪ за сїе ни сЪ кѣмЪ ссориться.

ВЪ прочемЪ правительство благопрїятствуя духовнымЪ, заказало всѣмЪ журналистамЪ говорить о умершемЪ, и комедїянтамЪ играть его творенїя до новаго приказанїя. Тщетно Французская Академїя покушалась сдѣлать утѣшенїе душѣ сего умершаго.

Спустя нѣсколько времени, позволено ей было предложить о сочиненїи ему похвалы изЪ награжденїя: но Король Прусской здѣлалЪ ему похвальное слово, которое читано было публично вЪ Берлинской Академїи.

СМѢШЕННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Часть I.

I.

СЛАВА.

Пусть *Цицеронъ* любитъ славу, разрушивъ заговоръ *Катилины*! ему сіе простительно.

Пусть Король Пруской *Фридерикъ Великій* думаетъ о своей славѣ, будучи законодателемъ, Историкокомъ, стихотворцемъ и философомъ своего отечества! Пусть онъ любитъ страстно славу, или пусть будетъ скроменъ: за то еще болѣе прославлять его будутъ.

Когда ИМПЕРАТРИЦА Всероссійская ЕКАТЕРИНА Великая, будучи побуждаема звѣрскою наглостію Турецкаго Султана, явила свѣту весь свой высокій духъ, выпустивъ изъ нѣдръ сѣвера четыре ескадры, коихъ устрашились Дарданеллы и меньшая Азія: когда въ 1770 году завоевала ОНА побѣдоснымъ

своимъ оружїемъ четыре Провинцїй у сихъ Турковъ, которые въ прежнїе времена приводили въ трепетъ всю Европу. По симъ великимъ ЕЯ дѣламъ всѣ почтутъ весьма справедливымъ, чтобъ наслаждалася ОНА своею славою, и всѣ съ удивленїемъ будутъ слушать ЕЕ говорящую о сихъ успѣхахъ съ равнодушїемъ и величественнымъ видомъ; и по сему еще болѣе достойна ОНА прославленїя.

Однимъ словомъ: симъ только великимъ людямъ приличествуетъ *слава*, хотя они рождены такими же смертными, какъ и другїе.

Но ежели на концѣ запада, мещанинъ нѣкоего города, называемаго *Парижемъ*, близь *Ганессы*, думаетъ также быть прославляемымъ, когда Университетскїй студентъ, пришедъ къ нему, говоритъ передъ нимъ слѣдующую рѣчь: „*Милостивый государь! слава прiобрѣ-*

тенная вами, при отправлении вашей должности; ваши знаменитые труды, о коихъ гремитъ вся вселенная и пр: тогда я спрошу: найдется ли во всей вселенной столько свистковъ, которыми можно бы было по достоинству освистать *славу* Парижскаго мещанина и велеречїе Педанта, проблеявшаго сїю прекрасную речь въ чертогахъ *Милостиваго его государя?*

Мы столь безумны, что даже и самаго Бога сделали, подобно себе, тщеславнымъ.

Бен Аль Бетифъ, тотъ достойный начальникъ Дервишей, говорилъ имъ некогда: „Любезные братїя! весь„ма похвально, что вы часто употреб„ляете сїе священное изреченїе изъ *Аль „Корана: Во имя милосерднейшаго Бога*; „ибо Богъ ко всемъ оказываетъ свое ми„лосердїе, и вы частымъ повторенїемъ „сихъ словъ научаете людей подражать

„своему Создателю, въ исполненіи сей „добродѣли, безъ которой мало бы лю„дей на землѣ осталось; однакожъ, бра„тія мои! остерегайтесь, чтобъ не упо„добиться при ономъ тѣмъ дерзновен„нымъ, кои во всякое время превозносят„ся, будто бы трудятся къ прославле„нію Божіему. Ежели когда случается, „что молодой студентъ доказываетъ „предложеніе изъ Категоріи, при кото„рой присудствуетъ какой нибудь не„вѣжда; то онъ съ самаго начала сего „доказательства подписываетъ: *во сла„ву Божію*. Сей нечестивый обычай у „многихъ употребляется, и почитается „знакомъ набожности, будто бы они все „дѣлаютъ *во славу Божію*. Чтобы вы „сказали о томъ маломъ Чаушѣ, которой „вымѣтая соръ изъ комнаты нашего Сул„тана, кричалъ бы къ народу: *въ великую „славу нашего непобѣдимаго Монарха?* „а между Султаномъ и Богомъ по

„ истиннѣ болѣе разстоянія, нежели ме-
„ жду Султаномъ и Чаушемъ.

„Какое можете вы имѣть участіе,
„ нещастные земные червячки, называю-
„ щіеся *человѣками*! во славѣ Существа
„ безконечнаго? Можетъ ли Онъ любить
„ *славу*, и пожелаетъ ли ее отъ васъ
„ получать? Доколѣ двуножныя и непер-
„ натныя твари! будете вы дѣлать Бога
„ по вашему подобію? Какъ! только для
„ того, что вы тщеславны и любите *сла-
„ ву*, хотите, что бы и Богъ также оную
„ любилъ! Ежели бы было много боговъ,
„ то можетъ быть, каждой бы изъ нихъ
„ захотѣлъ имѣть *славу* превосходно
„ предъ другими; и тогда можно бы бы-
„ ло сказать: *въ прославленіе единаго
„ Бога*. Ежели бы возможно было срав-
„ нить безконечное Величество, съ чрез-
„ мѣрною низкостію: то сей Богъ былъ
„ бы подобенъ *Александру*, Царю *Маке-
„ донскому*, или *Скандеру*, которой хо-

„хотѣлъ спорить въ преимуществѣ съ „другими, подобными ему Царями; но вы „бѣдные человѣки! какое прославленїе мо- „жете сдѣлать Богу, что бы оное совер- „шенно было Его достойно? И такъ „престаньте употреблять всуѣ Его „Священное имя. Императоръ *Октавїй* „*Августъ* запрещалъ выхвалять Бога, „всѣмъ безъ различїя, въ училищахъ Рим- „скихъ, страшась, чтобы тѣмъ Святое „Его имя не пришло въ неуваженїе: рав- „нымъ образомъ и вы не можете ни уни- „зить Высочайшее Существо: ни же дос- „тойно превознести Его прославленїемъ. „Смирите себя предъ вашимъ Создате- „лемъ; чтите Его съ благоговенїемъ и „пребывайте въ молчанїи.

Такъ говорилъ *Бен-Аль-Бетифъ*, и Дервиши послѣ сей его рѣчи всѣ возопили: *слава Богу! Бенъ Аль Бетинфъ* говорилъ *очень разумно.*

II

О ДУШѢ.

Я полагаю двенадцать добрыхъ Философовъ на одномъ островѣ, на которомъ они кромѣ однихъ только земныхъ произрастѣнїй, никогда ничего не видали. Хотя таковой островъ, а особливо двенадцать добрыхъ философовъ, найти весьма трудно; однакожъ полагать то въ своихъ мысляхъ, всякому позволено. Оные Философы разсматривая земныя произрастѣнїя, удивляются жизненному соку протекающему по всѣмъ стеблямъ оныхъ, который, какъ кажется, иногда умираетъ и по томъ паки оживляется: и не вѣдая совершенно, какимъ образомъ сїи растѣнїя раждаются, какъ растутъ и получаютъ свою пищу, назвали оный жизненный сокъ, *растущею душею.*

Что чрезъ сїе названїе вы разумѣете? вопрошаютъ у нихъ. Сїе слово, отвѣтствуютъ она, изображаетъ неизвѣстную силу дѣйствующую надъ оными растѣнїями. Но не видите ли вы, говоритъ имъ одинъ Механикъ, что все сїе дѣйствїе происходитъ естественно, посредствомъ равновѣсїя, тяжести, притяженїя и обращенїя питательныхъ ихъ соковъ? Не правда, говорятъ наши философы, въ сихъ растѣнїяхъ дѣйствуетъ нѣчто другое, кромѣ обыкновеннаго движенїя; есть нѣкая потаенная сила, которую имѣютъ въ себѣ растѣнїя, коею привлекаютъ они къ себѣ сокъ, подающїй имъ пищу, а сїя непостижимая ни какому Механику сила, есть особливый даръ, которымъ Богъ одарилъ вещество; свойства же оной ни ты ни я, никакимъ образомъ постигнуть не можемъ.

Спорившя такимъ образомъ сїи раз-

суждатели, увидѣли наконецъ звѣрей. А! а! сказали они; по довольномъ разсмотрѣніи оныхъ, вотъ животныя снабденныя такими же какъ и мы членами! они безъ сомнѣнія одарены также и памятью, а можетъ быть имѣютъ оной больше еще и нашего. Конечно и они также подвержены различнымъ страстямъ, имѣютъ о многихъ вещахъ познаніе и также какъ и мы размножаютъ родъ свой. Послѣ сего оные мудрецы разсѣкаютъ сихъ животныхъ и находятъ въ нихъ сердце и мозгъ. Возможно ли! восклицаютъ они, Творецъ сихъ машинъ, который ничего тщетно не сотворяетъ, не уже ли одарилъ ихъ оными чувственными органами съ тѣмъ, чтобъ съ ними не имѣли они никакого чувства? Сему никакъ повѣрить не возможно; конечно есть и въ нихъ нѣчто такое, что мы называемъ душею; въ нихъ безъ сомнѣнія есть

нѣчто доказывающее чувствительность и имѣющее въ себѣ нѣкоторую часть мыслей и воображенія. Но чтобъ такое было сіе нѣчто, сія главнѣйшая пружина, дѣйствующая надъ всѣми тѣлесными составами? со всѣмъ ли оно различно отъ вещества? или то есть духъ чистѣйшій и невещественный? или существо посредствующее между веществомъ, которое мы очень мало постигаемъ, и чистѣйшимъ духомъ, о коемъ не имѣемъ мы никакого понятія? или нѣкое особливое свойство, которымъ Богъ одарилъ тѣло снабденное членами?

Тогда дѣлаютъ они различныя испытанія надъ насѣкомыми и надъ земляными червями, разсѣкаютъ ихъ на многія части и къ чрезмѣрному своему удивленію видятъ, что по нѣсколькомъ времени у всѣхъ тѣхъ отсѣченныхъ частицъ, являются головы и изъ каждой частицы составляется такое же жи-

вотное, которое изъ самаго своего разрушенія получаетъ всѣ составы, способные къ размноженію своего рода. Не уже ли сіи животныя имѣли многія души, коими оживотворилися всѣ отсѣченныя ихъ частицы? Они подобны деревамъ, произращающимъ вѣтви и получающимъ отъ оныхъ вновь бытіе свое; развѣ и дерева также имѣютъ многія души? Но какъ сему никакого нѣтъ доказательства, то весьма быть можетъ вѣроятно, что душа сихъ животныхъ, есть со всѣмъ другаго рода, нежели что называемъ мы *растущею душею* въ земныхъ произрастѣніяхъ, и что оная есть особливая высочайшая сила, которою Богъ благоволилъ одарить въ нѣкоторомъ количествѣ мыслящихъ тварей. Се есть новый знакъ его Всемогущества; се есть новая причина, побуждающая обожать сего премудраго Создателя.

Тутъ одинъ грубый человѣкъ, который былъ худымъ мудрецомъ, услышавъ сіи слова, имъ сказалъ: вы всѣ плуты и беззаконники; васъ всѣхъ надлежитъ сжечь, для блаженства душъ вашихъ; понеже вы не признаете безсмертія души человѣческой. Философы при сихъ поносныхъ словахъ взираютъ другъ на друга съ великимъ удивленіемъ и одинъ изъ нихъ отвѣтствуетъ ему съ кротостію и снисхожденіемъ: за что насъ такъ поспѣшно осуждать на сожженіе? По чему ты могъ подумать, чтобъ мы имѣли такія мысли, будто бы твоя жестокая душа была смертна? По тому, говорилъ грубіянъ, что вы думаете, яко бы Богъ одарилъ звѣрей, кои снабдѣны такими же какъ и мы тѣлесными составами, высочайшею способностію имѣть чувства и мысли. А какъ духъ сихъ животныхъ купно съ ними изчезаетъ,

слѣдственно вы полагаете, что и человѣческая душа также изчезаетъ.

Философъ на оное отвѣтствуетъ: мы не со всѣмъ еще увѣрены, чтобъ то, что мы называемъ *духомъ* въ звѣряхъ, купно съ ними изчезало. Намъ довольно извѣстно, что вещество никогда не изчезаетъ и мы вѣримъ, что очень можетъ статься, что Богъ вложилъ и въ звѣрей нѣчто такое, которое никогда не изчезаетъ, а если Богу угодно, то равнымъ образомъ онъ можетъ ихъ одарить и способностїю имѣть мысли. Мы не увѣряемъ точно, чтобъ оное было справедливо, ибо человѣкамъ не подлежитъ быть столь имовѣрнымъ. Мы не дерзаемъ полагать предѣлы Божїю всемогуществу, а только говоримъ, что весьма вѣроятно, что звѣри, будучи составлены изъ вещества, могутъ одарены

быть нѣкоторымъ малымъ понятіемъ. Мы каждый день открываемъ различныя свойства въ веществѣ, то есть, тѣ дары Божіи, о коихъ прежде сего не имѣли мы никакихъ помышленій. Съ начала полагали мы вещество существомъ протяженнымъ; по томъ узнали, что надлежало присоединить къ нему твердость; чрезъ нѣсколько времени послѣ того, слѣдовало полагать такъ, что сіе вещество имѣетъ въ себѣ нѣкую силу, которую называютъ: *силою Инертическою* (La force d'inertie) то есть такою, которая содержитъ всѣ тѣлесные составы въ совершенномъ порядкѣ и равновѣсіи; а наконецъ мы чрезвычайно удивлялись, когда принужденными себя нашли признаться, что вещество имѣетъ въ себѣ притягательную силу.

Когда мы хотѣли простирать наши изслѣдованія далѣе, то принуж-

дены были познать существа въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходствующими съ веществомъ, но кои однакожъ не имѣютъ въ себѣ тѣхъ свойствъ, которыми одарено вещество. На примѣръ, стихїйной огонь имѣетъ надъ нашими чувствами равныя дѣйствїя, какъ и другїе тѣлеса; но не стремится подобно имъ къ центру, а напротивъ того со всѣхъ сторонъ отъ центра убѣгаетъ по прямымъ линеямъ и кажется со всѣмъ не повинуется законамъ притягательной силы. Оптика заключаетъ въ себѣ такїя тайны, до коихъ никоимъ образомъ достигнуть не возможно, развѣ только кто возъимѣетъ дерзновенїе полагать, что лучи свѣта одинъ въ другой проницаютъ. Есть дѣйствительно въ свѣтѣ нѣчто такое, которое отличаетъ его отъ извѣстной матерїи и кажется, что свѣтъ есть существо посредствую-

щее между тѣлесами и другими родами существъ намъ неизвѣстныхъ. Весьма вѣроятно, что сіи другіе роды, суть сами собою та средина, которая показываетъ путь къ познанію о другихъ созданіяхъ; и такимъ образомъ составлена цепь различныхъ существъ, кои простираются до самой безконечности.

Usque adeo quod tanget idem est, tamen ultima distant.

Таковое мнѣніе кажется намъ достойнымъ Божія величества, если можетъ что нибудь быть его достойнымъ. Между сими существами Онъ безъ сомнѣнія могъ избрать одно, которое вложилъ въ наши тѣлеса, и кое называютъ *человѣческою душею*; Священныя писанія читанныя нами, научаютъ насъ, что сія душа есть безсмертна, да и самый разсудокъ соглашуется съ симъ Божественнымъ откровеніемъ; ибо какимъ образомъ воз-

можно, чтобъ какое-либо существо могло подвержено быть изчезанію? Всякая вещь отъ употребленія ветшаетъ, истинное же ее существо остается. Мы не можемъ постигнуть сотворенія онаго существа, равнымъ образомъ не постигаемъ и его изчезанія; однакожъ не дерзаемъ утверждать, чтобъ всемогущій и высочайшій Творецъ всѣхъ существъ, не могъ одарить чувствами и понятіемъ всякое существо снабденное тѣлесными составами. Ты точно почитаешъ себя увѣреннымъ, что твоя душа съ самаго начала своего имѣетъ свойство мыслить, но мы не совершенно еще въ томъ увѣрены; ибо когда мы разсматриваемъ зародыша, то съ трудомъ можемъ повѣрить, чтобъ душа его могла имѣть какіе мысли будучи въ матерней утробѣ, равнымъ образомъ мы весьма сомнѣваемся, чтобъ человѣкъ находясь въ крѣпкомъ

и глубокомъ снѣ, или въ совершенномъ безпамятствѣ, могъ непрестанно имѣть мысли; и такъ кажется намъ, что мысль не должна быть точнымъ свойствомъ мыслящаго созданія; но особливымъ даромъ, коимъ Создатель одарилъ тѣхъ тварей, которыхъ называемъ мы *мыслящими*; а все оное раждаетъ въ насъ нѣкоторое сомнѣніе, что ежели бы онъ захотѣлъ, то могъ бы одарить симъ даромъ и самомалѣйшую пылинку и учинить безсмертными какъ оную пылинку, такъ и даръ свой, или разрушить ихъ по своему благоволенію. Не столь трудно познать, какимъ образомъ вещество можетъ имѣть мысли, нежели сколь непостижимо то, какимъ образомъ мыслитъ существо безтѣлесное. Ты имѣешъ мысли только по тому, что Богу было благоугодно одарить тебя оными; но для чего же ты хо-

чешъ, чтобъ не сообщалъ Онъ сего дара другимъ родамъ животныхъ? Не уже ли будешъ ты столь дерзновененъ, что осмѣлишся думать, что твоя душа точно такого же рода, какого тѣ существа, кои предстоятъ предъ лицемъ Божїимъ? Весьма то вѣроятно, что оныя существа гораздо насъ превосходнѣе, слѣдственно Богъ благоволилъ ихъ одарить чрезвычайно лучшимъ даромъ и способностїю мыслить; равнымъ образомъ онъ одарилъ и звѣрей весьма посредственнымъ количествомъ мыслей и понятїя, гораздо менѣе нежели ты одаренъ оными. Я со всѣмъ не вѣдаю какъ я продолжаю мою жизнь, а ты хочешъ, чтобъ я зналъ отъ чего имѣю я мои мысли: душа есть часы, которые Богъ препоручилъ въ наше управленїе, но Онъ намъ не далъ знать, изъ чего пружина сихъ часовъ составлена.

Естьли что во всемъ ономъ изъ чего бы можно было заключить, что души наши смертны? Я еще повторяю, что мы думаемъ также какъ и ты о безсмертіи, о коемъ вѣра намъ возвѣщаетъ; однакожъ купно помышляемъ и о томъ, что мы весьма невѣдущи, чтобъ могли утверждать, яко бы Богъ не имѣлъ могущества по волѣ своей одарить мысленнымъ даромъ всякое созданіе. Ты полагаешъ границы всемогуществу Создателя, который есть безпредѣленъ, а мы напротивъ того простираемъ оное столь далеко, доколѣ простирается Его существованіе. Прости насъ, что мы Его почитаемъ всесильнымъ и всемогущимъ, такъ какъ мы тебя прощаемъ, что ты умаляешъ Его могущество. Ты безъ сомнѣнія вѣдаешъ обо всемъ, что онъ можетъ дѣлать, а мы ничего не знаемъ; и такъ поживемъ на семъ свѣтѣ въ

братскомъ согласіи и будемъ обожать нашего всеобщаго Отца мирно и безмятежно, вы съ вашими душами премудрыми и смѣлыми, а мы съ нашими невѣдущими и робкими. Намъ только одинъ день жить на семъ свѣтѣ, такъ проведемъ оный въ тишинѣ и спокойствіи, не входя въ пустые споры о такихъ трудныхъ непостижимостяхъ, кои будутъ намъ извѣстны въ будущей безсмертной жизни, въ которую мы завтрешній день водворимся.

III.

О ТЕРПИМОСТИ, И ЧТО ФИЛОСОФЫ НИКОГДА ВРЕДНЫМИ БЫТЬ НЕ МОГУТЪ.

Безумецъ не умѣя ничего на сїе отвѣтствовать, говорилъ долго и бѣсился очень много. Бѣдные Философы на нѣсколько недѣль принялися читать Исторїю и по довольномъ чтенїи, вотъ что сказали они сему невѣждѣ, который былъ столь не достоенъ имѣть безсмертную душу.

Другъ мой! мы читали, что съ самаго начала свѣта всѣ вещи находились въ таковомъ же порядкѣ, какъ въ нынѣшнее время, и что въ древнїя времена люди имѣли болѣе добродѣтели и не угнѣтали Философовъ за тѣ мнѣнїя, которыя они имѣли: для чего же

ты хочешь причинить намъ зло, за такїя мнѣнїя, коихъ со всѣмъ мы не имѣемъ? Мы читали, что въ древнїя времена вещество отъ всѣхъ почиталося вѣчнымъ и тѣ кои признавали оное созданнымъ, оставляли другихъ въ покоѣ. *Пиѳагоръ* полагалъ, что прежде онъ былъ пѣтухомъ, а родители его свиньями, никто ему въ томъ не противорѣчилъ, и сїя его Секта была всѣми любима и почитаема, выключая однихъ только поваровъ и торгующихъ бобами.

Стоики признавали единаго Бога и почитали Его почти таковымъ, каковымъ полагали Его послѣ того дерзновенные послѣдователи *Спинозы*; однакожъ сїя *Стоическая* Секта была изобильно преисполнена героическими добродѣтелями и болѣе другихъ прославляема.

Епикуріянцы дѣлали Боговъ своихъ подобными Французскимъ Каноникамъ, коихъ все Божество состояло только въ томъ, что они наслаждались совершеннымъ здоровьемъ, не чувствуя никакихъ болѣзней и спокойно пили свой *Нектаръ* и *Амврозію*, ни во что другое не вмѣшиваясь. Сіи *Епикуріянцы* дерзновенно явнымъ образомъ поучали вещественности и смертности души; однакожъ и они не въ меньшемъ были уваженіи. Ихъ принимали во всѣ чины и достоинства и изогнутыя ихъ пылинки не причиняли никогда никакого зла въ свѣтѣ.

Платоники по примѣру *Гимнозофистовъ* не удостоивали насъ, чтобъ мы созданы были самимъ Богомъ, а по ихъ мнѣнію, Богъ оставилъ сіе попеченіе духамъ Ему подчиненнымъ, которые въ работахъ своихъ дѣлали

великія ошибки. Богъ *Платониковъ* былъ превосходнѣйшій художникъ, который для созданія всѣхъ вещей на семъ свѣтѣ, употреблялъ весьма посредственныхъ учениковъ своихъ. И сіе Платоново ученіе люди не менѣе почитали.

Однимъ словомъ, хотя у Грековъ и у Римлянъ было очень много различныхъ Сектъ и мнѣній о Богѣ, о душѣ, о прошедшемъ и о будущемъ, однакожъ ни которая изъ оныхъ Сектъ не была гонима. Хотя всѣ они не были справедливы, но всѣ были мирны и спокойны: сіе-то самое приводитъ насъ въ стыдъ и замѣшательство, и доказываетъ, что большая часть нынѣшнихъ мудрецовъ, суть изверги и чудовища, а древніе были человѣки. На Римскомъ театрѣ явнымъ образомъ пѣли post mortem nihil est, ipsaque mors nihil.

То есть. „По смерти никакой нѣтъ „другой жизни да и самая смерть ни„что.„ Однакожъ сіи мнѣнія, людей ни лучшими ни худшими не дѣлали; всѣ вещи управляемы были обыкновеннымъ своимъ порядкомъ и *Титы*, *Трайяны* и *Маркъ Авреліи* царствовали на землѣ благодѣтельствующими Богами.

Если же отъ Грековъ и отъ Римлянъ обратимся мы къ народамъ варварскимъ, то посмотримъ только на Іудеевъ. Сколь ни былъ суевѣренъ, злобенъ и невѣдущъ сей бѣдный народъ, однакожъ почитали они Фарисеевъ, кои вѣрили опредѣленію рока и преселенію душъ въ другіе тѣла; равнымъ образомъ уважали и Садукеевъ, которые со всѣмъ не признавали безсмертія души и бытія духовъ, и основывались на одномъ только законѣ

Моисеевом. Ессеніяне, вѣрующіе также опредѣленію рока, и никогда не приносящіе никакихъ жертвъ въ храмѣ еще были болѣе отъ нихъ почитаемы, нежели Фарисеи и Садукеи; никакое ихъ мнѣніе никогда не возмущало правленія, хотя и было тутъ за что рѣзать, сожигать и убивать другъ друга взаимно, ежели бы они того захотѣли. О бѣдные человѣки! воспользуйтесь сими примѣрами. Мыслите сами и давайте другимъ свободу объявлять свои мнѣнія; въ томъ состоитъ единое утѣшеніе нашихъ слабыхъ разумовъ въ сей краткой жизни. Возможно ли! вы приняли бы къ себѣ ласково и учтиво Турка, который вѣритъ, что *Магометъ* путешествовалъ въ Луну и остерегались бы досадить Пашѣ *Боневалу*, а хотите гнать и притѣснять вашего собрата, единственно за то, что онъ думаетъ, что Богъ могъ

бы по своему благоволенїю одарить понятїемъ всякое созданїе.

Такимъ образомъ говорилъ одинъ изъ сихъ философовъ, но другой еще къ тому присовокупилъ: повѣрь мнѣ, никогда не должно страшиться, чтобъ какое либо мнѣнїе Философическое могло вредить всякому божественному закону. Наши тайны хотя и бываютъ иногда противны нашимъ доказательствамъ, однакожъ оныя тѣмъ не менѣе быть могутъ почитаемы нашими Христїянскими Философами, коимъ довольно извѣстно, что предметы здраваго разсудка и вѣры, суть различнаго свойства. Никогда философы не составятъ законной Секты; а для чего? для того, что они не приписываютъ себѣ ложно Божественнаго откровенїя и никогда отъ ревности къ вѣрѣ не лишаются чувствъ и здраваго разсудка.

Раздѣлимъ весь родъ человѣческій на двадцать частей и положимъ, что девятнадцать изъ оныхъ частей, составлены изъ людей трудящихся и питающихся дѣломъ рукъ своихъ, кои во всю жизнь свою не будутъ знать былъ ли когда Г. *Локъ* на свѣтѣ; въ двадцатой же части, сколь мало находится таковыхъ, кои углубляются въ чтеніе полезныхъ книгъ; ибо между тѣми, которые читаютъ, надлежитъ положить двадцать человѣкъ читающихъ пустые сказки, противъ одного обучающагося философіи; и такъ весьма малое число можно найти на семъ свѣтѣ людей здравомыслящихъ, и оные никогда не вознамѣрятся возмутить человѣческую тишину и спокойство.

Кто же суть тѣ, кои возжигали свѣтильникъ раздора и несогласія въ

своемъ отечествѣ? Не ужели то были: *Помпонацъ*, *Монтаньи*, *Левайеръ*, *Картезій*, *Гассендій*, *Бель*, *Спиноза*, *Гоббезій*, *Лордъ Шафтсбури*, Графъ *Буленвиліеръ*, Консулъ *Маліетъ*, *Толандъ*, *Колленъ*, *Флуддъ*, *Волстанъ*, *Бекеръ*, скрытый Авторъ подъ именемъ *Іакова Масея*, сочинитель *Турецкаго шпіона*, *Персидскихъ* и *Іудейскихъ писемъ*, *Философическихъ мыслей* и пр. — Со всѣмъ нѣтъ: а то были по большой части богословы, которые съ начала по честолюбію своему хотѣли быть начальниками новозаводимой Секты, а вскорѣ по томъ пожелали быть главами надъ всѣмъ народомъ. Однимъ словомъ, всѣ книги нынѣшней философіи совокупленныя вмѣстѣ, никогда не здѣлаютъ въ свѣтѣ такого шума, каковой произошелъ на предъ сего отъ спора между Францисканами, о формѣ ихъ рукавовъ и капишоновъ.

IV.

О МЕЧТАТЕЛЬНОМЪ БОГОВДОХНОВЕНИИ.

Геометрія не всегда дѣлаетъ разумъ справедливымъ. Въ коликую бездну иногда впадаютъ съ сею подпорою разума? Одинъ славный Протестантъ, котораго почитали между первыми Математиками нынѣшняго времяни и который шествовалъ по стопамъ *Невтона, Лейбница,* и *Бернульи,* за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, вознамѣрился вывесть изъ священнаго писанія весьма чудныя сравненія. Тамъ сказано: ,,что съ одной крупинкой ,вѣры, можно подвигнуть горы,, а онъ разсуждая по вычетамъ Геометрическимъ, самъ себѣ сказалъ: я имѣю много крупинокъ вѣры, слѣдственно я въ состояніи здѣлать больше, нежели

подвигнуть горы. Его-то видѣли въ 1707 году въ Лондонѣ, сопровождаемаго нѣсколькими мудрецами, людьми весьма разумными, возвѣщающими публично, что они могутъ воскресить мертваго во всякой гробницѣ, которая имъ будетъ показана. Всѣ ихъ разсужденія доказываны были Геометрическою Фигурою. Сверхъ того они еще говорили: поелику истинные ученики должны дѣлать чудеса, слѣдственно и мы почитая себя истинными учениками, можемъ здѣлать все то что похочемъ. Святые чтимые Римскою церковїю, не зная со всѣмъ Геометрїи, воскрешали многихъ мертвыхъ, и такъ нѣтъ никакого сомнѣнїя, чтобъ мы съ сею наукою не могли воскресить всякого, кого только пожелаемъ.

Ни въ чемъ не можно было спорить противъ сихъ доказательствъ,

ибо они были весьма основательны. Наконецъ сей славный Протестантъ и Геометръ, будучи преисполненъ весьма великою вѣрою, увѣрялъ столь надежно, что будетъ воскрешать мертвыхъ, и сіе похвальное предложеніе здѣлало столь великое впечатлѣніе въ народѣ, что Королева *Анна* принуждена была въ одинъ день назначить ему часъ и гробницу по собственному его выбору, дабы здѣлалъ онъ сіе чудо вѣрно, при собраніи всего народа. Святый Геометръ избралъ для сего доказательства соборную церковь Св. Апостола Павла; собранный народъ сталъ подлѣ оной въ два ряда; часовые были поставлены для содержанія живыхъ и мертвыхъ въ должномъ почтеніи и писцы готовились уже записывать оное въ публичные журналы. Открыли одно мертвое тѣло по выбору самого С. Геометра; онъ читалъ подъ онымъ молитвы,

бросался на колѣни и дѣлалъ многія набожныя движенія; товарищи его дѣлали самое то же, однакожъ мертвой не являлъ никакого знака жизни. Наконецъ зарыли его опять въ землю и наказали легкимъ наказаніемъ воскресшателя и его сообщниковъ. Я видѣлъ послѣ того одного изъ сихъ бѣдняковъ, который признавался мнѣ, что одинъ изъ нихъ здѣлалъ въ тотъ день неумышленное согрѣшеніе, отъ чего мертвой не могъ воскреснуть, а безъ онаго, никакой не учинили бы они ошибки.

Если бы позволено было здѣсь открыть, какому стыду и безчестію подвергали себя иногда тѣ самые люди, которымъ надлежало бы оказывать наивеличайшее почтеніе: то я бы сказалъ: что и самый великій и славный мужъ *Невтонъ* находилъ въ Апокалипсисѣ, будто бы Папа былъ Антихристъ и многія другія подобныя симъ

дѣлалъ пустыя толкованія; я сказалъ бы объ немъ, что онъ въ семъ случаѣ весьма строго слѣдовалъ Аріанской Сектѣ. Хотя и то правда, что сія *Невтонова* ошибка столько же не сходствуетъ съ безумнымъ мнѣніемъ моего Геометра, сколько не не сходствуетъ единство съ безконечностію, да и со всѣмъ бы не надлежало дѣлать между ими никакого сравненія; однакожъ сколь бѣднымъ и немощнымъ можно почесть родъ человѣческій, когда и великій *Невтонъ* учинилъ столь великую ошибку, что мнилъ находить въ Апокалипсисѣ предсказаніе нынѣшняго произшествія въ Европѣ.

Кажется, что суевѣріе есть заразительная болѣзнь, которой и наивеличайшія души иногда бываютъ подвержены. Въ Турецкой землѣ есть люди весьма разумнѣйшіе, кои въ состояніи бы были вытерпѣть великія мученія,

за нѣкоторыя мнѣнія *Абукекеровы*. Ежели какіе правила одинъ разъ бываютъ кѣмъ приняты, то оные уже почитаются весьма важными; *Наварисцы*, *Радаристы* и *Яваристы* непрестанно другъ противъ друга вооружаются остреумнѣйшими и основательнѣйшими доказательствами; выводятъ изъ оныхъ похвальныя слѣдствія; однакожъ никогда не дерзаютъ входить въ изслѣдованія перваго начала.

Нѣкто пустилъ слухъ, что есть на свѣтѣ Исполинъ семидесяти футовъ высотою; вскорѣ послѣ того всѣ ученые люди начали изслѣдывать, какого цвѣта должны быть его волосы, каковой величины большой его палецъ, и какою мѣрою его ногти. Они входятъ о семъ въ большіе споры, раздѣляются на разныя партіи, ссорятся и дерутся; тѣ которые увѣряютъ, что мезинецъ шого Исполина не болѣе какъ въ пят-

надцать линей Геометрическихъ, сожигаютъ техъ кои утверждаютъ, что сей мезинецъ въ цѣлой футъ толщиною. Но, государи мои, вашъ Исполинъ точно ли существуетъ? спросилъ у нихъ съ кротостїю одинъ прохожїй. Какое гнусное сомнѣнїе! возопили вдругъ всѣ спорщики; какое богохулїе! какая глупость и безумїе! тогда на малое время прекратили они свои споры, для того только, чтобъ погубить сего прохожаго и наконецъ умертвивши его торжественно въ примѣръ другимъ, по прежнему начали ссориться и драться за мнѣнїе о ногтяхъ и о пальцѣ.

V.

О БѢСНУЮЩИХЪ.

Однихъ только бѣснующихъ никогда не можно привести къ здравому разсудку. Ежели кто о себѣ скажетъ: я бѣснующій, то по словамъ его надлежитъ ему въ томъ вѣрить; ибо таковые не бываютъ понуждаемы къ дѣланію дѣлъ чрезвычайныхъ; а если иногда они то и дѣлаютъ, то не иначе какъ по особливой на то власти и правамъ. Что должно отвѣчать такому человѣку, который необычайно ворочаетъ глазами, кривляетъ ртомъ и говоритъ о себѣ, что діаволъ въ тѣло его вселился? Безъ сомнѣнія каждый примѣчаетъ то, что во внутренности своей онъ чувствуетъ. Въ древнія времена очень много было таковыхъ бѣснующихъ, да и нынѣ довольно оныхъ

найти можно; а ежели бы они вознамѣрилися съ людьми драться, то имъ тѣмъ же бы самымъ отплатили, послѣ чего сдѣлалися бы они тише и спокойнѣе. Но что принадлежитъ до такого бѣснующаго, который только что корчится и кривляется, никому ни малаго зла не дѣлая, таковому вредить никто никакого права не имѣетъ; если же кто захочетъ войти съ нимъ въ споръ, то бѣснующїй безъ сомнѣнїя оспоритъ; ибо онъ скажетъ, что дїаволъ вчерашнїй день вселился въ него въ такомъ-то и такомъ-то страшномъ образѣ, и что съ того самаго времени чувствуетъ онъ необычную колику, которую никакими лѣкарствами излѣчить не возможно. Съ таковымъ человѣкомъ нѣчего другаго дѣлать, какъ только, или читать надъ нимъ заклинательныя молитвы, или оставить его во власти дїавола.

Очень жаль, что нынѣ нѣтъ уже ни бѣснующихъ, ни волшебниковъ, ни Астрологовъ, ни духовъ. Со всѣмъ не можно понять, къ чему были потребны за сто предъ симъ лѣтъ всѣ сїи тайны. Въ тогдашнее время всѣ дворяне жили въ своихъ замкахъ; а какъ зимнїе вечера бываютъ очень долги, то они померли бы отъ скуки безъ сихъ благородныхъ увеселенїй; тогда не было ни одного замка, куда бы въ нѣкоторые назначенные дни, не прiѣзжала какая фея или волшебница, какъ то: фея *Мерлюзина* прiѣзжала нѣкогда въ замокъ *Лузигнанской*. Главный ловчїй человѣкъ сухой и черный, разъѣзжалъ съ сворою черныхъ собакъ по *Фонтенебельской* рощѣ. Дїаволъ свернулъ шею Маршалу *Фаберту* и проч: . . . Въ каждой деревнѣ были тогда свой волшебникъ, или волшебница и каждый Принцъ имѣлъ собственнаго своего Астро-

лога; всѣ знатныя госпожи заставляли отгадывать, что съ ними въ предъ случится, и бѣснующїе по всѣмъ полямъ были разсѣяны. Тогда о томъ только и говорили: кто видалъ чорта, или кто могъ бы его увидѣть: и таковыми разговорами всѣ разумные люди непрестанно занимались; нынѣ же со всѣмъ потеряли вкусъ въ хорошемъ и забавномъ провожденїи времени, а проводятъ оное только карточною игрою.

VI.

ПИСЬМО

О

СЛОВАХЪ ПОХВАЛЬНЫХЪ.

Вы справедливо, государь мой, сомнѣваетесь въ истиннѣ словъ похвальныхъ; окыя почти всѣ сочиняемы бываютъ подданными льстящими своимъ Государямъ, или что и того еще хуже, гнусными подлецами, кои предлагаютъ знатному вельможѣ жертву, приносимую съ гнуснымъ уничиженіемъ, а приемлемую съ презрѣніемъ.

Я всегда удивляюсь, что Консулъ Плиній, достойный наперстникъ Траіяновъ, имѣлъ терпѣливость выхвалять его въ продолженіи трехъ часовъ, а Траіянъ могъ то отъ него выслуши-

вать. Говорятъ ко извиненїю и того и другаго, что Плинїй, не желая обезпокоить своихъ слушателей, сократилъ большую часть продолжительнаго своего слова; однакожъ ежели бы онъ сократилъ изъ онаго и еще четвертую часть, то и тогда было бы оно весьма еще продолжительно.

Одно только то, привлекаетъ нѣкоторое мое вниманїе къ сему похвальному слову, что было оное говорено предъ цѣлымъ собранїемъ Сената и предъ главными начальниками Римскими, въ честь такого Государя, который почиталъ ихъ о себѣ мнѣнїя, благороднѣйшею для себя наградою; сїе слово было нѣкоторымъ договоромъ между Республикою и Императоромъ: Плинїй выхваляя Траїяна, что былъ онъ попечителенъ, правосуденъ, человѣколюбивъ и милосердъ, побуждалъ

его чрезъ то всегда быть таковымъ; и Траїянъ въ продолженїе жизни своей, довольно оправдалъ сїе доброе Плинїево о немъ мнѣнїе.

Евсевїй Кесарїйскїй, два вѣка по слѣ того спустя хотѣлъ въ церквѣ то же самое здѣлать для Константина, что Плинїй въ Капитолїи учинилъ въ честь Траїяну; но я не знаю можетъ ли сей Герой Евсевїевъ сравняться въ чемъ нибудь съ Плинїевымъ Героемъ, а знаю только то, что краснорѣчїе сего Священника нѣсколько различествовало отъ Плинїева.

,,Богъ, говоритъ онъ, одарилъ раз,,личными качествами вещество; съ начала Онъ украсилъ оное двумя, по томъ усовершенствовалъ тремя, при,,давъ ему долготу, широту и глубину; ,,послѣ того удвоивъ двойственное чи-

„сло, Онъ составилъ изъ онаго че-
„тыре стихїи и сїе четвероякое число
„произвело наконецъ десятерное; и такъ
„трижды десять составило одинъ мѣ-
„сяцъ и проч:.... Луна будучи та-
„кимъ образомъ украшена тридесят-
„нымъ единствомъ, что составляетъ
„тридцать дней, по истеченїи оныхъ
„всегда является съ новымъ блиста-
„нїемъ, по чему и явствуетъ, что
„нашъ великїй Императоръ Констан-
„тинъ, есть достойный любимецъ Бо-
„жїй; ибо онъ царствовалъ тридцать
„лѣтъ.

Такимъ то образомъ разсуждаетъ сей Епископъ, сочинитель Евангельскаго приуготовленїя въ своемъ словѣ по крайней мѣрѣ столь же продолжительномъ каково Плинїево.

Нынѣ вообще, мы весьма рѣдко

великихъ людей въ глаза похваляемъ, а случается то иногда въ тѣхъ только письмахъ, чрезъ которыя посвящается кому какая книга, кои никѣмъ никогда не читаются, даже и тѣми самими, кому оныя приписаны.

Похвальныя слова говоренныя при погребенiи, были въ великомъ употребленiи въ прекрасный вѣкъ Лудвика XIV. Тогда прославлялся одинъ красноречивый мужъ, рожденный съ отмѣннымъ даромъ для таковыхъ сочиненiй, который не токмо что заставлялъ слушать терпѣливо вс̂е его восклицанiя, но и съ великимъ удивленiемъ устремлять ко онымъ свое вниманiе. Онъ умѣлъ искусно словами изображать различные предмѣты и имѣлъ способность извлекать великiя красоты изъ самыхъ сухихъ матерiй. Онъ подражалъ тому Симониду, который прино-

силЪ жертву БогамЪ и тогда, когда надлежало ему произносить похвалу людямЪ посредственнымЪ.

То правда, что весьма часто находятЪ странныя несогласїя между истинными начертанїями вЪ Исторїи, и блистательною поверьхностїю вЪ словахЪ надгробныхЪ. Прочитайте только похвальное слово Боссюетово Михайлу Теллїеру Канцлеру Французскому, то вы увидите, что онЪ вЪ немЪ изображенЪ премудрымЪ и справедливымЪ; посмотрите же на противЪ того описанїе дѣлЪ его вЪ письмахЪ госпожи де Севигне, во оныхЪ описанЪ онЪ жестокосердымЪ и хитрымЪ придворнымЪ, который измѣнялЪ двору во время злоумышленїя, а по томЪ принявЪ паки сторону двора, возставалЪ противЪ друзей своихЪ; который поступалЪ сЪ ФукетомЪ вЪ темницѣ сЪ крайнимЪ

безчеловѣчїемъ, судилъ его съ жестокостїю и собиралъ голоса для осужденїя его къ смертной казни. Въ собранїи всегда онъ предлагалъ самые жестокїе совѣты. Графъ Граммонтъ увидя его нѣкогда выходящаго изъ кабинета Королевскаго, уподоблялъ хитрой лисицѣ, которая выбѣгаетъ изъ скотнаго двора, облизывая свое рыло обагренное кровїю скотовъ ею умерщвленныхъ.

Сїе противорѣчїе, съ начала привлекло нѣкоторыя насмѣшки къ словамъ надгробнымъ, а напослѣдокъ многочисленность сихъ похвальныхъ восклицанїй, произвело ко онымъ и самое отвращенїе. Ихъ почитали суетными обрядами; скучнымъ блистанїемъ погребательной пышности и тягостною жертвою, приносимою одному только мѣсту, а не достоинству.

Кто ничего въ жизни своей добродѣтельнаго не сдѣлалъ, того надлежитъ по смерти совсѣмъ предать забвенїю. Супруга Лудовика XIV. была ни что больше, какъ дочь сильнаго Государя и жена великаго человѣка; почему и надгробное ей слово весьма посредственно изъ всѣхъ сочиненныхъ Боссюетомъ; а слова говоренныя въ честь Принцамъ Конде и Тюренну сдѣлали безсмертнымъ имя сочинителя. Но что такое сдѣлала въ жизни своей Анна де Конзагъ Графиня Фальцская, которой имя Боссюетъ хотѣлъ также учинить безсмертнымъ? Она живши въ Парижѣ имѣла только любовниковъ и друзей; будучи женщиною разумною открывала она свѣту дерзновенныя свои мысли во все то время, доколѣ наслаждалася здоровьемъ и красотою; а наконецъ достигнувъ старости и пришедъ въ изнеможенїе учинилася набожною. Можетъ

быть никому ни малой до того не было нужды, что сїя Анна де Конзагъ развратилась въ своей вѣрѣ, будто бы увидѣвъ во снѣ нѣкоего слѣпца, курицу и собаку, и что умерла по томъ въ рукахъ монаха обращающаго ее въ другую вѣру.

Лудовикъ XIV. въ продолженїе царствованїя своего, будучи побѣдителемъ и миротворцемъ, оказывалъ великое мужество въ превратностяхъ щастїя и былъ постояненъ въ благоденствїи; покровительствовалъ Государей несчастныхъ, ободрялъ науки и художества и издавалъ новые законы; по чему безъ сомнѣнїя не взирая на великїя его погрѣшности достоинъ онъ былъ, чтобъ память его была прославляема. Однакожъ онъ не былъ столь счастливо превозносимъ похвалами по смерти своей, сколько во время своей жизни;

или то произошло отъ того, что при концѣ его царствованія случившіяся нещастія остудили сердца Витіевъ и отягчили общество; или, что похвальное ему слово говоренное Пеллиссономъ въ Академіи въ 1671 году, было дѣйствительно краснорѣчивѣе всѣхъ надгробныхъ словъ сочиняемыхъ по его смерти; или лучше сказать, что въ прекрасные дни его Царствованія, блистаніе его славы превозвышало и самое Пеллиссоново твореніе. Но всего болѣе приобрѣло почтенія къ Лудовику XIV, что во время жизни его было говорено двенадцать похвальныхъ словъ сему Монарху, въ двенадцати городахъ Италіи и оныя были къ нему присланы чрезъ Маркиза Зампіери въ золотомъ переплетѣ. Сія чудная и единодушная похвала, воздаваемая иностранными не изъ боязни, и интересу, была наградою за то ободреніе, которое

Лудовикъ XIV, подавалъ во всей Европѣ наукамъ и художествамъ, коимъ онъ былъ тогда единымъ покровителемъ.

Одинъ Французскій Академикъ сочинилъ въ 1748 году похвальное слово Лудовику XV, и сіе сочиненіе въ особливости имѣетъ въ себѣ примѣчанія достойнаго то, что не видно въ немъ ни малой лести и ни одного стиха, въ которомъ примѣчены бы были высокопарныя восклицанія обыкновенно въ таковыхъ сочиненіяхъ употребляемыя. Сочинитель на противъ того хвалитъ воономъ одни только добрые дѣла его; ибо сей Король Французскій окончилъ тогда войну, въ которой одержалъ онъ побѣду при двухъ сраженіяхъ, присудствуя самъ своею особою; и заключилъ миръ, въ которомъ не хотѣлъ никогда предоставить для себя никакой особливой выгоды. Сей

поступокъ превышающїй обыкновенную политику не былъ превозносимъ Махїавелемъ, но гражданиномъ Философомъ. Оный гражданинъ будучи подданнымъ сему Монарху, которому воздавалъ онъ должную справедливость, страшился, чтобъ званїе подданнаго не побудило кого почесть его льстецомъ; по чему и не объявилъ о своемъ имяни; сочиненїе сїе переведено было на Латинской, на Гишпанской, на Италїанской, на Аглинской языки, и долгое время было не извѣстно, на какомъ языкѣ съ начала оное сочинено было, да и сочинитель также былъ неизвѣстенъ и самъ Государь по сїе время еще не свѣдомъ, кто таковъ былъ сей сокровенный человѣкъ, превозносящїй его похвалами безъ всякаго для себя интересу.

Вы хотите, государь мой, гово-

рить въ вашей Академіи похвальное слово ИМПЕРАТРИЦѢ Россійской; вы можете оное исполнить съ толикою же благопристойностію и похвалою, поелику не будучи ЕЯ подданнымъ, вы воздадите ЕЙ безъ всякаго принужденія таковыя же достойныя похвалы каковыя Маркизъ Зампіери воздалъ Лудовику XV.

ОНА подобно тому Монарху прославляется покровительствованіемъ наукъ и художествъ, благотвореніями изливаемыми ЕЮ внѣ своего Государства а особливо тѣми великодушными вспоможеніями, коими удостоила ОНА невинность *Калласовъ* и *Сирвеновъ* въ такой землѣ, которая со всѣмъ не была извѣстна древнимъ ЕЯ предшественникамъ.

Я исполняю мою должность, госу-

даръ мой, доставляя вамъ нѣкоторыя краски, кои вашими кистями употреблены будутъ для сего изображенія; и буде сіе почтется за нѣкую нескромность, то въ семъ случаѣ едина токмо ИМПЕРАТРИЦА, можетъ то причесть въ вину, а вся Европа безъ сомнѣнія за оное похвалять меня будетъ. Вы увидите, что ежели ПЕТРЪ Великій былъ основателемъ своей Имперіи; если обучилъ ОНЪ сухопутныхъ и морскихъ воиновъ и ежели можно сказать, что ОНЪ содѣлалъ человѣковъ, то также можно подтвердить, что ЕКАТЕРИНА вторая просвѣтила ихъ души.

ОНА преисполнила свой дворъ науками и вкусомъ, сіи знаки ясно доказываются знаменитымъ блистаніемъ ЕЯ Имперіи, продолженіе же оныхъ подкрѣпляетъ ОНА на основаніи полезныхъ законовъ. ОНА едина изъ всѣхъ

Монарховъ созвала Депутатовъ изо всѣхъ городовъ Европы и Азїи находящихся въ ЕЯ владѣнїи для начертанїя купно съ ЕЮ всеобщихъ и единообразныхъ правъ гражданскихъ. Юстинїанъ ввѣрилъ нѣкоторымъ только Юрисконсультамъ попеченїе привести въ порядокъ законную свою книгу; а ОНА напротивъ того, ввѣрила сїю великую народную пользу цѣлому своему Государству, судя съ толикою же справедливостїю съ коликою великостїю души, что надлежитъ подданнымъ своимъ подавать такїе законы, кои апробуютъ они сами; и предвидя, что они вѣчно будутъ чтить и любить такое установленїе, которое будетъ собственнымъ ихъ творенїемъ.

Въ наказѣ своемъ побуждаетъ ОНА людей къ соболѣзнованїю о ближнихъ и къ человѣколюбїю, кои возбуждаются природою, а жестокосердїемъ истребля-

ются; въ немъ уничтожаетъ ОНА жестокія и мучительныя наказанія, съ безчеловѣчіемъ исполняемыя не соразмѣрно съ содѣланными преступленіями; казни преступникамъ обращаетъ ОНА въ пользу всему обществу; отрѣшаетъ ужасное употребленіе мучительной пытки, ко омерзѣнію всѣхъ честныхъ душъ вымышленной, которая противна какъ человѣческому благоразумію, такъ и милосердію самимъ Богомъ заповѣданному; сіе варварство Грекамъ было не извѣстно; Римляне исполняли оное противъ единыхъ токмо своихъ невольниковъ; храбрые Агличане почитали его безчеловѣчнымъ; въ другихъ же земляхъ со всѣмъ не было оно во употребленіи; а наконецъ было иногда умягчаемо и у сихъ народовъ, кои пребывали невольниками древнихъ своихъ предразсудковъ и мало помалу приходили ко ощущенію своей природы и должной справедливости.

Будучи ГОСУДАРЫНЕЮ Самодержавною, ОНА взираетъ со стенанїемъ на гнусное рабство и имѣетъ ко оному крайнее омерзѣнїе. ЕЯ просвѣщенный разумъ легко подаетъ ЕЙ способы различать, колико оные порабощающїе законы, издревле принятые въ сїю обширную землю съ западу, уничтожаютъ человѣческую природу; въ какой народъ пребываетъ бѣдности, когда невольники въ земледѣлїи ни малаго не имѣютъ участїя, и до какой степени люди простирали свое безчеловѣчїе, когда правленїе Гуновъ, Готѳовъ, Вандаловъ, Франковъ и Бургонцовъ, таковымъ порабощенїемъ родъ человѣческїй уничтожало.

ОНА почувствовала, что великое число невольниковъ, кои безпрестанно не для себя самихъ упражняются въ тягостнѣйшихъ работахъ и кои мы-

слятъ, что они рождены токмо для услугъ малому числу ихъ обладателей, не могутъ никогда извлечь себя изъ сея бездны, ежели вспомоществующая рука не будетъ къ нимъ простерта. Многія дарованія въ неизвѣстности погибаютъ; никакое художество и рукодѣліе не можетъ быть исполняемо и великое множество народа дѣлается чрезъ то безполезнымъ какъ самимъ себѣ, такъ и своимъ обладателямъ. Государственные Вельможи получая худыя услуги отъ своихъ невольниковъ, кажутся сами невольниками общаго невѣжества. Они не наслаждаются никакимъ удовольствіемъ въ своей жизни и посреди богатства своего и изобилія пребываютъ безъ всякой помощи. Таковы были въ древнія времяна Короли Франковъ и всѣ грубые и въ невѣжествѣ закоренѣлые ихъ подданные, когда бывали они принужденными вы-

писывать къ себѣ лѣкаря и Астронома изъ Арабіи, музыканта изъ Италіи, часовщика изъ Персіи, и когда Жиды купецкіе маклеры, доставляли все грубое великолѣпіе цѣлому двору ихъ.

Душа Великой ЕКАТЕРИНЫ восприяла намѣреніе быть избавительницею человѣческому роду, въ землѣ простирающейся болѣе тысячи и ста больших Французскихъ миль квадратныхъ.

ОНА не предприемлетъ сего великаго дѣла силою, но единымъ своимъ благоразуміемъ. ОНА поощряетъ первыхъ Имперіи своей Вельможъ быть великодушнѣйшими, управляя людьми вольными. ОНА сама подаетъ тому примѣръ; освобождаетъ невольниковъ изъ подъ ига ихъ властителей; изъемлетъ болѣе пяти сотъ тысячь оныхъ, порабощенныхъ церквѣ, и не допуская

ее за сїе роптать, награждаетъ оный причиненный ей убытокъ; чрезъ то дѣлаетъ ОНА церковъ болѣе почтенною, избавляя ее отъ чинимыхъ ей всѣми многихъ укоризнъ, что порабощала она себѣ людей, коихъ надлежало бы ей услаждать и подавать имъ спасительныя свои наставленїя.

„Порабощенные церквѣ, писано въ „нѣкоемъ письмѣ, исправляли часто „мучительныя и трудныя работы, къ „коимъ по большой части понуждали „ихъ перемѣнные властители; по чему въ 1762 году вознамѣрилася ОНА „взять со всѣмъ изъ подъ монастырскаго владѣнїя недвижимыя имѣнїя, а „монастырямъ назначить особливые до„ходы . . . .

И такъ, государь мой, изъ сего явствуетъ, что ОНА умѣетъ подкрѣ-

плять Божїю церковь ; что чтитъ сколько человѣчество, столько и законъ Божественный ; покровительствуетъ равно и хлѣбопашество и священство ; и что всѣ Государственные благоустройства, благословлять ее долженствуютъ.

Терпимость всѣхъ вѣръ позволена въ ЕЯ Имперїи ; оная предписана въ Государственныхъ узаконенїяхъ и со всѣмъ запрещено чинить притѣсненїя за вѣру. То правда, что тамъ находятся таковые безумцы, кои если не претерпѣваютъ никакихъ притѣсненїй отъ другихъ, то сами себя сожигяютъ, однакожъ ежели бы въ другихъ земляхъ были таковые только безумцы, кои такимъ бы образомъ сами себя предавали смерти, то не могло бы еще изъ того послѣдоватъ великаго зла, понеже другїе были бы

тѣмъ спокойнѣе и *Калласы* не были бы колесованы.

Не думайте, чтобъ оное было писано объ НЕЙ изъ единаго суетнаго тщеславія, и чтобъ ОНА того въ самомъ дѣлѣ не исполняла, ниже изъ похвальнаго желанія приобрѣсти въ Европѣ ЕЙ похвалу отъ людей здравомыслящихъ, кои и другихъ такимъ же образомъ мыслить научаютъ. Со всѣмъ не то, государь мой; ОНА полагаетъ сіе за главные правила въ своемъ правленіи. ОНА написала своею рукою въ законодательномъ совѣтѣ сіи слова, кои на вратахъ всѣхъ городовъ начертать довлѣетъ.

„Въ великой Имперіи, простираю-
„щей свое владѣніе надъ толикимъ
„множествомъ различныхъ народовъ
„исповѣдующихъ разныя вѣры, наивре-

„дительнѣйшая была бы погрѣшность „всѣхъ сихъ вѣръ нетерпимость.„ Примѣтьте, что ОНА рѣшительно полагаетъ нетерпимость въ число погрѣшностей; или почти можно сказать, въ число самыхъ преступленїй. И такъ Самодержавная ИМПЕРАТРИЦА истребляетъ на западѣ гоненїе и рабство; между тѣмъ какъ въ полуденной сторонѣ.....

Судите по сему государь мой, сыщется ли хотя одинъ человѣкъ въ цѣлой Европѣ, который не былъ бы готовъ подтвердить то похвальное слово, которое вы говорить намѣрены, не токмо что сїя ГОСУДАРЫНЯ терпитъ въ своемъ владѣнїи всѣ вѣры, но желаетъ чтобъ и сосѣди ЕЯ въ томъ ЕЙ подражали. Вотъ въ первый еще разъ во все теченїе многихъ вѣковъ въ свѣтѣ; открывается вы-

шняя власть установляющая совершенную свободу въ человѣческой совѣсти; и сія есть наивеличайшая достопамятность въ исторіи нынѣшняго вѣка.

Подобнымъ сему образомъ древніе Персяне, запрещали Карѳагенцамъ приносить людей идоламъ въ жертву.

Дай боже, чтобъ на мѣсто тѣхъ безчеловѣчныхъ варваровъ, кои въ древніе времена устремлялися по долинамъ Скиѳіи, и по горамъ Иммаусу, Кавказу, Алпійскимъ и Пиренейскимъ, все около оныхъ грабя и разхищая, зрѣли мы нынѣ многочисленные войска вспомоществующіе ко опроверженію жестокой Инквизиціи; сей судъ ужаснѣе тѣхъ страшныхъ жертвъ проливающихъ человѣческую кровь, коими предковъ нашихъ толико упрекали, называя то звѣрствомъ и безчеловѣчіемъ.

На конецъ, сей высокій духъ хощетъ внушить своимъ сосѣдамъ то, что начинаютъ уже уразумѣвать во всей Европѣ; то есть, что Метафизическія непостижимыя мнѣнія, будучи чадами гнуснаго невѣжества, суть матери раздора и несогласія; и что церковь вмѣсто того чтобъ говорить: *приношу мечь а не миръ*, долженствуетъ восклицать велегласно: *приношу миръ, а не мечь*. По чему и ИМПЕРАТРИЦА Всероссійская не желаетъ извлекать меча, какъ токмо противъ тѣхъ, кои захотятъ притѣснять (Диссидентовъ).

Не вѣдаю, какія послѣдуютъ слѣдствія отъ несогласія раздирающаго Польшу; но то знаю совершенно, что всѣ разумы должны нѣкогда совокупно прилѣпиться къ сей драгоцѣнной вольности, побуждающей людей взирать

на Бога яко на всеобщаго своего отца и служить ему мирно, не притѣсняя, не уничтожая и не ненавидя тѣхъ, кои приносятъ ему жертву во обрядахъ не сходствующихъ съ нашими.

Сверьхъ сего вѣдаю и то, что Король Польскій есть Государь Философъ, достойный быть союзникомъ ИМПЕРАТРИЦЫ всероссійской; Государь на то рожденный, чтобъ учинить Поляковъ блаженными, буде сами они на то согласятся. Я не вмѣшиваюсь въ дѣла политическія, а мое единственное желаніе простирается ко блаженству рода человѣческаго, и пр: и пр:

ПОВѢСТЬ

О

ВЕЛИЗАРІИ

Я тебя знаю, ты совершенный плутъ; ты хочешь, чтобъ всѣ люди любили единаго токмо Бога, отца всѣхъ человѣковъ. Ты забралъ къ себѣ въ голову по слову С. Амвросія, что и юный Валентиніанецъ хотя бы не былъ крещенъ, не менѣе другихъ спасенъ быть можетъ. Ты могъ имѣть дерзновеніе мыслить купно съ с. Іеронимомъ, яко бы многіе язычники провождали жизнь благочестивую. То правда, что будучи проклятымъ и осужденнымъ, ты не дерзалъ никогда поступить столь далеко какъ с. Іоаннъ Златоустъ, который въ одномъ сво-

емъ поученіи а) сказалъ, что заповѣданія Іисуса Христа столь легки, что многіе единымъ разсудкомъ своимъ оныя постигали.

Praecepta ejus adeo levia sunt ut multi philosophica tantum ratione excesserint.

Ты даже свидѣтельствовался С. Августиномъ, не помысливъ колико разъ онъ самъ отъ словъ своихъ отпирался. Видно что ты одинакаго съ нимъ мнѣнія, когда онъ говоритъ; б) *съ начала созданія рода человѣческаго, всѣ тѣ кои вѣровали въ единаго Бога и кои по силѣ своей внимали его гласу, кои жили благочестиво и справедливо слѣдуя его заповѣдямъ, въ какомъ бы мѣстѣ и въ*

а) III. Поученіе на 1 посланіе С. А. Павла къ Коринѳянамъ.

б) Въ 49 посланіе a Deo gratias

какое бы время ни жили, безъ сомнѣнія имъ спасены были.

Но что и того еще хуже, гнусный Деистъ и Атеистъ! ты, какъ кажется, повторилъ отъ слова до слова изъ посланія С. Павла къ Римлянамъ; *Слава же и честь и миръ всякому дѣлающему благое; Іудееви же прежде и Еллину; нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога. Егда бо языцы не имуще закона, естествомъ законная творятъ, сіи закона не имуще сами себѣ суть законъ.* Однакожъ послѣ сихъ словъ урѣкаетъ онъ Іудеевъ въ лихоимствѣ, прелюбодѣяніи и святотатствѣ.

Наконецъ проклятое чадо Беліалово, ты дерзнулъ самъ отъ себя произнесть сіи нечестивые слова, подъ именемъ Велизарія; *болѣе всего прилѣ-*

пляетъ меня къ моей вѣрѣ то, что она дѣлаетъ меня лучшимъ и человѣколюбивѣйшимъ. Ежели бы она дѣлала меня свирѣпымъ, жестокимъ и немилосердымъ, то я бы ее оставилъ и сказалъ бы Богу въ сей бѣдственной перемѣнѣ, понуждающей меня быть невѣрнымъ или злымъ: я избираю то что менѣе тебя оскорбляетъ. Я видѣлъ многихъ недостойныхъ женщинъ, искуснѣйшихъ полководцовъ, гнусныхъ судей кои не прилѣпляются ни къ чему кромѣ справедливости, и ученыхъ по несчастію болѣе преисполненныхъ вкуса и здраваго разсудка, нежели богословіи, съ чувствительностію удивляющихся симъ глупымъ словамъ и всѣмъ тѣмъ, кто имъ послѣдуетъ.

Несчастной! ты узнаешь каково опровергать мнѣніе Лиценціатовъ изъ

одного со мною училища; ты и всѣ твои проклятые Философы не хотите, чтобъ *Конфуцій* и *Сократъ* были вѣчно во адѣ; вамъ было бы досадно, ежели бы первосвященникъ Англіи не равно приобрѣлъ свое спасеніе, какъ и первосвященникъ Галловъ. Сія нечестивость заслуживаетъ примѣрное наказаніе. Познай основаніе нашей вѣры и вѣдай, что мы осуждаемъ весь свѣтъ, когда сидимъ по мѣстамъ въ учебной нашей палатѣ; въ семъ состоитъ наше удовольствіе. Мы щитаемъ около шести сотъ миліоновъ жителей на землѣ; и ежели положить въ каждый вѣкъ рожденныхъ по три колѣна, то сіе составитъ около двухъ биліоновъ; и если не болѣе щитая какъ только отъ четырехъ тысячь лѣтъ, то по сему вычисленію выходитъ восемдесятъ биліоновъ осужденныхъ, не щитая въ то число ни тѣхъ кои были осужде-

ны прежде, ниже тѣхъ которые должны быть осужденными послѣ; хотя то правда, что изъ сихъ восмидесяти биліоновъ надлежитъ изключить двѣ или три тысячи праведныхъ, однакожъ то самая малость. Весьма утѣшно, когда при выходѣ изъ за стола можно будетъ сказать: возрадуемся друзья мои, мы имѣемъ по крайней мѣрѣ восемдесятъ биліоновъ нашихъ братій, коихъ души сколь ни были блаженны будутъ вѣчно пребывать на вертелѣ, во ожиданіи того времени, когда тѣла ихъ будутъ паки превращены въ прежнее сво бытіе, дабы вмѣстѣ съ душами жариться.

Вѣдай, господинъ оглашенный, что вашъ великій Генрихъ IV. коего вы столь много любите, также въ числѣ осужденныхъ, колико ни былъ онъ преклоненъ къ добродѣтели, а Рава-

льякъ на противъ того очистившись покаянїемъ, наслаждается вѣчною славою; вотъ истинный законъ. Увы! протекло то блаженное время, въ которое могъ бы я тебя изжарить вмѣстѣ съ Іоанномъ Гусомъ и Іеронимомъ Прагскимъ, съ Ардономъ Бресскимъ, съ совѣтникомъ Бургскимъ и со всѣми тѣми нечестивцами, кои не были одинакаго съ нами мнѣнїя въ тѣ благоразумные вѣки, когда были мы властителями, какъ надъ человѣческими мнѣнїями, такъ надъ ихъ кошельками, а иногда и надъ самою ихъ жизнїю!

Кто произносилъ сїи кроткїе слова? монахъ вышедшїй изъ своего училища; кому онъ ихъ говорилъ? одному Академику первой Академїи во Францїи. Сїе зрѣлище происходило въ домѣ одного судьи, человѣка довольно ученаго, къ

которому сей Лиценціатъ приходилъ просить о защищеніи его въ одномъ дѣлѣ, по которому онъ былъ обвиняемъ въ продажѣ церковныхъ вещей. Въ которое же время происходилъ сей разговоръ при моемъ присудствіи? Послѣ изрядной попойки; когда мы обѣдали за однимъ столомъ съ судьею, а монахъ обѣдалъ въ другой комнатѣ съ его служителями, гдѣ довольно сей священный мужъ виномъ разгорячился.

Ахъ! преподобный отецъ, говорилъ ему Академикъ, простите меня, я человѣкъ свѣтской и не читалъ никогда поучительныхъ сочиненій вашихъ учителей. Я заставлялъ говорить стараго Римскаго воина, равно какъ бы то гововорилъ Дюгескленъ, или нашъ ковалеръ Байардъ, или нашъ Тюренъ. Вы знаете, что у насъ, свѣтскихъ людей, часто вылѣтаетъ изъ устъ

много словъ безумныхъ; но вы ихъ благоразумїемъ вашимъ исправляете; одно слово изшедшее изъ устъ вашего Бакалавра исправляетъ всѣ наши погрѣшности. Но какъ Велизарїй не выговорилъ ни одного слова о тѣхъ подаянїяхъ, которыхъ вы себѣ требуете и никакъ не опровергалъ вашего мнѣнїя, то я надѣюсь что вы успокоитесь и великодушно простите бѣдному невѣждѣ, который прогнѣвалъ васъ безъ всякаго злаго намѣренїя.

Ублажай другихъ, кричалъ монахъ, вся ваша шайка составлена изъ плутовъ и обманщиковъ, вы не престаете проповѣдывать о благодѣнїянїи, о кротости и снисхожденїи и даже до того злобу вашу простираете, что хотите всѣхъ увѣрить, что Богъ ко всѣмъ равно благъ и милосердъ. По истиннѣ, мы никакъ не простимъ вамъ сихъ ма-

лыхъ вашихъ заговоровъ. Вы имѣете дѣло съ преподобнымъ отцемъ Га... съ Абдатомъ Ден... и со мною; мы увидимъ какимъ образомъ вы оправдать себя можете. Мы вѣдаемъ, что въ тотъ вѣкъ, когда здравый разсудокъ, который мы по всюду со всѣмъ было истребили, въ нашихъ западныхъ странахъ паки начиналъ раждаться, нѣкїй *Еразмъ* покусился сказать: Sancte socrates, ora pro nobis, и въ честь сему *Еразму* воздвигли статую. Левайеръ учитель *Лудовика* XIV собралъ всѣ сїи богохульныя слова въ своей книгѣ, названной *о добродѣтели язычниковъ*. Онъ имѣлъ дерзновенїе напечатать, яко бы такїе злочестивцы каковы были, Конфуцїй, Сократъ, Катонъ, Епиктетъ, Титъ, Траїанъ, Антонинъ и Юлїанъ, дѣлали много дѣлъ добродѣтельныхъ. Жаль что не могли мы зжечь

какъ его, такъ и его книги, по тому что онъ былъ Статскій Совѣтникъ. Но ты, поелику ни что больше какъ простой Академикъ, то я точно тебя увѣряю, что тебя ни мало щадить не будутъ.

Тогда Судья началъ говорить и просилъ помилованія преступнику. Нѣсть къ нему никакого милосердія, возопилъ монахъ, и святое писаніе то запрещаетъ. Orabuat ſceleſtus ille veniam, quam non erat conſecuturus. Сей злодѣй ни малаго прощенія недостоинъ oportet aliquem mori pro populo. Вся Академія одинаково съ нимъ мыслитъ; и такъ надлежитъ, чтобъ онъ былъ наказанъ вмѣстѣ съ цѣлою Академіею.

Ахъ; братъ Трибулетъ, сказалъ судья, (ибо Трибулетомъ звали сего учителя) то что вы теперь говорили,

не со всѣмъ справедливо. Согласитесь ли вы, чтобъ цѣлое Сорбонское училище за ваши погрѣшности отвѣчало? никогда не надлежитъ обвинять цѣлаго собранїя въ заблужденїяхъ его сочленовъ; захотите ли вы нынѣ уничтожить Сорбонскую Академїю за то, что великое число изъ ея сочленовъ вспомоществовали къ защищенїю доктора Іоанна Петита Францисканца, касательно убивства Герцога Орлеанскаго? Что тридцать шесть Сорбонскихъ докторовъ купно съ братомъ Мартиномъ Инквизиторомъ, осудили Дѣвственницу Орлеанскую живую на сожженїе, за то что вспомоществовала она своему Королю и своему отечеству? Что 71 Докторовъ Сорбонскихъ объявили Генриха III лишеннымъ престола? Что восемдесятъ Докторовъ 1 Ноября 1592 года отрѣшили отъ церкви гражданъ Парижскихъ, дерзнув-

шихъ подать прошенїе о принятїи Генриха IV въ ихъ столицу, и что запретили они молить Бога за сего *дурнаго Государя*? Хочешъ ли ты, братъ Трибулетъ быть нынѣ наказанъ, за преступленїя твоихъ предковъ? Душа нѣкоторыхъ изъ сихъ мудрыхъ властителей совокупилась ли съ твоею душею per modum traducis? Будь, любезный братъ нѣсколько справедливѣе. Ежели ты виновенъ въ продажѣ святыхъ вещей, такъ какъ сопротивники твои тебя въ томъ обвиняютъ, то тебя только одного за то поставятъ къ столбу, а другїе монахи изъ одного съ тобою монастыря (понеже есть еще и другїе монахи) не будутъ осуждены съ тобою вмѣстѣ. Каждый отвѣтствуетъ за собственныя дѣла свои; и какъ нѣкогда сказалъ одинъ Философъ, что не подлежитъ давать лѣкарства дѣтямъ, когда отцы ихъ о-

держимы были болѣзненными припадками. Каждый пекись о себѣ, а Богъ обо всѣхъ. Одинъ только волкъ говорилъ ягненку: *ежели не ты согрѣшилъ, то братъ твой.*

Имѣйте почтеніе къ Академіи изъ первыхъ государственныхъ вельможъ и изъ ученыхъ людей составленной. Оставьте Велизарія говорить такъ, какъ надлежитъ храброму воину и доброму гражданину; не оскорбляйте знаменитаго писателя; продолжайте сочинять худыя книги, а для насъ оставьте хорошія. Послѣ сихъ словъ братъ Трибулетъ поджавши хвостъ вышелъ, а сопротивникъ его остался побѣдителемъ.

Когда судья и Философъ, или лучше сказать оба философы, могли говорить со всякою вольностію, не уди-

вляетесь ли вы сему монаху? сказалъ судья; нѣсколько тому дней, какъ онъ былъ во всемъ одинакаго съ вами мнѣнія. Знаете ли отъ чего онъ такъ жестоко перемѣнился? отъ того, что оскорбленъ вашею славою. Увы! сказалъ ученый, во всемъ свѣтѣ люди мыслятъ такъ какъ я во внутренности своего сердца; я только открылъ свѣту всеобщія мнѣнія. Есть такія земли, въ которыхъ никто не дерзаетъ оказать того явно, что весь свѣтъ думаетъ тайно; есть на противъ того другія, въ которыхъ сія тайна не остается больше сокровенною. Августѣйшая ИМПЕРАТРИЦА Россійская учредила терпимость всѣхъ вѣръ въ своемъ государствѣ. ОНА начертала собственною своею рукою *несчастіе гонителямъ*. ОНА даровала милость Епископу Ростовскому, осужденному Синодомъ за то, что подтверждалъ

онъ мнѣнїе двухъ властей, не вѣдая того, что власть духовная установлена по единому токмо предъубѣжденїю; что всякая власть должна быть отъ справедливости, а не отъ насилїя. ОНА позволяетъ всѣмъ читать ЕЯ письма о сей важной матерїи ЕЮ писанные. Какъ всѣ обстоятельства отъ времени перемѣняются! сказалъ судья: и такъ будемъ сообразоваться со временемъ, сказалъ ученой.

VIII.

ПОВѢСТЬ ВТОРАЯ,

О

ВЕЛИЗАРІИ

Братъ Трибулетъ, одного ордена съ братомъ Монтепулчїано, съ братомъ Іаковомъ Климентомъ, съ братомъ Ридикусомъ, и пр: и пр: болѣе же всего Докторъ Сорбонской Академїи, которому поручено было изслѣдовать рѣшенїе главнаго духовнаго суда, названнаго вѣчнымъ соборомъ Галловъ, противъ Велизарїя, возвращаяся отъ туда въ свой монастырь въ великой задумчивости, встрѣтился на улицѣ каменщиковъ съ маленькою Фаншоною, коей онъ былъ отцемъ духовнымъ; она была дочь погребщика, имѣющаго честь

доставлять вино для господЪ начальниковЪ.

ОтецЪ ФаншонинЪ зналЪ нѣсколько богословію, такЪ какЪ и всѣ погребщики принадлежащіе до сорбонской Академіи тщательно ко оной прилѣпляются. Фаншона была прекрасна и братЪ ТрибулетЪ вошелЪ кЪ ней вЪ погребЪ, чтобЪ у ней... чего нибудь выпить.

Напившись довольно, ТрибулетЪ началЪ перебирать листы вЪ книгахЪ брата погребщикова, человѣка весьма любопытнаго, который имѣлЪ у себя достаточную библіотеку.

ОнЪ разсматривалЪ во оныхЪ тѣ мѣста, чрезЪ которые доказывалось, что всѣ тѣ, кои не жили вЪ окружности Сорбонской Академіи, какЪ на

примѣръ: Китайцы, Скиѳы, Греки, Римляне, Германцы, Африканцы, Американцы: бѣлые, черные, желтые, красные, съ нахлобучками, безъ нахлобучекъ, бородатые и безбородые; всѣ были осуждены безъ всякаго милосердія, такъ какъ то весьма справедливо; развѣ только одна жестокая и гнусная душа можетъ помыслить, чтобъ Богъ когда либо могъ оказать свое милосердіе къ симъ человѣкамъ.

Онъ всѣ такіе мѣста выбиралъ, выбиралъ, выбиралъ, хотя то было и не въ модѣ, а Фаншона между тѣмъ отъ времяни до времяни давала ему маленькія пощочины по мяхкимъ щекамъ его; братъ Трибулетъ изъ книгъ выписывалъ, а Фаншона пѣла, какъ вдругъ услышали они на улицѣ голосъ Доктора Тампонета и брата Бонома Францисканца съ длинными рукавами,

кои жестоко между собою спорили и крикомъ своимъ останoвляли прохожихъ; Фаншона выглянула въ окошко, и какъ она очень была знакома обѣимъ симъ Докторамъ, то и они также вошли къ ней, чтобъ съ ней .. попить.

Что вы такъ шумѣли на улицѣ? спрашивала у нихъ Фаншона. Мы спорили, сказалъ братъ Бономъ. Не ужели вы всегда такимъ образомъ спорите и въ Сорбонскомъ училищѣ? говорила Фаншона. Нѣтъ, сказалъ Тампонетъ, мы тамъ всегда выдаемъ новыя опредѣленія и указы; и учреждаемъ по большинству голосовъ то, что во всей вселенной люди долженствуютъ мыслить. А ежели вся вселенная узаконеніямъ вашимъ будетъ насмѣхаться, или ничего объ оныхъ знать не будетъ? говорила Фаншона. Тѣмъ хуже для вселенной, сказалъ Тампонетъ.

Но очемъ же вы непрестанно спорите? спросила Фаншона. Какъ, моя голубушка, сказалъ братъ Трибулетъ, мы стараемся узнать, могъ ли погребщикъ, жившій въ семъ домѣ за двѣ тысячи лѣтъ назадъ, получить свое спасеніе, или нѣтъ. До етого мнѣ нѣтъ никакой нужды, сказала фаншона, и мнѣ также, повторилъ Тампонетъ, однакожъ непремѣнно о семъ выдадимъ мы новое узаконеніе.

Братъ Трибулетъ, читалъ тогда въ книгахъ тѣ мѣста, кои подтверждали то мнѣніе, что Богъ никогда не могъ оказывать своего милосердія, какъ только къ тѣмъ, которые возведены были на свои достоинства Сорбонскою Академіею, или къ тѣмъ, кои мыслили, что получили отъ нее оные; фаншона между тѣмъ смѣялась, а братъ Трибулетъ ей въ томъ не

препятствовалъ. Тампонетъ во всемъ держался мнѣнія *Якобинова*; но Францисканецъ Боном былъ нѣсколько схнисходительнѣе. Онъ думалъ, что Богъ могъ быть милосердымъ ко всякому добродѣтельному человѣку, хотя бы онъ по несчастію и не былъ свѣдомъ о нашей Богословіи, пославъ къ нему Ангела, или францисканца для его наставленія.

Сему никакъ быть не возможно, кричалъ Трибулетъ, понеже всѣ великіе люди жившіе въ древности, были блудники и прелюбодеи. То правда, что Богъ могъ бы послать къ нимъ францисканцовъ; но конечно никогда бы не низпослалъ Ангеловъ.

А чтобъ тебѣ доказать, братъ Бономъ, сочиненіемъ собственныхъ вашихъ учителей, что всѣ древніе Герои

осуждены безъ изъятія, то вотъ прочитай, что одинъ изъ первѣйшихъ вашихъ Докторовъ Серафимическаго ордена объявляетъ о томъ ясно въ сей книгѣ, которую ссудила мнѣ дѣвица Фаншона: вотъ точныя слова сего сочинителя.

„Францисканецъ преисполненный свя„таго ужаса, падши на колѣна целу„етъ ногу своего обладателя; по„томъ простираетъ въ даль томный „взоръ свой на пространную объятую „пламенемъ долину, въ которой вѣчно „обитаетъ ужасная смерть, жестокія „муки и злодѣянія; тамо зритъ онъ „неподвижный престолъ на коемъ си„дитъ мрачный духъ; бездонную пу„чину, весь міръ въ себя поглощаю„щую; гробницу заключающую въ себѣ „древнюю ученость, разумъ, любовь, „красоту и прелесть; и безчисленное

„множество злыхъ духовъ сверженныхъ съ небеси и преданныхъ діаволу. Въ семъ ужасномъ пламени повержены наилучшіе Государи купно съ безчеловѣчными тиранами; какъ то: *Антонинъ*, *Маркъ Аврелій*, *Добродѣтельный Траянъ* могущій быть примѣромъ всѣмъ Государямъ, кроткій *Титъ* любимый всею вселенною; оба *Катоны* противоборники людей развращеныхъ, храбрый *Сципіонъ* побѣдившій и любовь и карѳагену, ученый *Платонъ*, божественный *Гомеръ*, краснорѣчивый *Цыцеронъ* мудрый *Сократъ*, справедливый *Аристидъ* и добродѣтельный *Солонъ*. Однимъ словомъ; всѣ несчастные умершіе безъ всякаго закона.

Тампонетъ внималъ сіи слова съ радостными слезами; любезный братъ Трибулетъ, говорилъ онъ, котораго

святаго отца въ сочиненіи нашелъ ты сіе прекрасное изреченіе? Оное сочинено Аббатомъ Трифемомъ, отвѣтствовалъ Трибулетъ.

Братъ Бономъ, взялъ къ себѣ книгу, дабы удостовѣриться собственными своими глазами, и прочитавъ нѣсколько страницъ съ великимъ благоговѣніемъ; ахъ, ахъ! возопилъ онъ къ Якобинцу, ты не все тутъ прочиталъ. Сіи слова говорилъ во адѣ францисканецъ; но не ужели ты позабылъ, что онъ тамъ также видѣлъ С. *Домника* осужденнаго за то, что онъ былъ гонителемъ, а сіе почитается еще хуже нежели быть язычникомъ.

Братъ Трибулетъ пришедъ въ великую запалчивость, упрекалъ его многими дурными поступками францисканцевъ; Бономъ ни въ чемъ ему не у-

ступалъ и упрекалъ самъ Якобиновъ. Ссора между ими часъ отъ часу болѣе возгоралась и они уже доходили до драки, но Фэнишона ихъ успокоила давъ имъ каждому по хорошему поцѣлую. Тампонетъ имъ представлялъ, что ругательныя слова можно употреблять противъ однихъ только невѣрныхъ, чему приводилъ имъ въ доказательство два стиха, читанные имъ нѣкогда въ въ сочиненіяхъ одного Лиценціата имянуемаго Молїеромъ.

Не будемъ насмѣхаться надъ людьми говорящими намъ справедливость.

Наконецъ они трое составили слѣдущее узаконенїе, которое было потомъ подписано всѣми мудрыми учителями.

,,Мы собравшись нечаянно въ домѣ ,,роскошей; въ тѣхъ самыхъ училищахъ, въ коихъ на предъ сего въ ,,въ собранiи семидесяти одного учителя, повелѣли мы всѣмъ подданнымъ ,,хранить присягу вѣрности къ ихъ ,,Королю Генриху III и равнымъ образомъ въ 1592 году указали молить ,,Бога за Генриха IV, и пр: и пр:

,,Возбужденные тѣмъ же самымъ ,,духомъ, всегда и по всюду насъ сопровождающимъ, осуждаемъ на предаʼнiе всѣмъ дiяволамъ нѣкоего нечестивца именуемаго Велизарiемъ, бывшаго въ жизни своей предводителемъ ,,войскъ одного Государя именемъ Юстинiана; который Велизарiй употребляя во зло не ограниченную власть ,,свою, злобно совѣтовалъ реченному ,,Юстинiану быть *добрымъ* и снисходительнымъ, и который съ таковою

„же злобою написалъ: яко бы Богъ „былъ равно ко всѣмъ, милосердъ. „Повелѣваемъ всѣмъ, почитать сїе „изреченїе богохульнымъ, злочести„вымъ и преисполненнымъ Ереси и „безбожїя. Запрещаемъ подъ опасе„нїемъ вѣчнаго проклятїя, поданной „намъ власти, читать сїю Вели„зарїеву книгу наполненную Ересью, „и приказываемъ всѣмъ правовѣрнымъ „приносить къ намъ екземпляры ре„ченной книги, которая нынѣ про„дается не болѣе одного Таллера; „и которую мы послѣ продавать бу„демъ по одному золотому Луизу съ „присоединенїемъ къ ней сего нашего „узаконенїя„

Едва узаконенїе сїе было подписано, какъ услышали, что всѣ Езуиты были изгнаны изъ Гишпанїи, и сїе извѣстїе причинило столь великую

радость въ Парижѣ, что со всѣмъ позабыли думать о Сорбонской Академіи.

IX.

ПИСЬМО

От Архїепископа Кантербергскаго къ Архїепископу Парижскому.

Я получил, Милорд, ваше узаконенїе против великаго Велизарїя предводителя войск Юстинїановых, и против г. Мармонтеля, члена французской Академїи, при котором приложен ваш герб в двух мѣстах постановленный, прикрытый большею шляпою и связанный двумя узлами о пятнадцати кистях каждый, и под оным подписано: Христофор Божїею молостїю Латуш; с длинною и размашистою в низу закорючкою.

У нас в Англїи никогда не выдают таковым узаконенїй, как только против наших откупщиков; и я

признаюсь, вамЪ МилордЪ, что я бы желалЪ, чтобЪ вЪ семЪ вашемЪ дѣлѣ было нѣсколько болѣе Христїянской кротости и человѣколюбїя; вЪ прочемЪ я со всѣмЪ не понимаю, для чего вы столь ревностно желали означить вЪ самомЪ заглавїи онаго сочиненїя, что вы проклинаете Г. *Мармонтеля Члена Французской Академїи.*

Ежели сочинители сего вашего узаконенїя примѣтили, что предводитель Юстинїановыхъ войскЪ не такЪ изъяснялЪ свои мысли, какЪ бы надлежало богослову вашего закона, то кажется, что для васЪ довольно бы было и того, чтобЪ обЪ ономЪ только сказать не понося и не злословя знаменитаго собранїя, составленнаго изЪ ПринцовЪ крови, изЪ КардиналовЪ, изЪ такихЪ же какЪ вы ПрелатовЪ, изЪ ГерцоговЪ и изЪ ПарламентскихЪ чле-

новъ изъ Маршаловъ Францiи, изъ судей и изъ славнѣйшихъ ученыхъ мужей. Мнѣ кажется, что Французской Академiи нѣтъ никакого дѣла вмѣшиваться въ ваши богословскiе споры.

Позвольте мнѣ еще вамъ сказать, что ежели бы мы въ подобныхъ случаяхъ выдавали когда таковое узаконенiе, то сочиненiе онаго ни кому бы другому не препоручили, а сочинили бы сами.

Я крайне досадую, что сочинитель вашего узаконенiя осуждаетъ следующее предложенiе сего великаго воина Велизарiя: *Богъ страшенъ злымъ, я вѣрю, но я добръ.*

Увѣряю васъ, Милордъ, что ежели бы нашъ Король, будучи главою нашей церкви, сказалъ: *Я добръ*; зна-

мы не видали бы противъ его таковаго узаконенїя. *Я добръ*, значитъ (какъ кажется мнѣ) во всѣхъ странахъ свѣта, не иное что какъ: я имѣю доброе сердце, я люблю истинну, я хочу чтобъ подданные мои были благополучны. И такъ я совсѣмъ не нахожу причины, за что бы можно было осуждать того кто имѣетъ доброе сердце. Король французскїй (какъ слышу я отъ многихъ) весьма *добръ*, и столь *добръ*, что простилъ вамъ многїя ослушанїя, которыя толико разъ возмущали противъ его францїю; сїе его великодушїе вся Европа почла знакомъ великаго его разума и крайней благости; да и вы безъ сомнѣнїя столько *добры*, что въ преступленїяхъ своихъ совершенно раскаялись.

Мы не примѣчаемъ, чтобъ Велизарїй достоинъ былъ ада за то, что выговорилъ о себѣ, что онъ *добрый человѣкъ*. Вы утверждаете, яко бы сїя

доброта есть Ересь, по тому что С. Апостол Петр в первом своем посланіи глава 5 стих 5 сказал: *гордым Бог противиться* Но сочинитель вашего узаконенія со всѣм не думал о том, что писал. То правда; что Бог противиться, сопротивленіе прилично Богу; но кому же Он противится, слѣдуя сему Апостольскому слову? Прочитайте только слова предшествующія пред оным и вы увидите, что Он противится пастырям худо пасущим свои стада, а паче юным не повинующимся старцам; он говорит; *Юни повинитеся старцам, вси же друг другу повинующеся смиренномудріе стяжите: зане Бог гордым противится, смиренным же дает благодать.*

Сверьх того я вопрошаю вас, какое есть сходство между сим сопротивленіем Божіим и добротою Велизаріевою? хотя полезно поучать сми-

ренномудрїю, однакожъ надлежитъ при томъ слѣдовать и здравому разсудку.

Весьма удивительно, что сочинитель вашего узаконенїя осуждаетъ и сїе кроткое и чистосердечное Велизарїево выраженїе: *Къ чему потребно столько Оглашенныхъ?* но вы не только что не хотите чтобъ Велизарїй былъ *добръ*, но еще желаете, чтобы и самъ Богъ не былъ благъ и милосердъ. Пожалуйте мнѣ скажите, какое вамъ въ томъ удовольствїе, когда весь свѣтъ будетъ проклятъ и осужденъ? мы не столь суровы и жестокосерды на нашемъ островѣ. Нашъ предмѣстникъ великїй Тиллотзонъ, который во всей Европѣ признанъ былъ проповѣдникомъ болѣе разумнымъ нежели краснорѣчивымъ, говорилъ такъ же какъ Велизарїй, почти во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ. И такъ вы мнѣ по-

зволите здѣсь взять его сторону и сказать вамъ въ его защищеніе: будьте вы прокляты и осуждены, если вы хотите Милордъ, купно съ сочинителемъ вашего узакоченія, я отъ всего сердца на оное согласенъ; но о себѣ васъ увѣдомляю, что я не токмо самъ не хочу быть осужденнымъ, но и пріятелямъ моимъ того не желаю; ибо надлежитъ имѣть нѣсколько любви Христіянской.

Я имѣлъ бы еще нѣчто сказать вашему сочинителю, а паче всего совѣтовалъ бы ему, чтобъ онъ въ сочиненіяхъ своихъ не столько былъ плодовитъ и скученъ, ибо при таковыхъ узаконеніяхъ плодовитость всегда бываетъ мучительна; въ вашей же землѣ не очень наблюдаютъ сіе главнѣйшее правило.

Наконецъ препоручаю васъ, любе-

зный мой собратъ, благости божїей, хотя слово благъ или *добръ* не весьма вамъ нравится.

Вашъ добрый собратъ Архїепископъ Кантербергскїй.

P S: Когда вы будете писать къ Епископу Римскому, пожалуйте засвидѣтельствуйте ему мой поклонъ; я всегда сохраняю къ нему отмѣнное почтенїе въ достоинствѣ брата. Пишутъ ко мнѣ, что съ недавного времени имѣлъ онъ нѣкоторыя небольшїя досады, что Неаполитанская лошадь жестоко ударила ногою его ослицу; что Венецїанская барка весьма близко потерлась подлѣ барки С. Петра; и что сыръ пармазанъ причинилъ ему сильный запоръ. Я крайне о семъ сожалѣю, сказываютъ, что онъ *добрый человѣкъ*; простите мнѣ, что я еще выговорилъ сїе слово; я очень зналъ

его отца во время путешествія моего въ Италіи; онъ былъ *добрый Банкиръ*; однакожъ, кажется, что сынъ не столь искусно разумѣетъ свои разчоты.

X.

ПИСЬМА

Къ Его Свѣтлости.

ПРИНЦУ ДЕ...

О Рабелесѣ и о другихъ Авторахъ, писавшихъ противное Христїянскому закону.

I.

О РАБЕЛЕСѢ.

Милостивый государь!

Понеже ваша Свѣтлость; хотите совершенно узнать о Рабелесѣ, то я съ начала вамъ скажу, что его жизнь напечатанная въ заглавїи сочиненной имъ книги, называемой Гаргантуа Cargantua (великанъ) есть столько же несправедлива и нелѣпа, какъ и самая исторїя о Гаргантуѣ; во оной на-

писано, что Кардиналъ *Дебеллей*, привезъ его съ собою въ Римъ и что сей Кардиналъ цѣловалъ Папу въ правую ногу, а по томъ во уста. Рабелесъ говорилъ, что онъ хотѣлъ его поцѣловать въ задницу, но с Отцу надлежало прежде оную вымить. Есть въ сей книгѣ такіе мѣста, которыя изъ почтенія къ мѣсту и особѣ, и изъ самой благопристойности читать со всѣмъ не возможно Такая гнусная сказка не можетъ быть сочинена, какъ токмо въ кабакѣ людьми самыми подлыми.

Приписанная ему челобитная къ Папѣ такого же рода; утверждаютъ, яко бы просилъ онъ Папу, чтобъ онъ предалъ его проклятію, дабы не быть ему сожженнымъ; понеже, какъ говорилъ онъ, его хозяйка зажигала нѣкогда связку сырыхъ дровъ, и какъ

они не горѣли, то она говорила, что сїи дрова были прокляты челюстями Папы.

Приключенїе приписываемое ему въ Лїонѣ, такъ же ложно и невѣроятно: увѣряютъ, яко бы не имѣвши чемъ заплатить за постой своей хозяйкѣ и доѣхать до Парижа, онъ велѣлъ сыну хозяйкину написать на бумажкахъ привязанныхъ къ маленкимъ мѣшечкамъ: *Ядь для умерщвленїя Короля; Ядъ для умерщвленїя Королевы. и пр:* сказываютъ, что хитрость сїю употребилъ онъ для того, чтобъ быть привезену въ Парижъ безъ всякихъ съ своей стороны издержекъ и заставить бы Короля смѣяться его вымыслу. Присоединяютъ еще къ тому, яко бы сїе случилося въ 1536 году, въ то самое время, когда Король и вся Францїя оплакивали смерть Французскаго Дофина,

котораго почитали отравленнымъ ядомъ, и когда четвертовали *Монтекукули* подозрѣваемаго въ семъ отравленіи. Сочинители сей, гнусной басни не подумали, что и при самомъ маломъ доказательствѣ сего страшнаго преступленія повергли бы Рабелеса въ темницу, заключили бы въ оковы и не преминули бы дѣлать ему строжайшіе допросы; и что въ столь опасныхъ обстоятельствахъ и въ толь важномъ изобличеніи, такая худая шутка не могла бы послужить къ его оправданію. Почти всѣ описанія жизни славныхъ мужей были обезображены таковыми баснями, кои не заслуживаютъ нималаго вѣроятія.

Книга его по истиннѣ есть куча наполненная наигнуснѣйшими мерзостями, каковыя только пьяный монахъ

изблевать можетъ: но при томъ надлежитъ признаться, что оную можно почесть за весьма любопытную сатиру на Папу, на церковь и на всѣ произшествія случившіяся въ его время. Онъ хотѣлъ себя прикрыть личиною глупости, о чемъ довольно даетъ уразумѣть изъ своего предисловія: *Положимъ, говоритъ онъ, что по смыслу словъ найдете вы матерію весьма забавную и сходственную съ названіемъ книги, однакожъ оставаться всякой разъ при томъ не должно, какъ при пѣніи Сиренъ, но истолковывать въ высочайшемъ смыслѣ то, что на удачу сочинитель говоритъ въ возхищеніи своего сердца. Видали ли вы когда собаку нашедшую кость на улицѣ? Она, какъ говоритъ Платонъ въ кни: 2 о Рес:.. изъ всѣхъ скотовъ болѣе всѣхъ подобна Философу; ежели вы въ такомъ положеніи*

когда ее видали, то могли замѣтить, съ какимъ благоговѣнiемъ на кость она взираетъ, съ коликимъ лодобострастiемъ ее держитъ, какъ разумно ловорачиваетъ, съ какою жадностiю ее разгрызаетъ и какъ проворно мозгъ изъ оной высасываетъ. Кто сему ее научилъ? Чего ожидаетъ она отъ своей науки? и какую пользу себѣ отъ оной приобрѣтаетъ? Ничего больше кромѣ малаго количества мозгу.

Къ чему былъ нуженъ такой вздоръ? Въ тогдашнее время весьма мало было читателей походящихъ на собаку высасывающую мозгъ; а они только прилѣплялись къ одной кости, то есть, къ гнуснымъ и нелѣпымъ шуткамъ и къ тѣмъ ужаснымъ злочестивостямъ, которыми вся книга сiя наполнена. Ежели бы къ несчастiю Рабелесову про-

никли въ точный смыслъ оной книги и если бы хорошенько ее изслѣдовали, то безъ всякаго сомнѣнія сїе сочиненїе стоило бы ему жизни, какъ то случилося со всѣми тѣми, кои въ тогдашнее время писали въ противность Римской церквѣ.

Весьма ясно, во оной книгѣ подъ именемъ *Гаргантуа*, изображенъ Францискъ I, подъ именемъ великаго *Гузїера* Лудовикъ XII, хотя онъ и не былъ отцомъ франциску, а въ лицѣ *Пантагрюеля* представленъ Генрихъ II; описанїе о воспитанїи Гаргантуа и глава о подтиркахъ клонится къ предосужденїю того воспитанїя каковое давали тогда Принцамъ; цвѣты бѣлый и синїй изображаютъ ясно ливрею Королей Французскихъ.

Война за блинную тележку озна-

чаетъ войну между Карломъ V и Франциском I, начавшуюся за весьма малую ссору между домами Марка Герцога Бульонскаго, и Принца Шимайскаго; и Рабелесъ называетъ очень справедливо Маркюета изобрѣтателемъ блиновъ, отъ котораго началась сія ссора.

Монахи тогдашняго времени изображены весьма живо въ лицѣ Іоанна Антомюрскаго; но Карла пятаго совсѣмъ не можно узнать въ изображеніи Питрокола.

Не возможно также ошибиться и въ родословіи Гаргантуевомъ, которое есть весьма соблазнительнымъ уподобленіемъ наисвященнѣйшаго родословія; *Отъ нихъ*, говоритъ онъ, *произошли Великаны, отъ коихъ родился Пантагрюель. Первый былъ Калбротъ который родилъ Салаброта.*

Сарабротъ же родилъ Фариброта.

Фариброть родилъ Гурталія, который былъ хорошимъ объѣдалою, и который царствовалъ во время потопа.

Гурталій родилъ Галъ Муша. (Мухахвата.) который первый вымыслилъ коптить говяжьи языки.

Галъ-мушъ родилъ Ф.....ослёнка (апоп.)

Ф...родилъ В...хлѣбнаго (de grain)

В:-родилъ великаго Гузіера.

Гузіеръ родилъ Гаргантуа.

А отъ сего родился Пантагрюель мой Государь.

Никто столько не насмѣхался надъ всѣми нашими богословскими книгами, какъ въ описаніи книгъ видѣнныхъ Пантагрюелемъ въ библіотекѣ С. Ви-

ктора; какъ то: Biga sui utis, braguetta iuris, pantoufla decrstorum, *узаконенie Парижскаго училища о дѣвичей груди; Явленie Гертруды одной монахини бывшей въ младенческой болѣзни; Горчишница покаянiя*; Tantarus de modo cacandi; *Волынка Прелатовъ; Убожество Целестинскихъ монаховъ; Выгода монашеской жизни. Молитва обезьяны; Оковы набожности, и пр:*

Когда *Панюргъ* требуетъ совѣта у брата *Iоанна Антамюрскаго*, чтобъ узнать, будетъ ли онъ женатъ и не сдѣлается ли рогоносцемъ, тогда братъ *Iоаннъ* служитъ о семъ молебны и пр:... Сie дерзкое ругательство Святыни непростительно бы было и свѣтскому человѣку, а не только священнику.

Послѣ сего *Панюргъ* пошелъ совѣто

вать о семъ съ богословомъ *Гилодатеемъ*, который ему сказалъ, что онъ *будетъ* рогоносцемъ, *ежели то судьбѣ будетъ угодно Пантагрюель* иметъ по томъ въ островъ Лантернійцовъ; сіи Лантернійцы суть тѣ богословскіе спорщики, кои въ царствованіе Генриха II начинали страшные свои споры произведшіе толико междоусобныхъ браней.

Островъ Tohu bohu, т: е: замѣшательства, означаетъ Англію, которая послѣ Генриха VIII четыре раза законъ перемѣняла.

Можно догадаться, что островъ Папефигіеровъ изображаетъ Еретиковъ; также легко можно узнать, что такое значатъ Папиманы именующіе Папу Богомъ. Тамъ вопрошаютъ *Панюрга*, почитаетъ ли онъ себя довольно сча-

стливымъ, что удостоился видѣть с. Отца? На что *Панюргъ*; отвѣтствуетъ, что онъ уже ихъ видѣлъ трехъ, однакожъ не много отъ того получилъ пользы . . . .

Пантагрюель идетъ вопрошать у Оракула Богини бутылки, но прежде пристаетъ къ Звонящему острову, въ которомъ обитаютъ Каготы, Клерготы, Монахготы, Претрготы, Аббатготы, Кардиналготы, и наконецъ Папготъ, который находится одинъ въ своемъ родѣ. Каготы запакостили весь Звонящїй островъ; а Капуцинготы были скоты вонючїе и сумазброднѣйшїе изъ всѣхъ живущихъ на островѣ.

Басня объ ослѣ и лошади; запрещенїе учиненное осламъ совокупляться въ въ конюшнѣ и позволенїе дѣлать имъ

то публично на Ярмонкѣ, означаетъ весьма явственно безженство Католицкихъ священниковъ и сладострастную жизнь ими провождаемую.

Путешественники *представляются къ Папготу.* Панюргъ хочетъ бросить *камнемъ въ одного Епископа*, который храпѣлъ при отправленіи обѣдни, но *пономарь* до того его не допускаетъ и ему говоритъ: *добрый человѣкъ, рази, губи, бѣй и умерщвляй ядомъ или другимъ чемъ всѣхъ измѣнниковъ, когда тебѣ то угодно,* хотя бы ты *свергалъ съ небесъ и Ангеловъ, то во всемъ получишъ отъ Папгота прощеніе: но сихъ Священныхъ птицъ не трогай.*

Изъ Звонящаго острова шествуютъ они въ Королевство Пятичувственное, или *Антилехію*; подъ симъ назва-

нїемъ разумѣется душа. Сїе неисповѣдимое существо, о коемъ говорятъ и толкуютъ съ самаго начальнаго сотворенїя человѣковъ, не менѣе Папы въ сей книгѣ подвержено насмѣшкѣ; однакожъ сомнѣнїя о существованїи души, изображены гораздо скрытнѣе, нежели насмѣшки о дворѣ Папскомъ. . . . .

. . . .

Надлежитъ при томъ примѣтить, Милостивый Государь, что Рабелесъ посвятилъ оную часть своей книги, въ которой заключается столь гнусное порицанїе Римской церквѣ, Кардиналу *Одету* Шатилонскому, который не снималъ еще съ себя маски, и не оказался еще поборникомъ Протестантскаго закона. Книга сїя напечатана была съ указнымъ дозволенїемъ, которое было дано не взирая на сїю хулу Католицкому закону, единствен-

но для того, что она наполнена была столь мерзкими и шутливыми выраженїями, коими въ тогдашнее время горааздо болѣе уважали, нежели Папготами и Кардиналготами. Никогда оная книга не была запрещена во Францїи, понеже все въ ней изображено было подъ скрытными и чрезъестественными видами, кои никогда не доставляли способнаго времени открыть истинную цѣль Автора.

Повѣрите ли вы, что сей насмѣшникъ ругающїйся столь явнымъ образомъ надъ старымъ и новымъ Завѣтомъ былъ священникомъ?

Дюшатъ снабдилъ Рабелесовы сочиненїя своими примѣчанїями, но слѣдуя достойному обыкновенїю сочинителей таковыхъ примѣчанїй, онъ не изъясняетъ почти ничего что слѣдовало бы къ познанїю читателя, а объясняетъ только то, о чемъ со всѣмъ знать, не нужно.

XI.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

О предшественникахъ Рабелесовыхъ, бывшихъ въ Германiи, и о книгѣ называемой Litterae virorum obscurorum.

Милостивый государь!

Ваша Свѣтлость, спрашиваете у меня, писалъ ли кто другой прежде Рабелеса въ таковомъ вкусѣ? на что вамъ буду отвѣтствовать, что по видимому Рабелесъ бралъ примѣръ изъ книги собранiя писемъ *людей неизвѣстныхъ*, которая появилась въ Германiи въ началѣ XVI столѣтiя. Сiе собранiе издано было на Латинскомъ языкѣ и писано съ такою же откровенностiю и дерзновенiемъ, съ каковымй писалъ Рабелесъ.

Іоаннъ Шелонтзигъ пишетъ въ письмѣ изданномъ подъ его именемъ, что онъ во Флоренціи встрѣтился на большой улицѣ съ Іаковомъ Геостратомъ (симъ названіемъ именовалася одна большая улица) бывшимъ предъ тѣмъ временемъ Инквизиторомъ. „Я сдѣлалъ „ему низкой поклонъ, говоритъ онъ, „снявши съ головы моей шляпу и ему „сказалъ: Отецъ! преподобный ты, или „не преподобный?„ на что отвѣтство„валъ онъ мнѣ: *я то, что я есмь.* Тогда я ему говорилъ: „ты Іаковъ „настоятель *большой улицы*; о свя„щенная колесница Илійна! возопилъ я, „для чего ты идешъ пѣшкомъ? ты „симъ приводишъ всѣхъ въ великій со„блазнъ, ибо тотъ кто чемъ нибудь есть„, не долженъ осквернять свои стопы, хожденіемъ по грязи и навозу: „и онъ мнѣ отвѣчалъ, *Сіи же на ко„лесницахъ и на коняхъ*, но мы хо-

„*димъ пѣшкомъ во имя Господне.* Я „ему говорилъ, что произволенїемъ Го„споднимъ идетъ великїй дождь, и была чрезвычайная стужа;„ тогда онъ воздѣвъ руцѣ къ небу сказалъ: *Роса небесная низпадай на землю, небесные облаки да оросятъ праведнаго.*

Надлежитъ признаться, что оное писано точно слогомъ Рабелесовымъ, и по тому я не сомнѣваюсь, чтобъ не имѣлъ онъ предъ своими глазами сихъ писемъ *людей неизвѣстныхъ* въ то время, когда писалъ своего *Гаргантуа* и Пантагрюеля.

Сказка объ одной женщинѣ, которая слыша что всѣ побочные сыновья были великими людьми, пошла поспѣшно ко вратамъ Францисканскаго монастыря, гдѣ позвонивъ въ колокольчикъ, просила вышедшихъ въ ней монаховъ,

чтобъ доставили они ей побочнаго сына: есть въ точномъ вкусѣ сего Французскаго писателя.

Таковыми же сквернословїями и соблазнами, со изобилїемъ наполнены двѣ чудныя книги подъ заглавїемъ: *древнїя Италїянскїя шутки.*

Съ четвертагонадесять столѣтїя въ Италїи много выходило сочиненїй съ таковою вольностїю писанныхъ; прочитайте только въ сочиненїи *Бакасовомъ* исповѣдь находящагося при смерти *Сера Чїапеллето.* Духовникъ его вопрошаетъ:,, былъ ли онъ когда причастенъ грѣху гердости? Ахъ! мой ,,отецъ, говоритъ сей плутъ, я весь,,ма страшусь вѣчной муки, за нѣкїя ,,нѣсколько надмѣнныя о себѣ мысли, ,,когда превозношуся я тѣмъ, что во ,,всю жизнь мою хранилъ я плотскую

„чистоту. Не былъ ли ты обжорливъ?
„Увы! честный отецъ, каюсь въ семъ
„согрѣшенiи, ибо, какъ сверьхъ назна-
„ченныхъ постовъ, я всегда по три
„дни въ недѣлю ничего болѣе не ѣлъ,
„кромѣ хлѣба съ водою, слѣдователь-
„но иногда жралъ хлѣбъ мой съ такою
„жадностiю, что безъ сомнѣнiя сiе
„обжорство мое не было угодно Богу.
„Не имѣлъ ли ты скупости, мой сынъ?
„Ахъ! мой отецъ, и въ семъ согрѣ-
„шенiи приношу мое покаянiе; я ино-
„гда торговалъ нѣкоторыми товарами,
„дабы полученный отъ того барышъ
„раздавать бѣднымъ. Не воспалялся
„ли ты когда гнѣвомъ? Много разъ,
„мой отецъ, когда видалъ я Божест-
„венную службу въ толикомъ небре-
„женiи и грѣшниковъ не слѣдующихъ
„Господнимъ заповѣдямъ; сколь ве-
„ликимъ гнѣвомъ тогда я воспалялся!

По томъ Серъ *Чїапеллето* каялся въ томъ, что въ воскресный день приказывалъ онъ выметать соръ изъ своей комнаты; духовникъ увѣряетъ его, что Богъ отпуститъ его согрѣшенїя, но кающїйся обливается слезами и говоритъ ему, что Богъ никогда не проститъ грѣховъ его, ибо онъ помнитъ, что будучи двухлѣтнимъ младенцомъ, онъ злобствовалъ противъ своей матери, а сей грѣхъ есть со всѣмъ непростительной „О бѣдная мать моя, вос„клицалъ онъ, которая девять мѣся„цовъ день и ночь носила меня въ „своей утробѣ и которая младенцомъ „носила меня на рукахъ своихъ! нѣтъ, „Богъ вѣчно меня не проститъ, что „былъ я столь противъ ее злобенъ!

Наконецъ сїя исповѣдь всѣмъ сдѣлалась извѣстна и сего *Чїапеллета* помѣстили въ число Святыхъ, а онъ

былЪ вЪ жизни своей наивеличайшій плутЪ и обманщикЪ.

КанонникЪ *Луижи-Пулчи* гораздо сего дерзновеннѣе писалЪ вЪ своей Поемѣ du Morgante. ОнЪ при самомЪ началѣ сей Поемы пишетЪ сЪ насмѣшкою о первыхЪ стихахЪ Евангелія С. Іоанна.

Послѣ всего онаго, я не знаю отЪ простоты ли то, или отЪ безбожія, сей *Пулчи* начавЪ Поему свою Евангельскими стихами, кончилЪ оную выпискою изЪ salva Regina; но какЪ бы то нибыло, отЪ глупости ли оное произошло, или отЪ излишнаго дерзновенія, однакожЪ таковая вольность вЪ нынѣшнее время никакЪ не была бы терпима; а еще болѣе отвѣтЪ *Морганта* на вопросЪ *Моргутта*, который у него вопрошалЪ: Христіянинъ ли онЪ былЪ, или МузульманЪ?

Весьма чудно, что почти всѣ Италїянскїе писатели XIV, XV и XVI вѣковъ, очень мало имѣли почтенїя къ тому закону, которому всѣ соотечественники ихъ послѣдовали; чемъ ближе взирали они на священные обряды ихъ богослуженїя, тѣмъ паче предавалися дерзновеннѣйшимъ писанїямъ, къ которымъ самъ Римскїй дворъ, казалося, поощрялъ собственнымъ своимъ примѣромъ.

Довольно свѣту извѣстны дерзновенныя писанїя *Махїавеля*, *Арїоста*, Архїепископа Беневанскаго *Азака*, *Помпоноса*, *Кардона* и многихъ другихъ писателей; Папы не имѣли ни малаго ко онымъ вниманїя; отъ нихъ все было позволено писать и говорить, лишъ только бы платили имъ за отпустительныя грамоты и не мѣшались бы въ ихъ правленїе. Въ тогдашнее

время Италїянцы уподоблялися Римлянамъ, кои безстыдно насмѣхалися надъ своими Богами; однакожъ не возмущали ни когда принятаго богослуженїя.

Одинъ только *Жїардоно Бруно* который поссорившись съ Инквизиторомъ Венецїянскимъ, сдѣлалъ сего сильнаго и опаснаго человѣка непримиримымъ себѣ непрiятелемъ, былъ преслѣдуемъ и осужденъ на казнь за сочиненную имъ книгу della Bastia Triumphante; онъ былъ сожженъ въ огнѣ; таковая казнь вымышлена у Христїянъ противъ еретиковъ. Сїя весьма рѣдкая книга была хуже, нежели еретическая; ибо въ ней сочинитель полагаетъ только законъ Патрїарховъ и законъ естественной; однакожъ она была напечатана въ Лондонѣ у Лорда *Филиппа Сиднея* однаго знатнѣйша-

го вельможи Англинскаго, любимца Королевы Елисаветы.

Между таковыми невѣрующими полагаютъ вообще всѣхъ Принцовъ и политиковъ Италіи четвертагонадесять, пятагонадесять и шестагонадесять столѣтій. Думаютъ, что ежели бы Папа シикстъ IV, былъ твердо прилѣпленъ къ Христіянскому закону, то не былъ бы соучастникомъ въ заговорѣ Паззія, за что Архіепископъ Флоренскій былъ повѣшенъ въ Архіерейской одеждѣ предъ окнами городской Ратуши. Убійцы *Медициса* исполнившіе сіе убійство въ соборной церквѣ, въ ту самую минуту когда священникъ выносилъ къ предстоящему народу Святые дары, не могли имѣть въ себѣ ни малаго Христіянства. Кажется со всѣмъ не возможно, чтобъ было наималѣйшее впечатлѣніе Христіян-

скаго закона въ сердцѣ Александра VI, который умерщвлялъ кинжаломъ, веревкою и ядомъ всѣхъ малыхъ Владѣтелей, у коихъ похищалъ онъ владѣнія и изъ милости давалъ имъ разрѣшеніе во грѣхахъ при последнемъ концѣ жизни ихъ.

Увы! милостивый государь, сіи ужасные примѣры не довольно ли доказываютъ, что обузданіе чистѣйшаго закона, непричастнаго ни какимъ суевѣріямъ, кои его обезчещиваютъ и могутъ наконецъ сдѣлать со всѣмъ невѣроятнымъ, весьма было нужно симъ гнуснымъ нечестивцамъ; ибо, ежели бы Божественный законъ былъ совершенно вычищенъ, то менѣе бы имѣлъ въ себѣ сомнѣнія и не подвергалъ бы невѣрующихъ толикимъ злодѣяніямъ. Буде кто вѣруетъ твердо и непоколебимо въ Бога награждающаго за добро-

дѣтели и мстящаго за пороки, таковой безъ трепета не могъ бы и помыслить умертвить неповиннаго человѣка и смертоносное оружїе выпало бы изъ рукъ его; но Италїянцы не иначе тогда имѣли познанїя о Христїянствѣ, какъ токмо по нѣкїимъ смѣшнымъ преданїямъ и по невѣжеству и ухищренїямъ монаховъ; взирая на столь гнусныя злодѣянїя они думали, что совсемъ нѣтъ никакого закона; понеже ихъ законъ поруганный толиками злоупотребленїями, казался имъ гнуснымъ и никакого почтенїя недостойнымъ. А какъ *Савонароль* оказалъ себя ложнымъ пророкомъ, то изъ того заключали они, что нѣтъ со всемъ Бога. Гнусная тѣхъ страшныхъ временъ Политика поощряла ихъ ко многимъ злодѣянїямъ; ихъ тогдашняя не менѣе ужасная Философїя помрачала въ нихъ угрызенїе совѣсти и они хотѣли со всемъ

уничтожить Бога, который могЪ послать на нихЪ достойнѣйшія казни.

Продолженіе сихЪ писемЪ будетЪ вЪ другихЪ частяхЪ.

XI.

ОБЪ ЭНЦИКЛОПЕДІИ.

Одинъ придворный Лудовика XII расказывалъ мнѣ, что нѣкогда сей Государь ужиналъ въ небольшомъ сообществѣ въ Тріанонѣ, гдѣ во время ужина зашла рѣчь съ начала объ охотѣ, а по томъ о порохѣ, которымъ стрѣляютъ. Нѣкто изъ находящихся при столѣ сказалъ, что лучшій порохъ дѣлается изъ равныхъ частей селитры, сѣры и угля; но Герцогъ де ла Валли... будучи лучше другихъ объ ономъ свѣдомъ утвердалъ, что для составленія хорошаго пушечнаго пороха потребно одна часть сѣры и одна часть угля, противъ пяти частей мелко истолченной распущенной и хорошо вычищенной селитры.

Удивительно, сказалъ Герцогъ N. . . . . что мы каждый день забавляемся стрѣлянїемъ куропатокъ въ звѣринцѣ Версальскомъ, а иногда убиваемъ людей, или во время сраженія сами убиты бываемъ; но не знаемъ изъ чего дѣлается тотъ составъ, которымъ убійство сїе производятъ.

Увы! мы о всѣхъ въ свѣтѣ вещахъ столько же несвѣдущи, сказала Госпожа *Помпадуръ*. Мнѣ не извѣстно изъ чего составляются румяна, которыя я накладываю на мои щоки; равнымъ образомъ со всѣмъ бы я не знала что отвѣчать, ежели бы кто у меня спросилъ, какимъ образомъ ткутъ шелковые чулки, кои ношу я на ногахъ моихъ.

Весьма сожалительно, сказалъ тогда Герцогъ де ла Валли. . . . , что Его

Величество приказалъ у насъ конфисковать Энциклопедическіе словари, кои каждому изъ насъ стоили по сту пистолей; въ нихъ нашли бы мы тотъ часъ рѣшеніе всѣмъ симъ задачамъ.

Король защищалъ при семъ случаѣ свое повѣленіе и говорилъ, что ему было донесено, будто бы двадцать одна часть въ листъ сего словаря, находящагося у всѣхъ знатныхъ госпожъ французскихъ на уборныхъ столикахъ, была самая опаснѣйшая и вредительнѣйшая книга для всего французскаго Государства; по чему и хотѣлъ онъ прежде нежели позволить читать сію книгу, узнать самъ, справедливо ли объ оной ему представляли? При концѣ ужина, послалъ онъ трехъ своихъ пажей принести къ нему одинъ екземпляръ сего словаря, который они

и принесли съ великимъ трудомъ неся каждый по семи частей:

Пріискавъ Статью о *порохѣ* увидѣли, что Герцогъ де ла Валли. . . увѣрялъ справедливо; и тотъ часъ послѣ того Госпожа П*омпадуръ* узнала о различіи между старинными румянами Гиспанскими, коими Мадритскія госпожи украшали свои щоки, и нынѣшними Парижскими. Она узнала, что Греческія и Римскія женщины румянилися краскою выходящею изъ *Мюрекса*; что французскія румяна дѣлалися изъ той же самой краски и что въ Гишпанскія кладутъ болѣе шафрану, а во французскія болѣе кошенили.

Она также увидѣла, какимъ образомъ ткутся шелковые чулки и станъ на которомъ оные ткутъ, привелъ ее въ крайнее удивленіе.

Ахъ! какая прекрасная книга, вскричала она, какъ Ваше Величество приказали конфисковать такую книгу, въ которой находится описаніе всѣмъ полезнѣйшимъ вещамъ въ свѣтѣ и хотѣли обладать оною одни, дабы вамъ только однимъ въ цѣломъ вашемъ Государствѣ быть обо всемъ свѣдущу.

Каждый съ жадностію бросился разбирать всѣ сіи части, равнымъ образомъ какъ Ликомедскія дѣвицы хваталися за драгоцѣнные камни Улиссовы. Каждый находилъ въ одну минуту все то, чего искалъ; имѣющіе судебные дѣла, весьма удивлялись, видя во ономъ словарѣ, какимъ образомъ дѣла ихъ должны рѣшиться по законамъ и Король читалъ тамъ о всѣхъ преимуществахъ своей короны. По истиннѣ, говорилъ Онъ, я не знаю по чему мнѣ сказано было столь много дурнаго о

сей книгѣ. Не видители вы, сказалъ ему Герцогъ де N . . . . Что оное произошло отъ того, что она очень хороша? никогда и ни въ чемъ противъ посредственнаго и дурнаго не вооружаются. Ежели когда случается, что женщины осмѣиваютъ вновь пріѣзжую женщину, то всегда можно быть увѣреннымъ что она лучше ихъ.

Между тѣмъ какъ перебирали листы въ Энциклопедіи, Графъ де С. . сказалъ громко: Ваше Величество можете назвать себя весьма счастливымъ, что въ Ваше царствованіе находятся люди способные имѣть познаніе о всѣхъ наукахъ и художествахъ, и предавать описаніе объ оныхъ своимъ потомкамъ. Во оной книгѣ писано обо всемъ, отъ самаго булавочнаго искуства, даже до того какъ лить и поставлять въ точный размѣръ пушки; отъ самыхъ по-

слѣднихъ вещей, до самыхъ важныхъ. Благодарите Бога, Милостивый государь, что онъ въ Вашемъ Государствѣ произвелъ на свѣтъ такихъ людей, кои могли оказать столь великую услугу цѣлому свѣту. Надлежитъ непремѣнно, чтобъ и другїе народы покупали сїю Энциклопедїю, или бы оную у себя перепечатывали. Возмите, ежели вамъ угодно, все мое имѣнїе, но возвратите мнѣ мою Энциклопедїю.

Однакожъ говорятъ, сказалъ Король, что въ семъ столь нужномъ и удивленїя достойномъ сочиненїи есть много погрѣшностей.

Милостивый государь, прервалъ рѣчь его Графъ де С. . . . ., теперь за ужиномъ было поставлено на Вашемъ столѣ два дурныхъ соуса, ко-

торыхъ никто не ѣлъ, однакожъ мы и безъ нихъ имѣли довольно прекрасныхъ кушаній; слѣдовательно захотѣли бы вы, чтобъ для сихъ двухъ соусовъ весь Вашъ ужинъ выброшенъ былъ за окошко? Король почувствовалъ справедливость сего разсужденія; послѣ онаго каждый взялъ къ себѣ принадлежащій ему екземпляръ Энциклопедіи, и всѣ тѣмъ были весьма довольны.

Однакожъ зависть и невѣжество не были тѣмъ побѣжденны; сіи двѣ безсмертныя сестры не преставали продолжать свои клеветы, заговоры и гоненія; въ семъ случаѣ невѣжество весьма хитро и всегда надъ разумомъ торжествуетъ.

Чтожъ по томъ воспослѣдовало? Въ

другихъ земляхъ выдали четыре изданія сего Французскаго сочиненія, презрѣннаго и поруганнаго во Франціи и получили чрезъ то прибыли около миліона и восьми сотъ тысячь таллеровъ.

Французы! старайтеся впредь лучше разумѣть ваши пользы.

XIII.

УШИ ГРАФА ЧЕСТЕРФИЛЬДА И ДЕРЕВЕНСКІЙ ПОПЪ ГУДМАНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Увы! бѣдствіе надъ всѣми вещами на ономъ свѣтѣ владычествуетъ; о семъ сужу я справедливо по собственному моему приключенію.

Милордъ *Честерфильдъ* любившій меня много, обѣщалъ мнѣ составить мое счастіе. Было одно порожнее мѣсто въ нѣкоемъ приходѣ, куда онъ властію своею могъ опредѣлить священника. Я поспѣшно пріѣзжаю для онаго изъ дальней провинціи въ Лондонъ; предстаю предъ Милорда; напоминаю ему о его обѣщаніи; онъ дружески пожимаетъ мою руку; говоритъ мнѣ,

что примѣчаетъ худобу въ лицѣ моемъ и спрашиваетъ у меня, не боленъ ли я? На что отвѣтствую я ему, что наивеличайшая моя болѣзнь произходитъ отъ моего убожества. Онъ меня увѣряетъ, что охотно желаетъ излѣчить меня отъ моей болѣзни и даетъ мнѣ въ тужъ минуту письмо къ г. *Сидраку* живущему подлѣ Гилдгаллы.

Я не сомнѣваясь, чтобъ г. *Сидракъ* не былъ тотъ самый, который долженъ меня отправить къ назначенному приходу, лѣчу къ нему на крыльяхъ; но г. *Сидракъ*, который былъ Милордовъ лѣкарь, тотъ часъ принялся всего меня осматривать и увѣрялъ меня, что ежели я имѣю каменную болѣзнь, то онъ весьма искусно сдѣлаетъ надо мною Операцію.

Надобно знать, что Милорду послы-

шалось, что я чувствую великую боль въ пузырѣ и онъ по природному своему великодушію хотѣлъ приказать вырѣзать изъ меня камень, заплативъ за то собственныя свои деньги. Онъ былъ глухъ, такъ какъ и братъ его; но я объ ономъ не былъ еще извѣстенъ.

Между тѣмъ временемъ, какъ защищалъ я мой пузырь отъ г. *Сидрака*, который насильно хотѣлъ у меня ощупать камень, одинъ изъ пятидесяти двухъ просителей добивающихся того же мѣста, пришелъ къ Милорду, попросилъ его объ опредѣленіи его къ тому приходу и прошеніе его было исполнено.

Я былъ влюбленъ въ дѣвицу *Фидлеръ* и намѣренъ былъ на ней жениться, какъ скоро сдѣлаюсь священни-

комЪ, но мой сопротивникЪ получа мое мѣсто женился на моей любовницѣ.

Граф услышавЪ о моемЪ несчастiи и о своей ошибкѣ, хотѣлЪ все то поправить, однакожЪ чрезЪ два дни послѣ того скончался.

Г. *СидракЪ* доказывалЪ мнѣ весьма ясно, что мой благодѣтель не могЪ жить ни одной минуты долѣе, вЪ разсужденiи слабаго его сложенiя и притомЪ увѣрялЪ, что глухота его происходила отЪ чрезмѣрной сухости жилЪ и перепонки вЪ ушахЪ его. ОнЪ предлагалЪ мнѣ, что искуствомЪ своимЪ можетЪ онЪ вЪ одну минуту повредить слухЪ мой посредствомЪ виннаго спирта, такЪ что отЪ того сдѣлаюсь я глухимЪ болѣе всѣхЪ АглинскихЪ ПеровЪ.

Изъ сего я заключилъ, что г. *Сидракъ* былъ преискуснѣйшїй человѣкъ въ свѣтѣ. Онъ возбудилъ во мнѣ великую склонность къ наукѣ испытанїя природы, а при томъ видѣлъ я, что онъ былъ человѣкъ весьма снисходительный, понеже хотѣлъ у меня при нужномъ случаѣ вырѣзать камень безъ всякой платы и обѣщалъ мнѣ свое вспоможенїе, если когда по несчастїю приключится мнѣ болѣзнь въ пузырѣ.

И такъ я началъ подъ его руководствомъ обучаться испытанїю природы, для утѣшенїя себя въ лишенїи моего прихода и любовницы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

По довольномъ примѣчанiи природы, посредствомъ моихъ пяти чувствъ и увеличивательныхъ стеколъ, я сказалъ нѣкогда господину *Сидраку*: надъ нами насмѣхаются, г. *Сидракъ*; я примѣчаю, что природы со всѣмъ нѣтъ, а все происходитъ дѣйствiемъ премудраго искуства. Чрезъ сiе-то самое искуство всѣ планеты обращаются порядочно около солнца, равнымъ образомъ и солнце шествуетъ предписаннымъ путемъ своимъ. Надлежитъ дѣйствительно, чтобъ былъ нѣкто премудрѣйшiй учредитель искуснѣе всего Лондонскаго Королевскаго собранiя, который всѣ вещи учредилъ въ таковомъ порядкѣ, чтобъ четыреугольникъ обращенiя каждой планеты, былъ соразмѣренъ

кубическому корню разстоянія ихъ отъ своего Центра; надобно быть совершеннымъ волхвомъ, дабы дойти до точнаго о семъ познанія.

Приливъ и отливъ рѣки Темзы, также кажется мнѣ дѣйствіемъ премудрѣйшаго искуства, не менѣе достойнаго удивленія, и не меньше труднаго къ достиженію совершеннаго о томъ понятія.

Звѣри, произрастѣнія, минералы, всѣ кажутся мнѣ учрежденными въ совершенныхъ и порядочныхъ равновѣсіи, мѣрѣ, числѣ и движеніи; во всемъ является премудрое искуство, дѣйствующая сила и Химическое движеніе, отъ самомалѣйшей травы даже до высочайшихъ кедровъ, отъ блохи до человѣка и отъ песчинки до облаковъ.

По истиннѣ, всѣмъ дѣйствуетъ высочайшая премудрость, а природа не что иное, какъ мечтательное воображенїе. Ты говоришъ справедливо, отвѣчалъ мнѣ г. *Сидракъ*, однакожъ не ты первый дошелъ до сего твоими мыслями; обо всемъ ономъ говорено было прежде, но ни кто еще не входилъ въ точное о семъ изслѣдованїе, а всегда оставляли то безъ всякаго примѣчанїя. Меня весьма удивляетъ, говорилъ я, и болѣе всего мнѣ нравится, что чрезъ сїе неисповѣдимое и премудрѣйшее искуство два животные всегда производятъ третїе, и я чрезвычайно досадую, что я не могъ произвести на свѣтъ таковаго животнаго съ дѣвицею *Фидлеръ*; но я вижу, что такъ было опредѣлено судьбою, чтобъ дѣвица *Фидлеръ* употребила къ сему другаго кромѣ меня.

И о семъ также прежде сего гово-

рено было, отвѣтствовалъ мнѣ *Сидракъ*, и сїе доказываетъ справедливость твоего мнѣнїя. Конечно весьма забавно, что два существа производятъ третїе; однакожъ не справедливо оное полагать обо всѣхъ существахъ во обще. Двѣ розы чрезъ соединенїе свое не произведутъ третїей розы; два кремня, и два металла, также никогда третїяго не производятъ. Въ дѣторожденїи находятся чрезвычайнѣйшїя и любопытнѣйшїя таинства. *Невтонъ* говоритъ, что природа во всемъ между собою сходствуетъ: Sibi Natura est ubique conſona Однакожъ то несправедливо сказано въ разсужденїи любовнаго сообщенїя; ибо рыбы, пресмыкающїеся и птицы не равно съ нами производятъ оное дѣйствїе, а съ чрезвычайнымъ различїемъ. Рожденїе чувствующихъ и двигающихся тварей въ великое приводитъ меня удивленїе;

равнымъ образомъ и произрастѣнія въ семъ случаѣ привлекаютъ также къ себѣ особливое наше вниманіе. Я всегда удивляюсь, что одно хлѣбное зерно брошенное въ землю, раждаетъ многія другія.

Ахъ! сказалъ я ему, будичи еще совершеннымъ невѣждою, хлѣбное зерно должно прежде сгнить, а по томъ произвести другія зерна, такъ какъ о семъ разсуждали у насъ въ школѣ.

Г. *Сидракъ* прервалъ рѣчь мою усмѣхнувшись съ великою осторожностію, сіе почиталося справедливымъ, говорилъ онъ, во времена школьнаго ученія, но нынѣ и самый послѣдній хлѣбопашецъ знаетъ, что то со всѣмъ не правда. Ахъ! прости меня г. *Сидракъ*, сказалъ я, я судилъ такъ

какъ обучали меня въ школѣ, не вдругъ можно отстать отъ прежней своей привычки.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

По нѣсколькомъ времени послѣ сего разговора, сошлись вмѣстѣ убогіи священникъ *Гудманъ* и превосходнѣйшій Анатомикъ *Сидракъ*. Сей лѣкарь нашелъ его въ звѣринцѣ с. Жмеса въ великой задумчивости и онъ имѣлъ видъ смущеннѣе Алгебриста учинивша-го ложные вычеты. Что съ тобою сдѣлалось? спрашивалъ у него *Сидракъ*, не чувствуешъ ли ты боли въ пузырѣ или въ желудкѣ? нѣтъ отвѣтствовалъ ему *Гудманъ*, я стражду отъ воскипѣнія желчи; теперь увидѣлъ я прое-

хавшаго въ великолѣпной каретѣ Епископа Глочестерскаго, который есть совершенный глупецъ и невѣжда; я взбѣсился, что такой негодяй ѣздитъ въ каретѣ, а я таскаюсь пѣшкомъ. Я думалъ, что ежели бы я захотѣлъ получить Епископство въ семъ Государствѣ, то можно бы было биться объ закладъ десятью тысячами противу одного, что я бы онаго никогда не получилъ, а насъ такихъ какъ я бѣдныхъ Поповъ болѣе десяти тысячь находится въ Англіи. По смерти Милорда *Честерфильда*, который былъ глухъ, я не имѣю никого себѣ покровителемъ; но положимъ, что десять тысячь Англинскихъ Поповъ имѣли бы каждый у себя по два благодѣтеля, то и тогда можно бы было закладывать двадцать тысячь противъ одного, что я не получилъ бы Епископства; и такъ сіе чрезвычайно меня ого-

ргаетъ, когда размышляю я о семъ съ нѣкоторымъ примѣчанїемъ.

Я вспомнилъ, что мнѣ нѣкогда предлагали ѣхать въ великую Индїю въ должности Шкипера и увѣряли, что я тѣмъ составлю себѣ великое счастїе; но какъ я не чувствовалъ себя способнымъ быть когда нибудь Адмираломъ то по тому по изслѣдованїи всѣхъ человѣческихъ состоянїй и не будучи ни къ чему другому способнымъ остался Попомъ.

Не будь больше попомъ, сказалъ ему *Сидракъ*, а сдѣлайся Философомъ. Сїе состоянїе не требуетъ и не даетъ богатства. Сколько тебѣ въ годъ доходу? — Только тритцать гвиней, а по смерти старой моей тетки, достанется мнѣ еще пятдесятъ. — Сего довольно, любезный мой *Гудманъ*,

чтобъ жить свободнымъ и предаться разумному размышленію. Тритцать гвиней составитъ шесть сотъ тритцать шелинговъ и придетъ безъ малаго по два шелинга на день. Филиппъ не желалъ больше на каждый день, какъ только по одному шелингу. Имѣя сей вѣрный доходъ, можно говорить свободно все то, что думаешъ о компаніи Индѣйской, о Парламентѣ, о нашихъ Американскихъ селеніяхъ, о Королѣ, о существѣ вообще, о человѣкѣ и о Богѣ; и отъ сего можно получить великое утѣшеніе. Приди завтра ко мнѣ обѣдать; деньги твои останутся у тебя въ карманѣ; мы поговоримъ съ тобою дружески, и твой *мыслящій духъ* будетъ имѣть удовольствіе соединиться съ моимъ, посредствомъ разговора; жаль, что сію удивительную способность люди оставляютъ безъ всякаго примѣчанія... Завтрешній день До-

кторъ *Гру* будетъ у меня обѣдать; сей человѣкъ весьма искусенъ; онъ много путешествовалъ съ г. *Банкомъ* и *Солендеромъ*; слѣдовательно онъ долженъ имѣть совершенное познанїе и о Богѣ и о душѣ, о истинномъ и о ложномъ, о справедливомъ и несправедливомъ; гораздо лучше тѣхъ, кои никогда не выѣзжали изъ Ковенгардена. Сверхъ того сей Докторъ *Гру* видѣлъ почти всю Европу, обращался съ Пашею Графомъ *Боневаломъ*, который какъ всѣмъ извѣстно, учинился въ Константинополѣ совершеннымъ Музульманомъ, былъ въ тѣсной дружбѣ съ Папежскимъ священникомъ *Макартїемъ* уроженцемъ Ирландскимъ, который обрѣзался въ честь Магомету; и съ нашимъ Шотландскимъ Презбитерїанцемъ *Рамзаемъ*, который то же самое сдѣлалъ, и который былъ по томъ

вЪ службѣ вЪ Россіи и убитЪ вЪ сраженіи противЪ ШведовЪ вЪ Финляндіи; а наконецЪ сей ДокторЪ *Гру* также былЪ знакомЪ сЪ преподобнымЪ ОтцемЪ *Молагридою*, который былЪ послѣ того сожженЪ вЪ Лиссабонѣ. Ты можешЪ чувствовать, что такой человѣкЪ каковЪ есть г. *Гру* видѣвшій столько примѣчанія достойныхЪ вещей, долженЪ быть величайшимЪ вЪ свѣтѣ МетафизикомЪ. Приди же непремѣнно завтра ко мнѣ обѣдать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

На другой день сіи три разсуждателя обѣдали вмѣстѣ; и какЪ приокончаніи кушанія, сдѣлалися они не много веселѣе, по обычаю бесѣдующихЪ ФилософовЪ, то начали забавляться разговорами, о всѣхЪ бѣдствіяхЪ, о всѣхЪ глупостяхЪ, и о всѣхЪ напастяхЪ

обременяющихъ родъ одушевленныхъ тварей, обитающихъ какъ въ странахъ полуденныхъ, такъ и близь Арктическаго Полюса; отъ самаго Лима, даже до Меако. Сїе различїе въ бѣдахъ и несчастїяхъ можетъ быть весьма забавно; и сего удовольствїя никогда не чувствуютъ лѣнивые мѣщане и приходскїе священники, которые ни о чемъ въ свѣтѣ не свѣдомы, кромѣ своей колокольни, и кои думаютъ, что вся вселенная такъ сотворена, какъ Екс-шанж-аллея въ Лондонѣ, или Гушетская улица въ Парижѣ.

Я примѣчаю, говорилъ Докторъ *Гру*, что не взирая на чрезмѣрное во всемъ различїе на земномъ шарѣ, всѣ люди, коихъ я видѣлъ, и черные съ шерстью, и черные съ волосами, и темножелтые, и рыжїе, и бѣлые, всѣ равно имѣютъ по двѣ ноги, по два глаза и по одной

головѣ на плечахъ своихъ: хотя С. *Августинъ* въ тритцать седьмой своей проповѣди увѣрялъ, будто бы онъ видѣлъ людей безголовыхъ, одноглазыхъ иودноногихъ; что жъ принадлежитъ до человѣкоядцевъ, то я признаюсь, что оныхъ есть много, а въ прежніе времена и всѣ были таковыми.

. . . .

. . . .

. . . Но пожалуйте мнѣ скажите, г. *Гру*, спросилъ у него *Гудманъ*, изъ восьмидесяти, или изо ста различныхъ законовъ, что вы въ путешествіи вашемъ видѣли, который кажется вамъ лучшимъ? у жителей ли Зеландскихъ, или у Готтентотовъ. На островѣ *Отаити*, безъ всякаго сравненія, отвѣтствовалъ г. *Гру*.

Я объѣхалъ двѣ части свѣта и ни-

чего не видалъ лучше, острова *Отаити* и его набожной Королевы. Въ семъ то мѣстѣ владычествуетъ сама природа! въ другихъ же земляхъ я видѣлъ только одни притворныя личины; тамъ только плуты обманывающїе глупцовъ; обманщики похищающїе у другихъ деньги, для полученїя начальства, и похищающїе начальство для свободнаго приобрѣтенїя денегъ; продающїе другимъ паутину, а за то старающїеся получить отъ нихъ жирное мясо; обѣщевающїе другимъ великїе богатства и утѣхи тогда, когда всѣхъ приводятъ они въ крайнюю погибель и послѣ сами остаются торжествующими.

Но въ островѣ *Аити*, или *Отаити*, со всѣмъ не такъ поступаютъ. Жители сего острова гораздо просвѣщеннѣе Зеландскихъ и Кафрскихъ, даже могу сказать, и самыхъ Англичанъ;

ибо природа одарила ихъ плодовитѣйшею землею; они изобилуютъ дичиною, плодами и овцами. Въ сей землѣ не имѣютъ нужды питаться себѣ подобными; но законъ *Отаитской* повелѣваетъ дѣлать публично удовольствіе другой естественнѣйшей, пріятнѣйшей и всеобщей нуждѣ. Я самъ былъ тому очевидный свидѣтель, равно какъ и всѣ ѣхавшіе на кораблѣ нашемъ. Вы услышите теперь отъ меня не пустыя басни Миссіонеровъ; каковые находятся въ такъ называемыхъ: *Полезныхъ и любопытныхъ письмахъ*, преподобныхъ отцовъ Езуитовъ. Докторъ Іоаннъ *Гакеровортъ* приводитъ уже ко окончанію печатаніе всѣхъ нашихъ открытій въ полуденной части свѣта. Я всегда находился вмѣстѣ съ г. *Банкомъ* съ симъ молодымъ, достойнымъ всякаго почтенія человѣкомъ, который всю жизнь свою и все свое

имѣнїе посвятилъ на примѣчанїе естества, подлѣ *Антарктическаго* Полюса; между тѣмъ какъ г. *Дакенъ* и *Вудъ* возвращалися отъ развалинъ Пальмиры и Балбека, гдѣ собирали они древнѣйшїя достопамятности, и г. *Гамильтонъ* писалъ для удивленныхъ Неаполитанцовъ, Натуральную Исторїю о горѣ ихъ Везувїи. Наконецъ, вы услышите отъ меня то, что какъ я самъ, такъ равнымъ образомъ и г. *Банкъ*, *Соландеръ*, *Коокъ* и многїе другїе видѣли.

Королева *Обеира*, владѣтельница острова *Отаити*. . . . . . Тогда принесли къ нимъ кофе, и какъ скоро оного напились, то г. *Гру* продолжалъ свое повѣствованїе слѣдующимъ образомъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Королева *Обсира*, говорю я, наградивъ насъ щедро многими подарками, съ великою учтивостію и снисхожденіемъ, достойными Королевы Англинской, изъ любопытства пожелала въ одно утро присудствовать при нашей Англиканской Божественной службѣ, которую мы отправляли со всевозможнымъ великолѣпіемъ; а послѣ обѣда пригласила она насъ къ своему жертвоприношенію; что происходило 14. Маія 1769 года. Мы увидѣли ее окруженную болѣе нежели тысячію человѣками обоего пола, стоящими полукругомъ и пребывающими въ почтительной молчаливости. . . . .

. . . .

. . . .

Г. *Сидракъ* неговорившїй до того времени ни одного слова, понеже г. *Гудминъ* и *Гру* непрестанно между собою разговаривали, прервалъ наконецъ свое молчанїе и сказалъ: все то, что я отъ васъ слышалъ, приводитъ меня въ великое удивленїе. Королева *Обеира* кажется мнѣ первою изъ всѣхъ Королевъ, владѣющихъ въ земляхъ полуденныхъ. Но между толикой славы и блаженства, одна только вещь объемлетъ меня великимъ ужасомъ. Правда ли то г. *Гру*, что Капитанъ *Виллисъ*, который прежде васъ былъ въ семъ щастливомъ островѣ, привезъ туда мучительнѣйшую болѣзнь называемую Венерическою? Увы! отвѣтствовалъ г. *Гру*, Французы во оной болѣзни обвиняютъ насъ, а мы обвиняемъ Французовъ. Г. *Бургенвиль* говоритъ, что проклятые Англичане заразили сею болѣзнїю Королеву *Обеиру*, а г. *Кукъ*

увѣряетъ, что сїя Королева получила оную отъ самаго г. *Бургенвиля*. Но какъ бы то ни было, оная болѣзнь подобна наукамъ и художествамъ, о коихъ хотя не извѣстно откудова получили они свое начало, однакожъ оныя вселились, и въ Европу, и въ Азїю, и въ Африку, и въ Америку.

Уже давно упражняюсь я во врачебной наукѣ, говорилъ *Сидракъ*, и признаюсь, что сей болѣзни одолженъ я большею частїю моего благополучїя, однакожъ не менѣе другихъ ее проклинаю. Госпожа *Сидракъ* наградила меня оною съ самой первой ночи моего съ нею брака; и какъ сїя женщина безмѣрно наблюдаетъ свою добрую славу и не можетъ снести ни малаго повреждения своей чести, то напечатала она во всѣхъ Лондонскихъ вѣдомостяхъ, что хотя она дѣйствительно заражена

была сею гнусною болѣзнїю, но оную получила она еще при самомъ рожденїи изъ чрева своей матушки, и что сїя болѣзнь изъ древлѣ обитаетъ во всей ихъ фамилїи.

Но почто природа влїяла сей ядъ въ источникъ нашей жизни? Я купно съ прочими повторяю, что въ изображенїи человѣка находится ужаснѣйшее противорѣчїе. Говорятъ, что человѣкъ созданъ лучшимъ изъ всѣхъ творенїй, а въ его сѣмянныхъ сосудахъ поселяется сїя мучительная болѣзнь, сїя смертоносная отрава!

Увы! сказалъ тогда добродушный *Гудманъ*, я долженъ, можетъ быть, благодарить судьбину, что не женился на моей дражайшей дѣвицѣ *Фидлеръ*; ибо, по чему знать, что бы изъ того произойти могло? въ семъ свѣтѣ ни на что не можно положиться. Но ты г.

Сидракъ, примолвилъ онъ, обѣщался мнѣ помогать во всякихъ болѣзненныхъ припадкахъ, могущихъ случиться въ пузырѣ моемъ. *Я* весь къ твоимъ услугамъ, отвѣтствовалъ ему *Сидракъ*, однакожъ надлежитъ тебѣ истребить сіи дурныя мысли. *Гудманъ* говоря такимъ образомъ, казалося предъузнавалъ свой жребій.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

На третій день, сіи три Философа разсуждали о самонужнѣйшей вещи; т: е: какая была первая причина и дѣйствіе во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ? *Гудманъ* имѣющій всегда у себя на сердцѣ лишеніе своего прихода и возлюбленной

своей невѣсты говорилъ, что всему на свѣтѣ главнымъ началомъ были любовь и честолюбіе. Г. *Гру* путешествующій по многимъ землямъ, утверждалъ, что всего нужнѣе деньги; а великій Анатомистъ *Сидракъ* увѣрялъ, что всему на свѣтѣ надлежитъ предпочесть *испражнительное судно*. Оба Философа услышавъ сіе, весьма тому удивлялись; но мудрый *Сидракъ* доказывалъ мнѣніе свое слѣдующимъ образомъ.

Я всегда примѣчалъ, говорилъ онъ, что всѣ дѣла на семъ свѣтѣ зависятъ отъ мнѣнія и воли главнаго начальника, или главнаго судьи. Сіе мнѣніе и воля происходятъ отъ непосредственнаго дѣйствія и способа, коими жизненные соки втекаютъ въ мозгъ человѣческой. Сіи жизненные соки зависятъ отъ обращенія крови; кровь происходитъ отъ варительнаго сока въ желудкѣ; сокъ

раждается въ черевной сѣткѣ; черевы присоединены къ кишкамъ чрезъ самотончайшія жилки; а кишки, ежели мнѣ позволено будетъ сказать, наполнены каломъ. Сверьхъ того, хотя каждая кишка покрыта тремя толстыми перепонками, однакожъ оныя подобно решету имѣютъ въ себѣ многія скважины; ибо всѣ вещи въ природѣ наполнены таковыми скважинами, и нѣтъ ни одной самомалѣйшей песчинки, которая не имѣла бы въ себѣ болѣе пяти сотъ оныхъ. Можно бы было пропустить тысячу иголъ сквозь пушечное ядро, ежели бы нашлись столь тонкія и крѣпкія иглы. Чтожъ случается съ человѣкомъ страждущимъ отъ запора? Самотончайшія матеріи его кала, смѣшиваясь съ варительнымъ сокомъ, проходятъ чрезъ проходную жилу въ нижнюю кишку, собирающую въ себя сіи смрадныя матеріи, которыя доходятъ

до сердца и мущины и женщины. Сіи пары исходящіе отъ затверделой нечистоты проходятъ по всему его тѣлу; и буде оные влажные пары разпространятся по всѣмъ внутреннимъ частямъ тѣла, человѣка подверженнаго Меланхолической болѣзни, тогда сдѣлается онъ лютымъ и безчеловѣчнымъ; бѣлки въ глазахъ его нальются кровію; губы его пересмягнутъ и цвѣтъ лица его будетъ блѣднымъ и мрачнымъ. Тогда никакъ не должно къ нему приближаться, ибо видъ его будетъ казаться звѣрообразнымъ и угрожательнымъ.

. . . .
. . . .

Сіе примѣчаніе весьма важно, нежели какъ о томъ думаютъ. Запоръ причинялъ иногда наикровопролитнѣйшія дѣйствія. Мой дѣдъ, который умеръ ста лѣтъ отъ роду, былъ Аптекаремъ у

Кромвеля; онъ часто мнѣ расказывалъ, что *Кромвель*, цѣлыхъ восемь дней не имѣлъ тогда испражненія, когда велѣлъ отрубить голову Королю своему.

Всѣмъ довольно извѣстно, что часто возвѣщали Герцогу Гизскому что бы онъ не раздражалъ *Генриха* III зимою, въ то время, когда дуетъ западный вѣтръ; ибо тогда сей Монархъ имѣлъ свое испражненіе съ чрезвычайною трудностію. Сіи нечистыя матеріи входили ему въ голову и онъ въ то время способенъ былъ учинить всякія жестокости. Герцогъ Гизскій не внималъ столь разумнымъ совѣтамъ, и что же отъ того съ нимъ воспослѣдовало? онъ раздраживши сего Государя, купно съ братомъ своимъ преданъ былъ жестокой смерти.

Карлъ IX его предшественникъ былъ

чрезвычайно подверженъ сей болѣзни; проходы въ проходной его кишкѣ и въ жилахъ такъ были заперты, что на конецъ кровь его выступила вонъ чрезъ свои скважины. Весьма то извѣстно, что сїе воспламенѣнїе въ его сложенїи, было главнѣйшею причиною безчеловѣчїя учиненнаго въ день С. *Варфоломея*.

На противъ же того люди здоровые, имѣющїе хорошее варенїе желудка, свободные проходы, матерїи жидко исходящїя и легкое и порядочное всѣхъ внутреннихъ соковъ обращенїе, кои каждое утро, тотъ часъ послѣ завтрика, дѣлаютъ весьма свободное и доброе испражненїе; таковые любимцы природы суть тихи, снисходительны, ласковы, благосклонны, жалостливы и услужливы. Изъ ихъ устъ исходящїй отказъ болѣе имѣетъ въ себѣ приятности, не-

жели обѣщанїе выговоренное человѣкомъ подверженнымъ запорной болѣзни.

Испражненїе толикое имѣетъ дѣйствїе, что поврежденїе желудка часто дѣлаетъ человѣка малодушнымъ и робкимъ, а поносъ отнимаетъ всю бодрость. Никогда не должно предлагать человѣку ослабшему отъ безсонницы, или отъ продолжительной лихорадки, или отъ великаго дѣйствїя слабительнаго лѣкарства, итти сражаться и съ самослабѣйшимъ непрiятелемъ. Въ разсужденїи сего, я никакъ не могу повѣрить чтобъ вся Англинская Армїя одержима была жестокимъ поносомъ при Азенкуртскомъ сраженїи, такъ какъ многїе въ томъ увѣряютъ. Можетъ быть, нѣкоторые воины повредили свои желудки, объѣвшись дорогою худаго винограду, а Историки писали, что вся Армїя будучи одержима болѣзнїю, сра-

жалася съ обнаженными задницами, а дабы не показать оныхъ Петиметрамъ Французскимъ, то будто она побила ихъ всѣхъ на голову.... Таковымъ точно выраженїемъ писалъ Езуитъ Данїилъ.

Вотъ какимъ образомъ всегда пишутъ Исторїю.

Подобно сему и Французы одинъ послѣ другаго твердили, что нашъ Аглинскїй Король, великїй *Едуардъ* III, приказалъ къ себѣ привести шестерыхъ мѣщанъ изъ Калѣ, съ наложенною петлею на ихъ шѣи, будто бы съ тѣмъ, чтобъ послѣ приказать ихъ повѣсить за то, что дерзали они храбро выдерживать осаду, и что яко бы наконецъ супруга его со слезами испросила у него имъ прощенїе. Сїи писатели не вѣдали того, что въ тѣ варварскїя времена, было такое обыкновенїе, что мѣщане побѣжденнаго города приходили къ сво-

ему побѣдителю съ петлею на шѣе, когда долго не впущали они его въ городъ; въ самомъ же дѣлѣ великодушный *Едуардъ*, никогда не былъ намѣренъ лишить жизни сихъ шестерыхъ Аманатовъ, коихъ напротивъ того, наградилъ онъ великими почестями и подарками. Я уже усталъ читая многія подобныя симъ глупости, коими толико мнимыхъ Историковъ наполнили свои лѣтописи и всѣ сраженія столь безумно ими описанныя. Нынѣ благодаря Бога, я ничего уже больше не читаю, кромѣ одной *Натуральной Исторіи*; да и въ той не желаю, чтобъ *Бурнетъ*, *Вистонъ*, *и Воодвардъ* наводили мнѣ скуку своими гнусными Системами; я совсѣмъ не вѣрю *Мальету*, яко бы Ирландское море, произвело Кавказскую гору, и будто бы нашъ земный шаръ хрустальный. Я не желаю чтобъ гнусные обманщики предлагали мнѣ свои пустыя

бредни за точную справедливость. Болѣе всего наблюдаю я воздержность въ пищѣ, которая содержитъ мои тѣлесные составы въ порядочномъ равновѣсїи и доставляетъ мнѣ хорошее варенїе въ желудкѣ и спокойный сонъ. Пей всегда теплое во время великой стужи, а холодное во время жестокаго жара; сохраняй во всемъ совершенную умѣренность, спи и забавляйся; къ прочему же ко всему будь совсѣмъ безпеченъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ самую ту минуту какъ г. *Сидракъ* произносилъ сїи разумныя слова, пришли сказать *Гудману*, что управитель покойнаго Графа *Честерфильда* остановясь у воротъ въ каретѣ,

желаетъ съ нимъ говорить; о нѣкоемъ нужнѣйшемъ дѣлѣ. *Гудманъ* побѣжалъ поспѣшно принять приказанія отъ Господина управителя, который посадя его къ себѣ въ корету, говорилъ ему слѣдующее:

Государь мой! вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, что случилося съ господиномъ и госпожею *Сидракъ* въ первую ночь ихъ брака. — Такъ Милостивый государь, онъ сей часъ расказывалъ мнѣ о семъ маломъ приключеніи.

И такъ знайте, продолжалъ управитель, что то же самое произошло съ прекрасною дѣвицею *Фидлеръ*, и съ г. Священникомъ ея мужемъ. На другой день послѣ ихъ свадьбы они подрались, а на третій совсѣмъ разстались, и у г. Священника отняли приходъ его. Я люблю дѣвицу *Фидлеръ* и мнѣ извѣстно что она васъ любитъ,

да и меня также не ненавидитъ; я не страшусь того малаго несчастія, которое было причиною ихъ развода, ибо будучи влюбленъ, дѣлаюсь я неустрашимымъ. Уступите мнѣ дѣвицу *Фидлеръ*, а я за то доставлю вамъ хорошій приходъ, который будетъ вамъ приносить по сту по пятидесяти гвиней годоваго дохода. Я вамъ даю не болѣе десяти минутъ на размышленіе.

Милостивый государь, отвѣтствовалъ *Гудманъ*, сіе предложеніе весьма важно; позвольте мнѣ посовѣтовать объ ономъ съ моими Философами съ *Сидракомъ* и *Гру*; я сію же минуту возвращусь къ вамъ съ отвѣтомъ.

По семъ летитъ онъ съ восхищеніемъ къ своимъ двумъ совѣтникамъ. Я вижу, говоритъ онъ имъ, что не одно только вареніе въ желудкѣ управляетъ всѣми дѣлами сего свѣта; но

любовь, честолюбіе и деньги великое во оныхъ имѣютъ участіе. Онъ объявляетъ имъ о томъ разговорѣ, который имѣлъ онъ съ управителемъ и проситъ ихъ, чтобъ въ тужъ минуту подали они ему свои совѣты. Оба Философы заключили, что со сто пятидесятьми гвинеями годоваго дохода, онъ можетъ склонить къ себѣ въ любовь всѣхъ дѣвокъ своего прихода, а сверьхъ того имѣть любовницею и самое дѣвицу *Фидлеръ*.

Гудманъ послѣдовалъ сему разумному совѣту; получилъ приходъ и любился тайно съ девицею *Фидлеръ*; что было гораздо пріятнѣе, нежели бы онъ имѣлъ ее своею женою. Г. *Сидракъ* при случаѣ оказывалъ ему свои услуги и онъ учинившись знатнѣйшимъ Попомъ въ Англіи, былъ еще болѣе прежняго въ томъ увѣренъ, что бѣдствіе надъ всемъ владычествуетъ въ семъ свѣтѣ.

XIV.

О ФИЛОСОФѢ.

Философъ есть любитель мудрости и истинны. Быть мудрымъ, есть то, чтобъ удаляться отъ глупыхъ и злыхъ; слѣдственно Философъ ни съ кѣмъ не долженъ жить, кромѣ какъ съ такими же Философами.

Я полагаю нѣсколько мудрецовъ между Іудеями; и если бы одинъ изъ оныхъ мудрецовъ обѣдая съ нѣкоторыми *Раввинами*, велѣлъ изготовить блюдо угрей и зайца, и ежели бы не могъ онъ воздержаться отъ смѣха, слыша суевѣрныя слова сихъ Іудеевъ, то совсѣмъ бы онъ погибъ въ ихъ Синагогѣ; то же самое должно сказать и о Музульманѣ, и о Гебрѣ, и о Баніанѣ.

Я вѣдаю, что отъ мудреца требу-

ютъ того, чтобъ онъ никогда не объявлялъ непросвященнымъ людямъ своихъ мнѣній и что онъ долженъ быть съ немощными немощенъ, а съ безумными безуменъ; однакожъ никто еще не дерзалъ сказать, что онъ долженъ также быть и съ плутами плутъ. И такъ если требуется отъ мудреца, чтобъ онъ всегда былъ одного мнѣнія съ тѣми, которые обманываютъ людей, то не похоже ли оное на то, чтобъ требовать отъ него очевидно, чтобъ онъ не былъ добрымъ человѣкомъ? требуютъ ли когда отъ искуснаго врача, чтобъ онъ всегда былъ одного мнѣнія съ бродяжными лѣкарями.

•

Мудрецъ есть врачь душъ человѣческихъ, слѣдственно долженъ онъ давать свои лѣкарства всякому, кто отъ него оныхъ потребуетъ и убѣгать отъ сообществъ бродягъ и обманщи-

ковъ, которые непремѣнно гнать и притѣснять его будутъ; такимъ образомъ, ежели бы глупой Азїатской, или Индѣйской житель, сказалъ когда мудрецу: другъ мой! я познаю по твоему виду, что ты не вѣришъ кобылѣ *Бораковой* и *Вистнувымъ* превращенїяхъ; но я тебя заставлю оному вѣрить, я тебѣ воспрепятствую быть Бостанжїемъ, я тебя силою и мученїемъ обращу къ своей вѣрѣ; то слыша такїе безумные слова, мудрецъ долженъ только объ немъ сожалѣть и передъ нимъ молчать.

Ежели же неученые люди, имѣющїе въ прочемъ по природѣ хорошїй разумъ и желающїе отъ искреннѣйшаго сердца просвѣтить свое познанїе, спросятъ у мудреца: должны ли они тому вѣрить, что пять сотъ миль разстоянїя отъ луны до Венеры, и что столько же

отъ Меркурія до Венеры и отъ Меркурія до Солнца, какъ въ томъ увѣряютъ всѣ первые мудрецы Музульмане, въ противность мнѣній всѣхъ Астрономовъ? На что мудрецъ долженъ имъ отвѣтствовать, что Музульмане легко могутъ обмануться. Истинный мудрецъ долженъ во всякое время возвѣщать невѣдающимъ: что, сто законныхъ поученій не стоятъ одного добродѣтельнаго дѣла и что лучше помочь одному несчастному, нежели стараться входить въ точное изслѣдованіе опровергаемаго и опровергающаго мнѣнія.

Всякій человѣкъ когда увидитъ змѣю готовящуюся на него броситься, долженъ ее убить; но мудрецъ увидя суевѣра и пустосвята, что долженъ съ нимъ дѣлать? — воспрепятствовать, чтобъ онъ его не уязвилъ.

XV.

ИЗВѢСТІЕ.

О болѣзни, о исповѣди, о смерти и о явленіи по смерти Езуита Берфіера.

1759 года Октября 12 дня, братъ *Берфіеръ* къ несчастію своему поѣхалъ изъ Парижа въ Версалію съ братомъ *Кутю* обыкновенно по всюду его сопровождавшимъ. *Берфіеръ* положилъ къ себѣ въ коляску нѣсколько екземпляровъ *Тревусскаго журнала*, дабы поднести оные своимъ покровителямъ и покровительницамъ, какъ то: *Горничной служанкѣ госпожи Кормилицы*; *Комиссару запаснаго двора*; *Прислужнику Королевской аптеки* и многимъ другимъ таковымъ господамъ, прославившимся отмѣнными своими дарованіями. *Берфіеръ* почувствовалъ дорогою нѣкоторую

тошноту, великое отягощенїе въ головѣ и непрестанно зѣвалъ. Я не знаю, что такое со мною сдѣлалось, говорилъ онъ брату *Кутю*; я никогда такъ много не зѣвалъ. Ето ничего, преподобный отецъ, отвѣтствовалъ ему братъ *Кутю*, сїе къ тебѣ перешло отъ меня. Какъ перешло отъ тебя, сказалъ братъ *Берфїеръ*? Потому, говорилъ братъ *Кутю*, что и я самъ не знаю отъ чего непрестанно зѣваю; а оное, думаю, случилося отъ того, что я во весь день ничего не читалъ и что ты во всю дорогу не говорилъ со мною ни одного слова; и выговоря сїи слова, братъ *Кутю* зѣвалъ болѣе прежняго. *Берфїеръ* отвѣтствовалъ ему такимъ же непрестаннымъ зѣванїемъ, и кучеръ обернувшись назадъ и увидя ихъ зѣвающихъ, началъ самъ зѣвать равнымъ образомъ. Сїя болѣзнь заражала всѣхъ встрѣчающихся

и во всѣхъ ближнихъ домахъ, всѣ смотря на нихъ зѣвали; таковое дѣйствїе часто случается надъ простыми людьми отъ присудствїя ученаго мужа.

Между тѣмъ холодный потъ выступалъ по всему тѣлу *Берфїера.* Я не знаю что такое, сказалъ онъ, я со всѣмъ оледенѣлъ. Я вѣрю, говорилъ его товарищъ. Какъ ты вѣришъ, спрашивалъ у него *Берфїеръ?* что ты чрезъ оное разумѣешъ? То, что я и самъ также чрезвычайно озябъ, отвѣтствовалъ *Кутю.* Я засыпаю, сказалъ *Берфїеръ.* Не удивляюсь, говорилъ *Кутю.* По чему это? спрашивалъ *Берфїеръ.* Потому, что и я также засыпаю, отвѣтствовалъ его товарищъ, и вдругъ послѣ сего объялъ ихъ обѣихъ ужасный сонъ; будучи же въ такомъ состоянїи, остановилися они у воротъ ограды Версальской. Кучеръ отворивъ у коляски

дверцы, хотѣлъ ихъ высадить, но не могши никакъ ихъ разбудить, призывалъ другихъ къ себѣ на помощь. *Кутю* будучи тучнѣе брата *Берфіера*, оказалъ наконецъ нѣкоторые знаки жизни; но *Берфіеръ* совсѣмъ окостенѣлъ. Нѣкоторые придворные лѣкари идущіе изъ трактира, проходили мимо сей коляски, по чему и просили ихъ чтобъ посмотрѣли они больнаго. Одинъ изъ нихъ пощупавъ пульсъ пошелъ прочь, сказавъ, что онъ съ того времени какъ находится при дворѣ, совсѣмъ не вмѣшивается въ лѣкарскую науку; а другой разсматривая его прилѣжнѣе объявилъ, что сія болѣзнь приключилася ему отъ чрезвычайнаго наполненія желчнаго пузыря; третій же напротивъ того увѣрялъ, что все сіе произошло отъ безмѣрнаго опустошенія мозга.

Между тѣмъ какъ они между собою

спорили, больному становилось часъ отъ часу хуже; начавшїяся судорожныя движенїя подвергали его крайней опасности и уже три пальца, въ коихъ обыкновенно при писанїи держатъ перо, были совсѣмъ скорчены, какъ главный Докторъ, обучавщїйся своей наукѣ подъ присмотромъ *Меада* и *Боергава* и который во оной былъ искуснѣе другихъ, открылъ инструментомъ ротъ у *Берфїера*, и почувствуя смрадный запахъ изъ онаго исходящїй сказалъ, что онъ былъ зараженъ ядомъ.

При семъ словѣ, всѣ около стоящїе люди подняли великїй крикъ. Такъ, государи мои, продолжалъ Докторъ, онъ дѣйствительно зараженъ ядомъ; пощупайте только его кожу, то вы сами увидите, что испаренїя холоднаго яда распространилися по всѣмъ пото-

вымъ его скважинамъ, и я дѣйстви- тельно васъ увѣряю, что сей ядъ смертоноснѣе всякаго смѣшенія мышьяку, чемерицы, опіума и бѣлены. Кучеръ! не клалъ ли ты въ твою коляску какого свертка для нашихъ Аптекарей? Нѣтъ, государь мой, отвѣтствовалъ кучеръ, а здѣсь только есть одинъ свертокъ бумагъ, положенный мною по приказанію его преподобія, и въ тожъ самое время открывъ ящикъ, вынулъ оттуда двѣ дюжины екземпляляровъ *Тревусскаго журнала*. Вотъ государи мои, не правдули я сказалъ, возопилъ великій Докторъ.

Всѣ предстоящіе удивлялись чудесной его наукѣ и каждый узналъ причину сей болѣзни. Въ тужъ минуту сожгли подъ носомъ у больнаго сей вредительный свертокъ, и какъ скоро ядовитыя частицы очистилися огнемъ,

то *Берфіеру* сдѣлалося не много легче: но какъ болѣзнь чрезвычайно уже усилилась и отяготила его голову, то не смотря на сіе, предстояла еще нѣкая опасность въ его жизни. Докторъ разсудилъ за благо, дать ему проглотить въ бѣломъ винѣ одну страницу Енциклопедіи, дабы тѣмъ развести загустѣвшіяся желчныя мокроты; онъ далъ ему онаго превеликій пріемъ; однакожъ голова его всегда пребывала въ прежнемъ отягощеніи; онъ не приходилъ еще въ совершенное чувство и нѣсколько произносимыхъ имъ словъ не заключали въ себѣ никакого смысла. Въ семъ состояніи пребылъ онъ около двухъ часовъ, послѣ чего принуждены были приказать его исповѣдать.

Два священника прогуливавшіеся тогда по улицѣ Реколетской, званы были для сей исповѣди. Одинъ изъ нихъ от-

казался: я не хочу, говорилъ онъ и почитаю за великую опасность обременить себя душею Езуита; я не намѣренъ съ сими людьми имѣть никакого дѣла ни въ здѣшнемъ свѣтѣ ни въ будущемъ; пусть другой кто хочетъ исповѣдываетъ Езуита, а я отъ сего отрекаюсь. Другой не былъ столь упоренъ. Я на оное согласенъ, сказалъ онъ, ибо отъ всего можно равно получить свою пользу.

Тотчасъ былъ онъ введенъ въ ту комнату, въ которую отнесли больнаго; и какъ *Берфіеръ* не въ состояніи еще былъ самъ собою говорить явственно, то духовникъ вознамѣрился его вопрошать. Вѣруешъ ли ты въ Бога, преподобный отецъ, спросилъ онъ у его? Вотъ страшный вопросъ, сказалъ *Берфіеръ*. Не очень страненъ, продолжалъ духовникъ; ибо между вѣрами есть нѣ-

которыя различїя; а дабы вѣровать, такъ какъ должно, потребно любить Бога и своего ближняго; и такъ, скажи мнѣ, любишь ли ты ихъ отъ искреннѣйшаго сердца? Я различаю, сказалъ Берфїеръ. Здѣсь не нужно никакое различїе, говорилъ духовникъ, ты не получишъ разрѣшенїя во грѣхахъ твоихъ, буде не начнешъ твоего исправленїя сими двумя должностями. Когда такъ, сказалъ съ досадою каявшїйся и когда ты меня ко оному понуждаешъ, то я тебѣ сказываю, что я люблю Бога и ближняго по моей возможности.

Не читывалъ ли ты часто соблазнительныхъ книгъ? спрашивалъ духовникъ. Какїя книги почитаешъ ты соблазительными? вопрошалъ съ своей стороны кающїйся. Я не почитаю таковыми, говорилъ духовникъ, тѣхъ книгъ, которыя наводятъ собою одну

только скуку; какъ на примѣръ: *Исторія Римская* сочиненная братіями *Катру* и *Рулье*; *Трагедіи* вашего училища; ваши книги подъ заглавіемъ *Свободныя науки*; *Лулїада* сочиненная однимъ монахомъ вашего ордена; стихи Дюсерсовы о *смертномъ успокоеніи*; его же благородные *Стансы* на посланника Манскаго; *Благодарность Манскаго Герцога за маленькіе пирожки* и прочїя подобныя симъ сочиненія, произшедшія отъ коварнаго разума монаховъ; а подъ названїемъ соблазнительныхъ книгъ разумѣю я такія, каковы суть: *Мечтанія брата Бужана*, осужденнаго Парламентомъ и Епископомъ Парижскимъ; гнусныя сочиненія брата *Берюйера*, который перемѣнилъ старый и новый Завѣтъ въ сказку подобную *Клеліи*, справедливо какъ въ Римѣ, такъ и въ Парижѣ съ презрѣніемъ опроверженной; *Богословія*

брата *Бузамбаума* и брата *Лакроа*, кои съ толикою надмѣнностію превознесли то, что писали братъ *Гинардъ*, братъ *Геретъ*, братъ *Гирнетъ*, братъ *Олдекорнъ* и многіе другіе монахи; ежели ты хотя не много такія книги читалъ, то находишся въ крайней опасности о полученіи твоего прощенія.

Я различаю, отвѣтствовалъ *Берфіеръ*. Нѣтъ здѣсь мѣста никакому различію, я еще тебѣ оное повторяю, сказалъ вопрошатель; читалъ ли ты всѣ сіи книги, скажи мнѣ однимъ словомъ: да, или нѣтъ? Государь мой, сказалъ *Берфіеръ*, я долженъ необходимо все читать, въ разсужденіи преимущественной должности, отправляемой мною въ нѣкоемъ сообществѣ. Какая бы то была столь великая должность? спрашивалъ духовникъ. Дабы вы были о томъ извѣстны, отвѣтство-

валъ *Берфїеръ*, то знайте, что я имѣю честь быть издателемъ *Тревусскаго журнала*.

Какъ! ты издаешъ такую книгу, которая многихъ подвергаетъ вѣчному проклятїю? . . . Государь мой, государь мой, моя книга никого проклятїю не подвергаетъ; пожалуйте мнѣ скажите, къ какому грѣху она привести можетъ? Ахъ! любезный братъ, возопилъ духовникъ, не уже ли не извѣстны тебѣ слова Евангельскїе: *Иже бо аще кто речетъ брату своему, рака; повиненъ есть геннѣ огненной?* а ты по несчастїю, всякаго читавшаго твое сочиненїе приводилъ въ злѣйшее искушенїе, называть тебя наипоноснѣйшими именами; сколько видалъ я самыхъ честныхъ людей, кои прочитавъ двѣ или три только страницы изъ оной твоей книги, бросали ее въ огонь

съ чрезвычайною досадою? какой єто наглой и безстыдной сочинитель! говорили они; безумецъ! скотина! и засимъ послѣдовали безчисленныя ругательства; Христїанская любовь, на тотъ разъ, со всѣмъ въ нихъ истреблялась и они по видимому находились въ крайней опасности лишиться своего спасенїя; подумай; коликихъ золъ ты былъ причиною; есть можетъ быть около пятидесяти человѣкъ читающихъ оное твое сочиненїе, коихъ души каждый мѣсяцъ подвергаешъ ты наиопаснѣйшему искушенїю.

Болѣе же всего, продолжалъ онъ, возбуждаетъ гнѣвъ въ благочестивыхъ людяхъ то, что ты пишешъ увѣрительно о такихъ вещахъ, о коихъ не имѣетъ самъ нималаго понятїя. Сей порокъ по видимому проистекаетъ въ тебѣ отъ двухъ смертныхъ грѣховъ:

отъ гордости и отъ скупости; ибо, не правда ли, что ты издаешъ твою книгу за деньги, а при сочиненіи оной владычествуетъ тобою гордость и высокомѣріе, когда порицаешъ ты совсѣмъ неблагопристойно Аббата *Вели*, Аббата *Койера*. Аббата *Доливета* и всѣхъ хорошихъ Французскихъ писателей? Я никакъ не могу сдѣлать разрѣшенія во грѣхахъ твоихъ, ежели не воспріимешъ ты твердаго намѣренія, не приниматься во всю жизнь твою за сочиненіе *Тревусскаго журнала*.

Братъ *Берфіеръ* не зналъ что на сіе отвѣтствовать; ибо голова его чрезмѣрно была отягощена, а при томъ и весьма былъ онъ прилѣпленъ къ симъ смертнымъ грѣхамъ. Чтожъ, или еще ты не можешъ рѣшиться? говорилъ ему духовникъ; подумай, что чрезъ нѣсколько часовъ ты всего уже на

семЪ свѣтѣ лишишся; и такЪ можно ли еще давать власть надЪ собою страстямЪ, когда приближаешся кЪ той минутѣ, вЪ которую надлежитЪ на вѣки истребить всю надежду, когда-либо ихЪ удовольствовать? Будутъ ли спрашивать у тебя вЪ день судный, имѣлЪ ли ты успѣхЪ, или нѣтЪ при сочиненїи *Тревусскаго журнала?* на то ли ты получилЪ жизнь твою? и для того ли, чтобЪ наводить скуку своими сочиненїями, учинилЪ ты обѣтЪ вЪ Христїанской кротости и послушанїи! О древо изсохшее! древо суковатое и гнилое, готовящееся обратиться вЪ прахЪ; воспользуйся послѣднею минутою жизни твоей; принеси еще плоды покаянїя; а паче всего изжени изЪ себя духЪ клеветы и ругательства доселѣ тобою обладавшїй; потщись имѣть толико закона, колико имѣли онаго тѣ, коихЪ называлЪ ты беззаконниками.

Вѣдай, братъ *Берфїеръ*, что благочестїе и добродѣтель не въ томъ состоятъ чтобъ вѣрить, яко бы вашъ *Францискъ Ксавїеръ* уронилъ чотки свои въ морѣ, которые морской ракъ поднявъ принесъ ему съ покорностїю. Можно быть честнымъ человѣкомъ и сомнѣваться въ томъ, что тотъ же самый *Ксавїеръ* былъ въ двухъ мѣстахъ въ одно время; вы можете объ ономъ писать въ вашихъ книгахъ; однакожъ, любезный братъ, позволено ничему тому не вѣрить.

Къ статѣ, братъ *Берфїеръ*, мнѣ пришло теперь на мысль у тебя спросить; не писывалъ ли ты чего къ брату и къ соучастнику своему *Малагридѣ*? по истиннѣ я позабылъ было о семъ не большомъ согрѣшенїи: ты безъ сомнѣнїя почитаешъ оные грѣхи весьма маловажными; ты очень мало заботишся

о прочемъ, лишь бы только твой *Тре- вусской журналъ* приносилъ тебѣ довольной прибытокъ.

Я различаю, государь мой, сказалъ *Берфiеръ*. Ты еще твердишь о различiи! возопилъ духовникъ; но я сказываю тебѣ однимъ словомъ, что я ничего не различаю и совсѣмъ отказываю тебѣ въ разрѣшенiи.

Едва окончилъ онъ сiи слова, какъ братъ *Кутю* вбѣжалъ поспѣшно запыхавшись, весь въ поту и испуская отъ себя смрадный запахъ; онъ узналъ кто таковъ былъ тотъ, который имѣлъ честь исповѣдывать преподобнаго отца *Берфiера*. Остановись, кричалъ онъ, остановись; оставь преподобный отецъ *Берфiеръ*, пожалуй оставь твое покаянiе, умри лучше безъ исповѣди и безъ причастiя; ты не знаешъ, что ты находишся съ издателемъ. *Священныхъ*

новостей; вотъ здѣсь лисица исповѣдывается передъ волкомъ; ты со всѣмъ пропалъ, ежели открылъ ему всю истинну.

Удивленіе, стыдъ, печаль, гнѣвъ и злоба, обладали въ ту минуту всею душею кающагося. Какъ! вскричалъ онъ, ты издатель *Священныхъ новостей*, и ты уловилъ въ твои сѣти Езуита! Такъ, мой другъ, отвѣтствовалъ духовникъ съ язвительнѣйшею усмѣшкою. Возврати мнѣ назадъ мою исповѣдь, плутъ, кричалъ *Берфіеръ*, возврати мнѣ въ сію минуту назадъ мою исповѣдь; ахъ! ты то лютѣйшій врагъ Богу, Государю и Езуитамъ; измѣнникъ! ты употребилъ во зло мою болѣзнь; какъ мнѣ жаль, что не убъетъ тебя параличь и что я не могу тебя исповѣдывать и соборовать масломъ! не думаешъ ли ты, что ты менѣе меня наводишъ скуки и бѣснуешся

при твоемъ сочиненїи? я въ томъ согласенъ, что я писалъ много глупостей и также признаюсь, что чрезъ то учинилъ я себя ненависти и презрѣнїя достойнымъ: но ты самъ не самый ли гнуснѣйшїй и презрительнѣйшїй изъ всѣхъ марателей бумагъ, кои по безумїю своему за перо принимались? скажи мнѣ, твоя повѣсть *О судорожныхъ движенїяхъ* лучше ли нашихъ, *Полезныхъ и любопытныхъ писемъ*? то правда, что мы хотимъ повсюду начальствовать; а ты хочешъ все привести въ безпорядокъ и замѣшательство; мы хотимъ прельстить и обмануть всѣхъ владѣтелей; а ты желаешъ противъ ихъ дѣлать возмущенїя; я согласенъ, что правительство повелѣло сжечь наши книги; но не были ли равнымъ образомъ и твои сожжены? то правда что насъ сажали въ тюрмю въ Португалїи; но и ты не былъ ли так-

же со всѣми твоими сообщниками, со-сто разъ повсюду преслѣдуемъ; ежели я по глупости моей писалъ противъ людей просвѣщенныхъ, кои меня презирали и топтали въ ногахъ своихъ, то и ты также съ своей стороны не употреблялъ ли таковой же безстыдной наглости? не равно ли намъ обѣимъ всѣ разумные люди насмѣхаются? не должны ли мы оба признаться, что въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ насъ обѣихъ съ тобою почитаютъ наигнуснѣйшими изъ всѣхъ несѣкомыхъ, кои жузжатъ посреди грязной навозной кучи? Вотъ что сила справедливости извлекла изъ устъ брата *Берфіера*; онъ все сїе говорилъ такъ какъ изступленный; глаза его преисполненные мрачнаго огня на всѣ стороны съ заблужденїемъ обращащались; ротъ его искривился и покрылся густою пѣною; все тѣло его окостенѣло и сердце изо всей силы трепетало. Вскорѣ

послѣ сихъ движенїй послѣдовало совершенное безпамятство, при чемъ зжималъ онъ у брата *Кутю* съ нѣжностїю руку. Я признаюсь, говорилъ онъ, что много есть дурнаго въ моемъ *Тревусскомъ журналѣ*, однакожъ надлежитъ извинить человѣческую слабость. Ахъ! преподобный отецъ, вскричалъ братъ *Кутю*, теперь я вижу, что ты мужъ преисполненный святости, ибо ты первый изъ писателей признался, что писанїемъ своимъ наводилъ скуку; умри преподобный отецъ спокойно и насмѣхайся *Священнымъ новостямъ*; умри и будь увѣренъ, что ты и по смерти чудеса творить будешъ.

Такимъ образомъ отшелъ отъ сего свѣта къ вѣчной жизни братъ *Берфїеръ* 12 Октября, въ пять часовъ съ половиною по полудни.

XVI.

ЯВЛЕНІЕ.

Брата Берфіера, брату Герассизу продолжателю Тревусскаго журнала.

Октября 14 числа, я братъ Игнатій *Гарасизъ*, внукъ брата *Гарасса*, въ два часа по полуночи проснувшись, видѣлъ слѣдующее видѣніе: вдругъ явилась предо мною тѣнь брата *Берфіера* отъ чего приступило во мнѣ ужаснѣйшее и непрестанное зѣваніе. И такъ ты умеръ, преподобный отецъ, спрашивалъ я у его? и онъ зѣвая, давалъ мнѣ знакъ наклоненіемъ головы своей, во изъявленіе того, что то была правда. Тѣмъ лучше, говорилъ я ему, ибо безъ сомнѣнія, ваше преподобіе будете занимать на томъ свѣтѣ первое

мѣсто; какое утѣшенїе видѣть тебя обитающаго въ небѣ купно со всѣми нашими братїями прежде бывшими, нынѣ пребывающими, и въ предъ будущими; не правдали ли, что число ихъ состоитъ болѣе какъ изъ четырехъ милїоновъ увѣнчанныхъ главъ, съ самаго начала основанїя нашего сообщества до нынѣшняго времени? я не думаю чтобъ было столько святыхъ между честными отцами предсѣдателями учебной палаты; говори, преподобный отецъ, перестань зѣвать, повѣдай мнѣ о вашихъ усладительныхъ утѣхахъ.

О сынъ мой! возопилъ братъ *Берфїеръ* жалостнѣйшимъ глазомъ; въ коликомъ ты находишся заблужденїи! увы! рай будучи отверстъ для *Филажїи*, совсѣмъ загражденъ для нашихъ преподобныхъ отцовъ Езуитовъ. Возмо-

жно ли сему статься, вскричалъ я. Такъ точно, продолжалъ онъ; уклонися, любезный братъ, отъ вредоносныхъ пороковъ, кои подвергаютъ насъ вѣчному мученiю; а паче не пордажай мнѣ, когда будешъ ты трудится надъ *Тревусскимъ журналомъ*; не будь ни порицателемъ ни злобнымъ цѣнителемъ; болѣе же всего не наводи сочиненiями твоими скуки, такъ какъ я по нещастiю то дѣлалъ, сей грѣхъ изъ всѣхъ есть непростительнѣйшiй.

При семъ страшномъ брата *Берфiера* нравоученiи, я былъ объятъ святымъ ужасомъ. И такъ ты осужденъ на вѣчную муку? вопросилъ я. Нѣтъ, говорилъ онъ, я въ послѣднюю минуту жизни моей принесъ счастливое во грѣхахъ моихъ покаянiе; я нынѣ поверженъ въ чистилище ни триста тридцать три тысячи триста лѣтъ, три

мѣсяца, три недѣли и три дни; и тогда только изъ онаго буду извлеченъ, когда между нашими собратїями, сыщется таковой, который будетъ тихъ, кротокъ, снисходителенъ; не пожелаетъ ходить ко двору, не будетъ ни на кого клеветать Государямъ, не будетъ мѣшаться въ дѣла свѣтскїя, при сочиненїи книгъ не будетъ ни на кого наводить зѣванїя, и который вселитъ въ меня всѣ оныя достоинства.

Ахъ! любезный братъ, сказалъ я, по етому твое чистилище долгое время продолжится; но скажи мнѣ, въ чемъ состоитъ тамъ твое покаянїе? Меня понуждаютъ, говорилъ онъ, каждое утро дѣлать шоколадъ для одного Янсениста; во время обѣда заставляютъ меня читать громогласно по одному *Провинцїяльному письму*; а въ прочее время упражняюсь я въ по-

чиниванiи бѣлья для Портройяльскихъ монахинь. Ты въ трепетъ меня приводишъ, говорилъ я ему, чтожъ такое воспослѣдовало съ нашими преподобными отцами, къ коимъ сохраняю я наивеличайшее почтенiе? гдѣ находится теперь святый отецъ *Телiеръ*, сей начальникъ, сей Апостолъ Французской церкви? Онъ мучится безъ всякаго милосердiя, отвѣтствовалъ мнѣ братъ *Берфiеръ*, да онъ того и достоинъ; понеже онъ обманывалъ своего Государя, возжигалъ свѣтильникъ раздора и несогласiя, выдавалъ подложно Епископскiя письма и гналъ съ жестокою злобою наидостойнѣйшаго изъ всѣхъ Французскаго Архiепископа; онъ безъ пощады осужденъ на вѣчную муку, яко обманщикъ, клеветникъ и нарушитель всеобщаго спокойствiя; отъ него то мы всѣ погибли; онъ поселилъ въ насъ сiе безумное сумазбродство, которое насъ

сотнями и тысячами во адъ повергаетъ; мы думали, что если братъ *Телїеръ* имѣлъ у всѣхъ довѣренность, то и мы всѣ оную имѣть долженствуемъ: намъ мечталось, что ежели онъ обманывалъ своего духовнаго сына, то и намъ также всѣхъ нашихъ исповѣдниковъ ооманывать должно, и если сочиненная имъ книга была въ Римѣ предана проклятїю, то и мы равнымъ образомъ должны сочинять такїя книги, кои были бы достойны быть подвержены таковому же осужденїю; а слѣдуя тому, издавали мы наконецъ *Тревусской журналъ*.

Между тѣмъ какъ онъ мнѣ сїе говорилъ, ворочался я и на правой бокъ и на лѣвой и на спину, а по томъ вскричалъ: О любезный мой страдалецъ! скажи мнѣ, что надлежитъ дѣлать для избѣжянїя подобнаго твоему состоянїя,

и какого грѣха паче всего страшиться должно?

Тогда *Берфіеръ* разинувъ ротъ говорилъ: во время шествованія моего въ мытарство, проходя мимо ада, заходилъ я въ пещеру семи грѣховъ смертныхъ, которая стоитъ на лѣвой сторонѣ адскаго преддверія; вошедъ во оную съ начала предсталъ я предъ *Сластолюбіе*; оно было въ видѣ толстой, свѣжей и похотливой женщины, которая лежала на постелѣ усыпанной розами, у ногъ ее была положена *Саншенцова* книга, а подлѣ ее стоялъ молодой Аббатъ: государыня моя, говорилъ я ей, конечно не вы повергаете въ вѣчную муку нашихъ Езуитовъ, ? Нѣтъ, сказала она, я сей чести не имѣю; то правда, что у меня есть маленькой братъ, который имѣлъ во власти своей Аббата *Десфонтена*, и

другихъ его собратїй; которые въ то время носили монашеское платье; я въ ваши дѣла со всѣмъ не мѣшаюсь; ибо *Роскошь* и *Сластолюбїе* не для всѣхъ въ свѣтѣ сдѣланы.

Скупость сидѣла въ углу и взвѣшивала Парагайскую траву съ золотомъ. Не вы ли, государыня моя, сказалъ я ей, имѣете наиболѣе въ насъ довѣренности? Нѣтъ, преподобный отецъ, говорила она, я обладаю только нѣкоторыми изъ вашихъ отцовъ спрятчихъ. Не вы ли, говорилъ я по томъ *Гнѣву*? Подите къ другимъ, отвѣтствовалъ онъ, я хотя во всѣ сердца вселяюсь однакожъ не долго во оныхъ пребываю, ибо тотчасъ послѣ меня сестры мои занимаютъ мое мѣсто. По семъ обратился я къ *Обжорству*, которая тогда за столомъ сидѣла. Что принадлежитъ до васъ, государыня моя, ска-

залЪ я ей, что благодаря нашему повару, я очень увѣренЪ, что не вы погубляете наши души; она имѣя наполненный ротЪ, не могла ничего мнѣ отвѣтствовать, а сдѣлала только знакЪ каченіемЪ головы своей, что мы не заслуживаемЪ ее благосклонность.

Лѣность покоясь на креслахЪ, приятнымЪ сномЪ наслаждалась, я будить ее не хотѣлЪ; ибо я не думалЪ, чтобЪ могла она имѣть какую либо власть надЪ нами, вѣдая, какое чувствуетЪ она отвращеніе ко всѣмЪ такимЪ людямЪ, кои подобно намЪ рыщутЪ по всему свѣту.

По томЪ усмотрѣлЪ я вЪ одномЪ углу *Зависть* грызущую трехЪ или четырехЪ стихотворцовЪ, нѣсколькихЪ проповѣдниковЪ и многихЪ мѣлкихЪ писателей. Вы-то по видимому, говорилЪ

я ей, имѣете великое участіе во грѣхахъ нашихъ? Ахъ! возопила она, вы весьма благосклонны, преподобный отецъ, что такъ обо мнѣ мыслите; однакожъ подумайте, какимъ образомъ люди имѣющіе столь высокія о самихъ себѣ мнѣнія могутъ имѣть прибѣжище къ такой какъ я, бѣдной и несчастной, которая имѣетъ одну шолько кожу на костяхъ своихъ? предстаньте лучше къ моей матери.

И въ самомъ дѣлѣ, мать ее сидѣла возлѣ ее на возвышенномъ престолѣ, одѣтая въ великолѣпную подбитую горностаями одежду; она имѣла голову съ надмѣнностію возвышенную, презрительный взоръ и полныя красныя и обвислыя щеки; въ семъ видѣ тотчасъ позналъ я *Гордость* и повергся къ стопамъ ея; сіе было единое существо, которому могъ я воздать мое должное

почтеніе. Прости, о мать моя! возопилъ я къ ней, прости мнѣ, что прежде всѣхъ не предсталъ я предъ тобою; я всегда тебя питалъ въ моемъ сердцѣ; такъ, ты единая всѣми нами обладаешъ; и самой смѣшной и презрительной писатель, каковъ есть сочинитель *Ученаго года* возбуждаемъ одною только тобою: О блистательная Фурія! твое владычество простирается равно и надъ Китайскимъ Мандариномъ и надъ разнощикомъ; и надъ великимъ Ламою и надъ Капуциномъ; и надъ Султаншею, и надъ простою мещанкою; наши же отцы Езуиты суть первѣйшіе твои любимцы: твое божество и сквозь хитрые и обманчивые покровы въ насъ блистаетъ; я былъ всегда наигорделивѣйшій изъ всѣхъ учениковъ твоихъ, и по днѣсь еще великую любовь къ тебѣ чувствую. На сію мою торжественную рѣчь отвѣтствовала

она благосклонною усмѣшкою и я тотчасъ послѣ сего отведенъ былъ въ чистилище.

Здѣсь кончилось видѣнїе брата *Гарассиза* и онъ отказавшись отъ продолженїя *Тревусскаго журнала*, поѣхалъ въ Лиссабону, гдѣ имѣлъ продолжительные переговоры съ братомъ *Малагридою* и по томъ отправился въ *Парагаю*.

XVII.

ИЗВѢСТІЕ.

О путешествіи брата Гарассиза, внука брата Гарасса.

Въ лѣто 1760 Генваря 14 дня, прибылъ изъ Лиссабоны въ Парижъ братъ *Гарассизъ* на своей задницѣ по почтѣ и ставъ на ноги подлѣ Клермонтскаго училища, произносилъ хулу на *Лудовика великаго*; тогда былъ звонъ во всѣ колокола и преподобный отецъ Протопрезвитеръ собралъ свой духовный совѣтъ, въ коемъ присудствовали преподобный отецъ Предсѣдатель; преподобный отецъ Надзиратель, преподобный отецъ Намѣстникъ, три преподобныхъ отцовъ Засѣдателей и преподобный отецъ *Крустъ* духовникъ придворный.

И брать *Гарассизъ* давалъ отчетъ въ успѣхѣ своего путешесшвія предъ симъ почтеннѣйшимъ собраніемъ слѣдующими словами:

Во имя Св. *Игнатія*, пріѣхалъ ночью въ городъ Лиссабону для исполненія порученнаго мнѣ дѣла отъ нашего Святаго сообщества, а вдругъ узрѣлъ небо предо мною отверзто, съ коего два Святыхъ нашего ордена ко мнѣ низходили; какіе то были Святые, я того познать не могъ, по тому, что въ числѣ оныхъ мы великое множество полагаемъ; одинъ изъ нихъ мнѣ сказалъ: *Герассизъ*! внукъ *Герассовъ*, иди поспѣшно въ темницу львовъ, въ которой заключенъ братъ *Малагрида*, и ты будешъ съ нимъ говорить, и онъ извѣститъ тебя о многомъ. Какъ хотите вы отвѣтствовалъ я ему, чтобъ я шелъ въ темницу львовъ и чтобъ

говорилъ тамъ съ братомъ *Малагри-дою*, когда не имѣю я отъ темницы ключей и когда оная храмина святымъ Германдскимъ приставомъ? на-что святый ко мнѣ возгласилъ: Мы вмѣстѣ пойдемъ съ тобою и врата темничныя отверзутся; повинуйся и шествуй.

Я повинуясь направилъ стопы моя къ темницѣ и вдругъ врата темничныя предо мною отверзлись; я повергся предъ братомъ *Малагридою*, лобызалъ его цепи и ему сказалъ: за что ты святый отецъ заключенъ въ сію темницу? Чтобъ получить мое спасеніе, отвѣтствовалъ онъ мнѣ. Не будешъ ли ты повѣшенъ? спрашивалъ я. Не знаю, отвѣтствовалъ онъ. Злобные враги твои устроили твою погибель говорилъ я. Да будетъ благословенъ С. *Игнатій*, рекъ онъ, ты пришествіемъ

своимЪ сюда совершишь все дѣло. Пріими отЪ меня то, что я тебѣ дамЪ, и отнеси кЪ пославшимЪ тебя, дабы оное сохранено было для нужнаго случая.

Тогда вынувЪ изЪ фалдЪ рясы своей маленькой ножичекЪ, котораго святый Германдскій приставЪ никогда не могЪ у него примѣтить, подалЪ его мнѣ вЪ руки, и я ему сказалЪ: Откудова ты, любезный братЪ, получилЪ сей прекрасной ножичекЪ?

Тогда возведши очи свои кЪ небу, сЪ тяжкимЪ воздыханіемЪ онЪ мнѣ рекЪ: Сіе святое орудіе сохранялося всегда вЪ нашемЪ сообществѣ; я его получилЪ отЪ брата *Лакроа*, которому онЪ достался отЪ брата *Лессіуса*; братЪ *Лессіус*Ъ получилЪ его отЪ брата *Маріана*, который принялЪ его отЪ брата *Бузембаума*; братЪ *Бузембаум*Ъ

получилъ его отъ братьевъ *Олдекорна* и *Гирнета*, кои взяли его отъ братьевъ *Генарда* и *Гуврета*; къ симъ братьямъ достался онъ отъ братьевъ *Кретона* и *Кампїона*; а они получили его отъ брата *Матѳея*, курьера Езуитскаго сообщества. Онъ почитается у насъ за наивеличайшую святыню, и ежели кто изъ насъ по счастїю будетъ онымъ обладать, тотъ вскорѣ доведетъ себя до висѣлицы, и преселится въ райскїя селенїя.

Я принявъ съ благоговѣнїемъ сїю святыню, положилъ въ карманъ свой и возопилъ: О братъ *Малагрида*! какимъ же образомъ сїе случилось, что обладая такою святою вещїю, вы столь мало чудесъ сотворили? И тогда онъ мнѣ рекъ: Вотъ здѣсь ввѣряю я тебѣ всѣ тайны Божественнаго промысла, которыя находятся запечатлѣнны въ семъ свер.

тке, отнеси ихъ сохранно къ главному вашему начальнику, дабы все совершилось.

И тогда братъ *Гарассисъ* повергъ съ крайнимъ благоговѣнїемъ на столъ запечатанную бумагу , по разпечатанїи оной читали въ ней слѣдующїя статьи.

„Какимъ образомъ братїя Езуиты „возмутили имянемъ Божїимъ толпу свя„щеннослужителей противъ законнаго „ихъ Государя.

„Какимъ образомъ братїя Езуиты „произвели возмущенїе въ Брезилїи, для „возстановленїя всеобщей тишины и спо„койствїя.

„Какимъ образомъ братїя Езуиты „поступали, и какїе принимали мѣры при „отправленїи Португальскаго Короля

„ка тотъ свѣтъ, для отданія отчету
„въ дѣлахъ своихъ Богу.

„Какимъ образомъ братія Езуиты
„выгнаты были изъ Португаліи по за-
„конамъ человѣческимъ, въ противность
„законамъ Божественнымъ.

„Какимъ образомъ братія *Малагри-*
„*да*, *Мафосъ* и *Александръ* не получи-
„ли еще по днѣсь мученическаго вѣнца,
„котораго имъ всѣ искренно желаютъ.

Преподобный отецъ Намѣстникъ прочиталъ все содержащееся подъ сими статьями, и когда все собраніе о семъ дѣлѣ довольно уже разсуждало, тогда преподобный отецъ Стряпчій возставъ съ своего мѣста сказалъ: Почто заниматься намъ дѣлами ничего незначущими, которые не принесутъ намъ никакого прибытка? Сей ножикъ, къ ко-

торому въ прочемъ сохраняю я должное почтенїе, хотя бы и еще многїе чудеса могъ сдѣлать; однакожъ отъ того не получимъ мы нашего пропитанїя; хотя бы и повесили брата *Малагриду*, брата *Мафоса* и брата *Александра*: но мы ни одного таллера чрезъ то не достанемъ. Мы лишились многихъ учениковъ нашихъ; книги наши болѣе уже не продаются, и мы отъ всѣхъ презрѣнны и возненавижены. Великїй *Берфїеръ* скончался; книгопродавцы не даютъ намъ больше денегъ и мы не находимъ нынѣ между нами никого, способнаго трудиться надъ продолженїемъ *Тревусскаго журнала*: *Беррюйеръ* былъ того достоинъ; но злая смерть похитила у насъ сего великаго мужа. *Гриффетъ* могъ бы намъ во ономъ вспомоществовать; но онъ упражняется въ продолженїи исторїи брата *Данїила*; а хотя онъ не болѣе брата *Данїила* свѣдомъ о государст-

венныхъ законахъ, о правахъ разныхъ сообществъ, о вольностяхъ Французской церкви, о древнемъ шляхетномъ достоинствѣ, о государственныхъ сеймахъ и о древнихъ Парламентахъ; однакожъ всегда пишетъ съ хорошимъ успѣхомъ, по чему и не можетъ согласиться продолжать *журналъ* нашъ. Что теперь воспрїимемъ мы, преподобные отцы? — При семъ вопросѣ преподобный отецъ Предсѣдатель всталъ, и произнесъ слѣдующїя слова.

Намъ надобно денегъ! отдадимъ *Тревусской журналъ* на откупъ нѣкоторымъ служителямъ Божїимъ, извѣстнымъ въ Парижѣ. Тогда одинъ изъ Засѣдателей сказалъ: я съ моей стороны предлагаю славнаго *Авраама Шомеикса*; но по множеству голосовъ заключили, что не возможно сдѣлать довѣренности такому человѣку, который весьма часто перемѣнялъ чины свои и промыслы:

ибо онъ изъ продавателя уксуса сдѣлался извощикомъ; изъ извощика разнощикомъ; изъ разнощика Езуитомъ; изъ Езуита школьнымъ учителемъ; изъ школьнаго учителя дрожальщикомъ; (Квакеромъ) и на конецъ былъ *распятъ* 2 Марта 1750 года, въ улицѣ С. Дениса, противъ С. Лева, на второмъ жильѣ; и такъ въ разсужденіи сего не находили никакого способу ввѣрить столь важное бремя, каковъ есть *Тревусской журналъ*, такому непостоянному писателю, сколь ни былъ бы онъ въ прочемъ великъ и славенъ.

Преподобный отецъ *Крустъ* открылъ мнѣніе свое сими словами: *фу къ чорту*! когда не можете вы вашъ проклятой *Тревусской журналъ* писать на Французскомъ языкѣ, то я совѣтую вамъ продолжать его на Нѣмецкомъ; его также какъ и прежде никто разумѣть не

будетъ; а при томъ на Нѣмецкомъ языкѣ гораздо легче и способнѣе произносить брань и ругательства, нежели на вашемъ глупомъ и съ лишкомъ нѣжномъ Французскомъ .... Все собраніе засмѣялось: а братъ *Крустъ* послѣ сего ругался и клялся на Нѣмецкомъ языкѣ.

Какъ все собраніе пребывало въ такой великой печали, вошелъ скоропостижно учитель *Алиборонъ*, именуемый *Фреронъ*, Анжерской Академіи членъ. Преподобные отцы, говорилъ онъ, мнѣ извѣстно ваше горестное состояніе. Я самъ былъ Езуитомъ, но вы меня изгнали; и такъ я теперь не что иное, какъ отброшенный сосудъ вашего *рукодѣлія*, которой вы разбили; однакожъ я нынѣ учинился глупѣе, безстыднѣе и обманчивѣе прежняго; отдайте мнѣ на откупъ *Тревусской журналъ* и я вамъ буду платить по возможности. Другъ мой, го-

ворилЪ ему *КрустЪ*, то правда, что ты имѣешь великїя достоиства; но сказано ЦицерономЪ: ,,Не мечите псамЪ хлѣ,,ба принадлежащаго вашимЪ домочад,,цамЪ;,, а вЪ другомЪ мѣстѣ онЪ же говоритЪ: ,, Я пришелЪ спасти моихЪ ,,волковЪ отЪ зуба овецЪ моихЪ.,, И такЪ поди г. *ФреронЪ*, ты и вЪ конурѣ своей лаянїемЪ и брехянїемЪ довольно получаешь денегЪ: будь тѣмЪ доволенЪ.

По семЪ братЪ *ГарассизЪ*, не говорившїй еще до того времени ни одного слова, вставЪ сЪ своего мѣста сказалЪ: преподобные отцы! по истиннѣ несправедливо, чтобЪ отпадшїй отЪ нашего сообщества былЪ предпочтенЪ нашимЪ домочадцамЪ: я былЪ кЪ сему избранЪ, скучной памяти покойнымЪ братомЪ *БерфїеромЪ*; онЪ самЪ сЪ великимЪ зѣванїемЪ препоручилЪ мнѣ дол-

жность продолжателя *Тревусскаго журнала*: я оную оставилъ только для того, чтобъ исправить, по данному мнѣ повелѣнію отъ нашего святаго сообщества, важные переговоры съ братомъ *Малагридою*; я буду трудиться надъ симъ *журналомъ* до самаго того времени, когда могу исполнить ваши повелѣнія въ *Парагаѣ*. Я вамъ доставилъ ножичекъ брата *Малагриды*; у меня есть перо *Берфіерово*, и я довольно себя снабдилъ глупостію *Катру*, предложеніями *Порея* и сухостію *Даніила*; по чему и требую отъ васъ подлежащаго награжденія за мои услуги.

Послѣ сихъ словъ все собраніе единогласно присудило препоручить ему продолженіе *Тревусскаго журнала* и онъ началъ его писать, который читая въ Парижѣ всѣ зѣвали больше прежняго.

XVIII.

СВОБОДА СОВѢСТИ.

Надзиратель милостиннаго подаянія въ землѣ Нѣмецкаго Принца, который былъ Римско - Католицкаго закона, угрожалъ Анабаптисту, вы гнать его изъ малаго владѣнія сего Принца и говорилъ ему: что какъ только три вѣры исповѣдуемы во всей Имперіи, то по тому онъ былъ недостоинъ жить въ земляхъ его Свѣтлости; и какъ наконецъ разговоръ сей разгорячилъ монаха, то онъ угрожалъ Анабаптисту довести его до виселицы.

Боже мой! тѣмъ будетъ хуже для его Свѣтлости, отвѣтствовалъ Анабаптистъ; ибо я содержу здѣсь знатныя фабрики, имѣю у себя до двухъ сотъ работниковъ и доставляю торгомъ моимъ здѣшнему Принцу двѣсти тысячь тал-

леровъ годоваго дохода; и такъ ежели со всѣмъ моимъ семействомъ переселюсь я въ другую землю, то вашъ Принцъ многаго чрезъ то лишится.

А ежели его Свѣтлость велитъ повѣсить всѣхъ твоихъ двѣсти работниковъ, да и тебя самаго со всею твоею семьею! говорилъ милостинной надзиратель, и естьли фабрики твои отдастъ на содержанïе добрымъ Католикамъ!

Сему никакъ быть не возможно, говорилъ старый Анабаптистъ: понеже фабрики никогда не отдаются такъ, какъ другïя какïя владѣнïя: ибо художества и рукодѣлïя неумѣющему дать не можно.

Его Свѣтлости ни малой не было бы отъ того пользы, чтобъ слѣдовалъ я Католицкому закону, а для его было бы гораздо полезнѣе, чтобъ подданнымъ

его доставлялъ я пропитаніе, и чтобъ трудами моими приумножалъ его доходы. Я стараюсь быть честнымъ человѣкомъ: а когда бы по несчастію и не былъ я таковымъ, то мой промыслъ довелъ бы меня до онаго; ибо въ торговыхъ обращеніяхъ, не такъ какъ въ придворной жизни, безъ честности не бываетъ никакого успѣха. Какая тебѣ до того нужда, какой исповѣдую я законъ? ежели бы ты, слѣдуя твоимъ хорошимъ правиламъ, имѣлъ великую власть и могущество, то безъ сомнѣнія прошелъ бы всю вселенную отъ одного конца до другаго, и во удовольствіе свое велѣлъ бы перевѣшать всѣхъ Грековъ, кои не полагаютъ, что Святый Духъ изходитъ отъ Отца и сына; всѣхъ Англичанъ, всѣхъ Голландцовъ, Датчанъ, Шведовъ, Прусаковъ, Гановерцовъ, Саксонцовъ, Гессенцовъ и Бер-

цовъ, кои не почитаютъ Папу безгрѣшнымъ; всѣхъ Музульмановъ, которые вѣруютъ въ единаго токмо Бога, не исповѣдуя сына Божїя; всѣхъ Индѣйцовъ, коихъ законъ древнѣе Iудейскаго, и всѣхъ мудрыхъ Китайцовъ, которые въ теченїи пяти тысячь лѣтъ служатъ единому Богу, не подвергая себя ни безумїю, ни суевѣрїю. Вотъ что надѣлалъ бы ты, ежели бы былъ самовластнымъ? — Конечно такъ, отвѣтствовалъ монахъ, понеже воспаленъ я ревностїю и усердїемъ къ дому Господню.

О чудное суевѣрїе! или лучше сказать, О адская злоба! возопилъ добрый Анабаптистъ: какой ето законъ, который могъ бы себя поддерживать убїйцами и палачами, и въ которомъ со оскорбленїемъ Божїя всемогущества, говорили бы Богу: ,,Ты не столь всемо-,,гущъ, чтобъ самъ собою могъ под-

„крѣпить то, что мы называемъ истиннымъ твоимъ Богослуженіемъ; а „надлежитъ, чтобъ мы тебѣ въ томъ „помогали; ты безъ насъ ничего сдѣлать не можешь, а мы ничего безъ „огня и меча учинить не можемъ.

Пожалуй мнѣ скажи, кровожаждущій монахъ! спросилъ у него Анабаптистъ: Доминиканецъ ты, или Езуитъ, или дьяволъ? Я Езуитъ, отвѣтствовалъ милостинной надзиратель. И такъ, другъ мой, сказалъ Анабаптистъ, ежели ты не дьяволъ, то для чего же говоришь о такихъ дьявольскихъ поступкахъ?

Преподобный отецъ Ректоръ приказалъ мнѣ говорить оное.

А кто предписалъ сію гнусную нелѣпость преподобному отцу Ректору?

Провинціальный Протоіерей.

А оный Протоіерей отъ кого получилъ сіе повелѣніе?

Отъ нашего Настоятеля; а все сіе дѣлается въ угодность святѣйшему Папѣ.

По семъ бѣдный Анабаптистъ возопилъ: О святые отцы Папы, сѣдящіе въ Римѣ на Цесарскомъ престолѣ! вы Архіепископы, Епископы, Аббаты, учинившіеся властителями: я васъ почитаю, но бѣгу отъ лица вашего; ежели вы, во внутренности сердецъ вашихъ, сами чувствуете, что ваше богатство и могущество не на иномъ чемъ основаны, какъ на невѣжествѣ и безуміи нашихъ предковъ, то наслаждайтеся оными, по крайней мѣрѣ, съ умѣренностію. Мы не желаемъ лишить васъ вашихъ святительскихъ престоловъ; но вы не подавляйте насъ вашими ногами;

наслаждайтеся всѣми благими сего міра: но насъ оставьте въ покоѣ; въ противномъ же случаѣ страшитесь, чтобъ наконецъ подвластные вамъ народы не потеряли всей своей терпѣливости, и чтобъ для блаженства душъ вашихъ не довели они васъ до первобытнаго состоянія С. Апостоловъ, коихъ наслѣдниками вы себя именуете.

Ахъ! несчастный, ты желаешь, чтобъ С. Папа и Епископъ Вуртсбургскій наслѣдовали царствіе небесное Евангельскою нищетою.

Ахъ! преподобный отецъ, а ты хочеть, чтобъ я былъ повѣшенъ.

XIX.

О противныхъ между собою дѣйствіяхъ на семъ свѣтѣ.

Чѣмъ болѣе разсматриваютъ сей свѣтъ, тѣмъ больше находятъ въ немъ несогласія и противныхъ между собою дѣйствій. Начиная отъ великаго Турецкаго Султана: онъ повелѣваетъ рубить головы тѣмъ, которые его прогнѣвляютъ, а рѣдко самъ можетъ спастись отъ умерщвленія.

Ежели же отъ Турецкаго Султана обратимся мы къ святому отцу Папѣ, то увидимъ, что онъ подтверждаетъ избраніе Римскихъ Императоровъ и имѣетъ Королей у себя въ подданствѣ; однакожъ въ другихъ случаяхъ не столь силенъ, какъ Герцогъ Савойскій: онъ посылаетъ отъ себя указы въ Америку и Африку, а не можетъ лишить

преимущества Республику Лукскую. Хотя Императоръ называется Царемъ Римскимъ; но право сего Государя состоитъ только въ томъ, чтобъ поддерживать стремя у Папы и подавать ему для умыванія воду во время служенія обѣдни."

Англичане служатъ своему Монарху стоя на колѣнахъ; но они же его свергаютъ со престола, заключаютъ въ темницу и казнятъ на эшафотѣ.

Люди дѣлающіе обѣтъ въ нищетѣ и неимуществѣ, въ сходствіе сего обѣта, получаютъ до двухъ сотъ тысячь таллеровъ годоваго дохода; а въ слѣдствіе обѣта кротости и смиренія, дѣлаются самовластными повелителями. Въ Римѣ осуждаютъ явно многочисленность священныхъ должностей, бдящихъ надъ человѣческими душами: а каждый день даютъ *Буллы* Нѣмецкому Епископу

вдругъ на пять и на шесть Епископствъ; понеже, какъ говорятъ, Нѣмецкїе Епископы не обязываются бдѣть надъ душами. Канцлеръ Францїи хотя первая есть особа въ Государствѣ; но не можетъ ѣсть за однимъ столомъ съ Королемъ: по крайней мѣрѣ оное было до сего времени; а полковникъ, хотя бы былъ и не изъ дворянъ, удостоивается сей чести. Жена главнаго надзирателя, въ провинцїи принимается какъ королева: а при дворѣ какъ мѣщанка.

Сожигаютъ на площади за сочиненїя противныя закону; а во всѣхъ училищахъ толкуютъ съ крайнимъ прилѣжанїемъ вторую Еклогу *Виргилїеву*, купно съ объявленїемъ любви *Коридона* прекрасному *Алексису*; Formoſum paſtor Corydon ardebat Alexin, и заставляютъ дѣтей примѣчать, что хотя *Алексисъ* былъ бѣлокуръ, а *Аминтасъ* черново-

лосъ : однакожъ *Аминтасъ* можетъ имѣть предъ нимъ преимущество.

Ежели какой-либо бѣдный философъ, не помысливъ о могущемъ случится ему несчастіи, вознамѣрится обратить по своему землю, или будетъ доказывать, что свѣтъ произходитъ отъ солнца; или, что вещество могло бы имѣть въ себѣ нѣкоторыя другія свойства, кромѣ тѣхъ, которыя намъ извѣтны: то всѣ противъ его вооружатся и назовутъ его беззаконникомъ и рушителемъ всеобщаго спокойствія; а переведены на Французскій языкъ книги называемыя: Ad uſum Delphini, Tuſculanes, сочиненныя *Цицерономъ* и *Лукреціемъ*, кои обѣ заключаютъ въ себѣ совершенное беззаконіе.

Въ судебныхъ мѣстахъ не вѣрятъ бѣснующимъ, и насмѣхаются чародѣямъ: а сожгли за колдовство *Годрефія* и

Грандїера; да и кромѣ сего половина Парламентскихъ судей хотѣли осудить на сожженїе одного монаха, обвиняемаго во обвороженїи нѣкоей осмнадцатилѣтней дѣвки, якобы чрезъ единое только его на нее дуновенїе. (*)

Скептическїй Философъ *Бель*, былъ гонимъ и притѣсняемъ въ Голландїи; а *Ламонтъ ле Вайеръ*, который былъ болѣе Скептикъ нежели Философъ, былъ учителемъ Французскаго Короля *Людовика* XVI, и брата Королевскаго. *Гурвилїевъ* портретъ былъ публично съ безчестїемъ вмѣсто казни повѣшенъ въ Парижѣ: а въ самое тоже время былъ

(*) О семъ производилось слѣдствїе отца *Жирарда* и *Делакадїера*; ничто не наносило толикаго безчестїя человѣческому роду, какъ оное судилище.

онъ Министромъ отъ Французскаго двора въ Германіи.

Славный Аѳеистъ (безбожникъ) *Спиноза* жилъ и умеръ спокойнымъ; но *Ванини*, который никакого больше преступленія не сдѣлалъ, какъ только писалъ противъ *Аріоста*, былъ сожженъ, какъ безбожникъ. Онъ имѣетъ честь быть помѣщенъ въ числѣ безбожниковъ въ исторіяхъ о ученыхъ мужахъ, и во всѣхъ словаряхъ, сугубо преисполненныхъ многими лжами, и весьма малою истинною. Ежели открыть сіи книги, то во оныхъ увидишь, будто бы *Ванини* не только что поучалъ безбожію въ своихъ писаніяхъ; но еще сверьхъ того двенадцать Профессоровъ одной съ нимъ Секты ѣздили вмѣстѣ съ нимъ изъ Неаполя, въ намѣреніи по всюду обращать людей къ сей безбожной Сектѣ; если же послѣ

того разсмотрѣть *Ванинїевы* сочиненїя, то весьма удивишься не находя во оныхъ ничего, кромѣ единыхъ токмо доказательствъ Божїя существованїя. Вотъ что написано въ его Amphitheatrum, которое сочиненїе равно съ прочими признано безбожнымъ и опровержено: „Богъ „самъ себѣ есть начало и конецъ. Онъ „есть безъ конца и безъ начала, не имѣ„ющїй нужды ни въ томъ ни въ дру„гомъ, и отецъ всякаго начала и вся„каго конца. Онъ всегда существуетъ; „однакожъ не пребываетъ ни въ какомъ „мѣстѣ особенно. Для Его прошедшее „не было и будущее не будетъ. Онъ „владычествуетъ повсюду не находясь „въ одномъ мѣстѣ. Неподвиженъ безъ „остановки и быстротекущъ безъ дви„женїя. Онъ есть все и внѣ всего; на„ходится во всѣхъ вещахъ, но нигдѣ не „заключенъ; внѣ всего, однакожъ не из-

„ключается ни изъ какой вещи. Благъ, „не имѣя никаковыхъ свойствъ. Всецѣлъ, „не раздѣляясь на части. Неподвиженъ, „но премѣняетъ всю вселенную. Воля „Его есть Его могущество. Онъ есть „простъ и нѣтъ ничего въ Немъ несо„вершеннаго; но все дѣйствительное и „всесовершенное. Онъ есть первое, „среднее, и послѣднее дѣйствіе. И такъ „будучи всемъ, Онъ есть превыше всѣхъ „существъ и находится внѣ ихъ, вну„три ихъ, и за ними; однакожъ никогда „не бываетъ ни предъ ними, ни позади „ихъ„. За таковое-то исповѣданіе вѣры *Ванини* признанъ былъ безбожникомъ. За что же былъ онъ осужденъ? По простому только на него доносу нѣкоего человѣка именемъ *Франсона*. Тщетно книги имъ сочиненныя свидѣтельствовали о его невинности. Одинъ только непріятель стоилъ ему жизни и помрачилъ всю его славу въ Европѣ.

Небольшая книга подъ заглавіемъ: Cymbalum mundi, которая не что иное есть, какъ слабое подраженіе *Лукіяну*, и которая не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго Христіянскому закону, была также осуждена на созженіе; а сочиненія *Рабелесовы* со одобреніемъ были напечатаны: и также позволена была вольная продажа *Турецкому шпіону*, и *Персидскимъ письмамъ*, въ которыхъ писано съ чрезвычайною вольностію и дерзновеніемъ. Тамъ есть одно письмо, гдѣ защищается самоубійство; а въ другомъ находятся точныя сіи слова: *Ежели полагаютъ, что надлежитъ быть Божественному закону*. Еще въ одномъ Письмѣ сказано: что *Епископы не имѣютъ другой должности, кромѣ того, чтобъ освобождать людей отъ исполненія гражданскаго закона*. И еще въ другомъ письмѣ написано: что *Папа есть кол-*

дунъ, который увѣряетъ людей въ вещахъ совсѣмъ противныхъ здравому разсудку.

Аббатъ де С. *Пїерръ* былъ человѣкъ такой, который рѣдко въ чемъ могъ обмануться, который писалъ только для пользы общества, и коего сочиненїя Кардиналомъ *Дюбоа* были названы: *Размышленїя добраго гражданина*; сей Аббатъ де С. *Пїерръ*, говорю я, былъ единодушно отрѣшенъ отъ Французской Академїи за то, что въ одномъ своемъ Политическомъ сочиненїи писалъ предпочтительнѣе о установленїи совѣтовъ, нежели о опредѣленїи штатскихъ секретарей, и при томъ изъяснялъ, что денежные сборы весьма худо были исправляемы при концѣ того славнаго и знаменитаго правленїя. Сочинитель же *Персидскихъ писемъ*, не иначе говорилъ въ сей своей книгѣ

о *Лудовикѣ* XIV, какъ: что „сей Король „былъ волшебникъ, который увѣрялъ „своихъ подданныхъ, что простыя бу„маги были настоящїя деньги; что онъ „любилъ только правленїе Турецкое; „что предпочиталъ служителя подающ„щаго ему салфетку, предъ воиномъ „одержавшимъ побѣду на многихъ сра„женїяхъ; что награждалъ денежнымъ „доходомъ такого человѣка, который „бѣжалъ чрезъ двѣ мили, и давалъ Гу„бернаторской чинъ такому, который „бѣжалъ четыре мили: и что онъ во „всемъ претерпѣвалъ великую бѣдность. Сказано только на концѣ того же самаго письма, что „его денежные доходы „были неизчерпаемы. Сїе только одно, сей сочинитель, въ сочиненной имъ книгѣ, которая одна только была тогда извѣстна, сказалъ въ похвалу *Лудовику* XIV, покровителю Французской Академїи; и по сей только единой рѣчи

удостоенъ онъ былъ принятія въ члены Французской Академіи. Сверьхъ того, къ вящему еще противорѣчію, можно здѣсь присовокупить, что сіе собраніе приняло его въ свои сочлены, будучи имъ совсѣмъ осмѣяно; ибо изъ всѣхъ книгъ, въ коихъ насмѣхалися на щетъ сей Академіи, нѣтъ ни одной, въ которой бы столько употреблено было объ ней насмѣшекъ, какъ въ сихъ *Персидскихъ письмахъ*. Надлежитъ только прочитать одно изъ оныхъ письмо, въ которомъ написано слѣдующее: „Члены „составляющіе сіе собраніе, не имѣютъ „другой должности, кромѣ безпрестан„наго пустословія. Похвала оному собра„нію, такъ какъ сама по себѣ происхо„дитъ по причинѣ вѣчнаго ихъ болтанія, „и пр: „ И такъ, писавъ такимъ образомъ о семъ собраніи, онъ былъ, во время принятія его туда сочленомъ, превозносимъ отъ онаго великими похвалами, что имѣлъ

даръ начертывать весьма сходственныя изображенія.

Ежели бы захотѣлъ я далѣе изслѣдовать всѣ несогласія и противныя дѣйствія, находящіяся въ словесныхъ наукахъ, то надлежало бы написать исторію о всѣхъ ученыхъ мужахъ и о всѣхъ людяхъ высокаго разума. Равнымъ образомъ, если бы захотѣлъ изчислять всѣ таковыя сопротивности въ человѣческомъ сообществѣ, то должно бы было написать исторію всего человѣческаго рода. Азіятецъ путешествующій по Европѣ, могъ бы легко почесть насъ за язычниковъ; услыша, что всѣ наши недѣльные дни называются у насъ именами языческихъ боговъ, какъ то: *Марсъ*, *Меркурій*, *Юпитеръ*, *Венера*, и увидя, что бракъ *Купидона* и *Псиши* написанъ на стѣнахъ въ Папскомъ домѣ. А ежели бы оный Азіятецъ увидѣлъ нашу оперу, то безъ всякаго сомнѣнія почелъ бы оную праздне-

ствомъ, дѣланнымъ въ честь боговъ языческихъ. Если бы сверьхъ того разсмотрѣлъ онъ по прилежнѣе наши нравы, то и еще бы болѣе удивился; ибо въ Гишпанiи увидѣлъ бы онъ, что весьма строго запрещено иностранному имѣть нималѣйшаго участiя въ Американской торговлѣ; однакожъ иностранные чрезъ Гишпанскихъ Факторовъ каждый годъ торговлю оную производятъ на пятьдесятъ миллiоновъ, и Гишпанiя не можетъ иначе обогащаться, какъ нарушенiемъ сего узаконенiя, которое хотя всегда пребываетъ въ точной своей силѣ; но всегда нарушается. Въ другой землѣ увидѣлъ бы онъ, что правленiе приводитъ въ цвѣтущее состоянiе Индѣйскую компанiю: а богословы на противъ того изчислили преступленiя его предъ Богомъ. Еще увидѣлъ бы онъ, что покупаются у насъ права судить людей, начальствовать въ войнѣ, и присудствовать въ совѣтѣ; онъ ни-

какъ на могъ бы понять: для чего пишется въ жалованныхъ грамотахъ на сїи мѣста, что оныя даны имъ безденежно и безъ всякаго ихъ старанїя, по однимъ только ихъ достоинствамъ; между тѣмъ, какъ въ то же самое время, когда даются имъ сїи грамоты, берутъ съ нихъ росписки о заплатѣ за оныя денегъ. Сей Азїятецъ не пришелъ ли бы въ крайнее удивленїе, увидя комедїянтовъ, получающихъ отъ Государей великое жалованье; но проклинаемыхъ попами? Онъ спросилъ бы: для чего запрещаютъ зрѣлища на театрѣ въ недѣли опредѣленныя для пощенїя и спасенїя душъ; а позволяютъ представлять танцовщиковъ по веревкѣ, и кукольныя комедїи, кои и не весьма нѣжному слуху бываютъ несносны? Онъ почти всегда, видѣлъ бы всѣ наши обычаи несогласующимися съ нашими законами: а ежели бы и мы также путешествовали въ Азїи, то нашли бы

и у нихъ почти тѣ же самыя несогласія.

Люди по всюду равно суть безумны; они установили гражданскіе законы, по мѣрѣ своего познанія: равнымъ образомъ, какъ починиваютъ въ стѣнахъ проломы. Въ одной землѣ старшіе сыновья отнимаютъ все, что могутъ, у младшихъ; а въ другой младшіе раздѣляютъ наслѣдственное имѣніе по равнымъ частямъ съ старшими. Иногда церьковь повелѣваетъ поединокъ, а иногда оный проклинаетъ. По перемѣнно отрѣшали отъ церькви и единомышленниковъ и сопротивниковъ *Аристотелевыхъ*: и тѣхъ, которые ходили съ длинными волосами, и тѣхъ, которые ходили съ короткими. Мы не имѣемъ въ здѣшнемъ свѣтѣ ни одного совершеннаго закона, кромѣ какъ только при вымышленіи нѣкотораго рода глупости, которая у насъ называется игрою. Одни только правила

игры не подвержены ни изключенїю, ни упущенїю, ни перемѣнѣ. Ежели простой мужикъ будетъ играть въ Ланскенетъ съ Королемъ, то выигранное имъ безъ всякаго затрудненїя будетъ ему заплачено; въ другихъ же случаяхъ, вездѣ законъ есть мечь, коимъ сильнѣйшїй разсѣкаетъ на части слабѣйшихъ.

Со всѣмъ тѣмъ, мїръ сей стоитъ въ одинаковомъ положенїи, такъ какъ бы на ономъ все устроено было въ добромъ порядкѣ. Таковыя неустройства свойственны нашей природѣ; нашъ мїръ Политической, равно и земной нашъ шаръ, суть вещи непорядочныя и неразмѣрныя, кои всегда пребудутъ въ одинакомъ состоянїи. Безумно было бы желать, чтобъ горы, моря и рѣки, имѣли порядочное разположенїе: а еще того безумнѣе, требовать отъ людей совершенной мудрости; сїе было бы похоже на то, чтобъ желать сдѣлать собакъ съ крыльями, или орловъ съ рогами.

XX.

ГОЛОСЪ ПРИХОДСКАГО СВЯЩЕННИКА

ВЪ СУДѢ.

за невольниковъ

Обитающихъ близь горы Журы, притѣсняемыхъ

монахами

Членъ первый.

Въ день с. Лудовика, 1772 году, когда вступилъ я въ правленїе моего прихода, многїе изъ моихъ прихожанъ пришли ко мнѣ кучею, и съ пролитїемъ слезъ требовали себѣ моей помощи. Я имъ говорилъ, что мой приходъ принадлежитъ монахамъ, которые даютъ мнѣ на содержанїе 400 франковъ, и сїе называютъ они, не знаю по чему, довольнымъ пропитанїемъ; однакожъ оные 400 франковъ, въ случаѣ нужды, я охотно раздѣлю съ моими друзьями. Послѣ сихъ моихъ словъ, стряпчїй выступя въ передъ, говорилъ мнѣ сими словами:

„Мы сами готовы, государь мой! по-
„вергнуть къ ногамъ вашимъ все остав-
„шееся малое наше имѣнїе, и трудами
„рукъ нашихъ помогать вамъ въ вашихъ
„нуждахъ. Мы пришли сюда просить
„вашей защиты, дабы освободили вы насъ
„отъ несправедливаго невольничества,
„подъ коимъ мы стонемъ въ сихъ сте-
„пяхъ, распаханныхъ нашими руками.

Какъ! что хотите вы сказать, мои дѣти? — какое невольничество? — Развѣ есть невольники во Францїи?

„Конечно, государь мой! продолжалъ
„стряпчїй; мы невольники тѣхъ самыхъ
„монаховъ, учинившихся нынѣ свѣтскими
„людьми, которые даютъ вамъ на со-
„держанїе деньги, дабы тѣмъ лишить
„васъ доходу отъ вашего мѣста: и кои
„собираютъ плоды, какъ отъ вашихъ
„трудовъ, такъ и отъ нашихъ. Сїи мо-
„нахи, сдѣлавшись *Канониками*, учинились
„надъ нами самовластными: мы ихъ не-

„вольники, и именуемся *подданными* ихъ „*рабами*. Помогите намъ для имени „того Короля, который имѣлъ войну „единственно для того, чтобы освободить отъ рабственнаго ига невольниковъ Христіянскихъ: для имени сего государя, котораго память мы нынѣ торжествуемъ.

Я спрашивалъ у нихъ, что значили сіи странные слова, *невольниковъ* и *подданныхъ рабовъ*? — „Напредь сего, говорилъ онъ, наши начальники, будучи „недовольными добычею, похищаемою изъ „нашихъ хижинъ, послѣ нашей смерти, „повелѣвали вырывать изъ земли тѣла „наши; тогда отрубая правую руку у „мертвыхъ, приносили оную къ нимъ съ „церемоніею, такъ какъ бы въ дополненіе того, чего не могли уже они получить отъ нашего неимущества и яко „страшный примѣръ, возвѣщающій дѣтямъ, чтобы никогда не дерзали они

„касаться до имѣнія родителей своихъ,
„которое долженствовало быть добычею
„монахамъ, нашимъ обладателямъ.

Слыша сіе я содрогалъ отъ ужасу, а онъ продолжалъ:

„Мы совершенные невольники, какъ
„въ имѣніи, такъ и въ особамъ нашихъ:
„ибо ежели во время пребыванія нашего
„въ домѣ родителей нашихъ, имѣемъ мы
„съ женами нашими раздѣленные пожит-
„ки, то по смерти нашихъ родителей,
„все сіе имѣніе принадлежитъ монахамъ.
„Тогда насъ выгоняютъ изъ отцовска-
„го жилища, и мы принуждены бываемъ
„просить милостыню у воротъ того
„самаго дома, въ которомъ мы роди-
„лись: и намъ не только что отказы-
„ваютъ въ сей милостынѣ; но началь-
„ники наши имѣютъ еще право не пла-
„тить ни за лѣкарство, употребляе-
„мое для нашихъ родителей, ниже за
„послѣднюю при смерти даваемую имъ
„пищу: а для того во время болѣ

„зни нашей ни одинъ купецъ не осмѣ-
„ливается отпустить намъ въ долгъ про-
„стыню на нашу постелю, и ни одинъ
„мясникъ не дерзаетъ снабдѣвать насъ
„малымъ пропитанїемъ. Аптекарь стра-
„шится давать намъ лѣкарство, кото-
„рое могло бы подать намъ исцѣленїе
„отъ болѣзни и возвратить жизнь нашу:
„и такимъ образомъ мы умираемъ оста-
„вленные отъ всѣхъ людей, и не сносимъ
„съ собою во гробъ ничего, кромѣ жа-
„лостнаго увѣренїя, что оставляемъ
„дѣтей въ нищетѣ и рабствѣ.

„Ежели иностранецъ, не знающїй
„сихъ обрядовъ, по нещастїю проживетъ
„сверьхъ года хотя одинъ только день въ
„сей варварской странѣ, тогда дѣлается
„и онъ, равно съ нами, невольникомъ мо-
„нахамъ: хотя бы послѣ получилъ онъ
„великое имѣнїе въ другомъ государствѣ,
„то и оно должно принадлежать так-
„же монахамъ: они его достаютъ на

„самомъ концѣ вселенной, и сїе право, на„зывается у нихъ *истецкимъ правомъ*.

„Ежели они могутъ доказать, что „дѣвка вышедшая замужъ, въ перьвую „ночь своего брака спала не въ домѣ от„ца своего, но въ домѣ у своего мужа, то „послѣ сего она уже не имѣетъ права на „отцовское наслѣдство: монахи выда„ютъ противъ ее *увѣщательные лисъ„ма*, которые всю страну сїю устраша„ютъ, и не рѣдко понуждаютъ робкихъ „крестьянъ признавать, что новобрачная „учинила великое преступленїе, когда „перьвую ночь препроводила у своего су„пруга; тогда монахи во всемъ имѣнїи „ея наслѣдствуютъ: и хотя бы оное со„стояло въ 20, или во 100 тысячахъ „талеровъ, для нихъ все равно: ибо „оно непремѣнно принадлежитъ имъ.

„Насъ можно почесть вьючными „скотами; ибо монахи отягчаютъ насъ „во время жизни нашей, продаютъ нашу

„кожу послѣ нашей смерти, и тѣла на-
„ши бросаютъ въ навозную яму.

Етому быть не возможно, любезные мои прихожане! вскричалъ я, не насмѣхаетесь ли вы надъ моею простотою? Мы живемъ въ землѣ вольности: наши Короли и наши Первосвященники рабство давно уже истребили. — Напрасно вы поносите монаховъ, будто бы они имѣютъ у себя невольниковъ: напротивъ, мы имѣемъ въ нихъ Отцовъ милосердія, которые собираютъ милостыню, и преплываютъ моря для искупленія братій нашихъ, заключенныхъ въ невольническія оковы въ *Марокѣ*, въ *Тунисѣ*, и у *Алжирцовъ*.

„Пусть же! вскричалъ одинъ старикъ изъ сего собранія, „пусть придутъ они „сюда и для нашего искупленія!

Возможно ли сему статься! говорилъ я, чтобъ выдавали *увѣщательные*

письма для уличенія невольнической дѣвки въ томъ, что спала она перьвую ночь брака въ домѣ у своего мужа: симъ весьма много оскорбляется законъ и порядокъ природы. *Увѣщательные письма* издаются для открытія токмо великихъ въ обществѣ злодѣяній и для изысканія злодѣевъ: подите, подите, повторялъ я, я никакъ вамъ не могу повѣрить.

Едва окончилъ я сіи слова, какъ одна женщина по имени *Жанна Марія Мерметъ*, со слезами бросилася къ ногамъ моимъ. ,,Увы! говорила она мнѣ, ,,сіи добрые люди обо всемъ сказывали ,,вамъ справедливо. Зборщикъ *Каноников* ,,*с. Клавдія*, бывшій прежде *Бенедиктин*-,,*скаго ордена*, хотѣлъ лишить меня от-,,цовскаго имѣнія, подъ предлогомъ, яко ,,бы спала я въ домѣ у моего мужа пер-,,вую ночь брака. Монашескій соборъ вы-,,ходилъ противъ меня *увѣщательное*

,,*письмо* и я доведена была до крайней ,,нищеты. Я зрѣла погибающихъ сихъ четырехъ младенцовъ, которыхъ здѣсь ,,вамъ представляю. Монахи выгнавшіе ,,насъ изъ нашего дому, отказали мнѣ даже въ молокѣ, которое доставала я для ,,послѣднерожденнаго моего младенца, и ,,мы померли бы съ голоду безъ помощи ,,знаменитаго стряпчаго *Кристена*, защитника утѣсненныхъ, и г. *де ла Пула*, ,,достойнѣйшаго его собрата, которые ,,взяли меня подъ свое покровительство, ,,и изыскали недѣйствительность въ ,,томъ бѣдственномъ *увѣщаніи*, обнародованномъ для похищенія моего имѣнія: ,,таковое же, какъ сказывали мнѣ, ,,было обнародовано въ Тулузѣ противъ ,,*Калласовъ*. Безансонскій Парламентъ ,,сжалился надъ моимъ злощастіемъ и ,,невинностію; мои гонители осуждены ,,были заплатить штрафъ, торжественнымъ и единодушнымъ опредѣленіемъ

„сего Парламента, учиненнымъ 22 Іюня „1772 году.

Въ тожъ самое время показывала она мнѣ определенїе Безансонскаго парламента, которое въ рукахъ своихъ держала. Удивленїе мое тогда удвоилось, и я познал по внутреннему моему чувству, что можно въ одно время быть пронзенну и печалїю и радостїю. Признаюсь, что въ ту минуту проливалъ я слезы, прославляя Парламентъ и всевышняго Бога, и обнималъ съ плачемъ любезныхъ моихъ прихожанъ, которые вмѣстѣ со мною плакали. Я спрашивалъ у нихъ, за какое беззаконїе предки ихъ осуждены были на столь страшное рабство въ землѣ вольности? но коль чрезмѣрно было мое удивленїе, ужасъ и прискорбїе, когда услышелъ, что права, на которыхъ монахи основывали свое насильное похищенїе, были по видимому издревле присвоены *подложниками*: что

довольно было одного только яснаго зрѣнія, дабы усмотрѣть сей подлогъ, и что не въ одной только сей странѣ люди, называемые *Бенедиктинами*, *Бернардинами* и *Премонтратами*, на предь сего чинили подобные сему подложные злодѣянія, и измѣняли закону для изтребленія всѣхъ правъ природы.

Въ то время стряпчей, тотъ самый, который ходилъ въ судъ за сихъ нещастныхъ, и который спасъ бѣдную *Мермету* изъ кохтей грабленія, прибѣжавъ далъ мнѣ одну разумную и весьма нужную книгу подъ заглавіемъ: *Разсужденіе о Аббатствѣ с. Клавдія: его лѣтописи, обряды, приказные дѣла, насильное похищеніе, и права жителей сея земли.*

Отпустивъ моихъ прихожанъ, читалъ я съ прилѣжаніемъ сіе сочиненіе, которое всѣ наши судьи и всѣ любящіе истинну, безъ сомнѣнія читаютъ съ пользою.

Я былъ устрашенъ множествомъ подложныхъ доказательствъ, и ужасною многочисленностїю ложныхъ свидѣтельствъ, изъисканныхъ ученымъ и благочестивымъ Канцлеромъ *д' Агессо* : и прежде его *Лоноаемъ*, *Бальетомъ* и *Дюмуленомъ*.

Я узрѣлъ съ болѣзненнымъ чувствомъ оскорбленнаго благочестїя, будучи таковыми баснями убманутъ, что всѣ узаконенїя Аббатства с *Клавдїя* были не что иное, какъ куча гнуснѣйшихъ обмановъ, вымышленныхъ, какъ говоритъ *Бальетъ*, во XII, и въ XIII вѣкѣ. Я увидѣлъ, что и грамоты : Императора *Карла великаго*, Императора *Лудовика невидущаго*, который самъ себя нарицалъ *Королемъ Прованскимъ*, Императора *Фридерика I*, Императора *Карла* IV, и *Сигисмунда* его сына, были таковые же презрѣнїя достойные подлоги, какъ и *позлащенное уложенїе*.

На сихъ-то обманахъ, столь презрительныхъ въ глазахъ всѣхъ ученыхъ, и достойныхъ наказанія предъ очами правосудія, прежде сего монахи с. *Клавдія* основывали свои богатства, насильное похищеніе чуждаго имѣнія, и рабство сего нещастнаго народа, надъ которымъ Вышнее Провидѣніе пастыремъ меня постановило.

Въ послѣдующее время жестокіе мучители сихъ нещастныхъ поселянъ, не только не перемѣнили узаконеній своихъ предковъ, но сочинили еще подложный указъ отъ Безансонскаго Парламента, яко бы изданный 12 Декабря 1679 года, во время тяжбы ихъ съ г. *Боасеттомъ*, во утвержденіе сего самаго рабства. Они дерзнули не давно напечатать, будто бы оный судъ рѣшенъ былъ въ ихъ пользу: но по суду именно значитъ, что они были обвинены. Сей-то самый судъ слу-

житъ нынѣ къ новому ихъ изобличенїю, что они были подложниками во XII вѣкѣ, что пребываютъ таковымижъ, нынѣ, и безпрестанно облыгаютъ правосудїе (a).

По минутно переходя изъ удивленїя къ досадѣ, увидѣлъ я наконецъ, что весьма малое число монаховъ не чувствительно получили успѣхъ покорить себѣ въ рабство двенадцать тысячь согражданъ, двенадцать тысячь подданныхъ Королевекихъ, двенадцать тысячь человѣкъ нужныхъ государству, коимъ торжественно продавали обладанїе надъ тѣми самыми землями, въ которыхъ нынѣ въ рабскомъ заключенїи ихъ содержатъ. Каждая строка изъ той книги наполняла меня ужасомъ и прискорьбїемъ, и я весьма увѣренъ, что наши судїи, равно какъ и всѣ читающїе оную

(a) Смотри 115 и 117 страницы въ книгѣ подъ заглавїемъ: разсужденїе о учрежденїи Аббатства с. Клавдїя, его лѣтописи, узаконенїя, и пр.

при чтенiи сей книги, возымѣли бы подобные моимъ чувства.

Возможно ли! говорилъ я самъ въ себѣ, монахи продавали вольнымъ людямъ обширныя земли, которыя они присвоили себѣ подложно, и по томъ тѣхъ же самыхъ людей учинили своими невольниками, употребляя во зло ихъ неразумiе, порабощая ихъ совѣсть и заставляя ихъ трепетать подъ игомъ *Инквизицiи*, въ то время, когда *франшъ Конте* (т: е: вольное Графство, извѣстное подъ названiемъ: Графства Бургундскаго) совсѣмъ неправильно названное (franche) *вольнымъ*, принадлежало Гишпанiи? — Ахъ! лучше бы было, когда бы оные поселяне, покупающiе сiи земли, налагали рабственные оковы на монаховъ. Симъ неоспоримымъ землеобладателямъ дѣйствительно принадлежало право имѣть у себя подданниками монаховъ; ибо по справедливости каждый

монахЪ долженЪ быть невольникомЪ, по существу своего состоянія, по тому, что онЪ на землѣ ничего собственнаго не имѣетЪ: его единое благо есть вЪ небѣ, земля же принадлежитЪ тѣмЪ, которые ее покупали.

ЧленЪ вторый.

Встревоженному и возмущенному во глубинѣ души моей, мечталось мнѣ, якобы видѣлЪ я самаго спасителя нашего Іисуса Христа, послѣдуемаго нѣкоторыми изЪ Его АпостоловЪ. Хотя наружный образЪ Его являлЪ вЪ себѣ кротость и нищету; но ОнЪ питалЪ пять тысячь человѣкЪ вЪ пустынѣ, нѣсколькими хлѣбами. По томЪ вЪ другой пустынѣ представилося предо мною нѣсколько монаховЪ сЪ ихЪ АббатомЪ, получающіе сто тысячь ливровЪ годоваго доходу, которые вмѣсто прокормленія 12 тысячь человѣкЪ хлѣбопашцевЪ содержали вЪ оковахЪ рабства.

Мнѣ показалось, что Іисусъ въ одну минуту перенесся (хотя шелъ онъ пѣшкомъ) изъ пустыни Генезаретской въ Абатство с. *Клавдія* , и тамо вопрошилъ монаховъ : для чего были они такъ богаты, и по что содержали въ невольническихъ оковахъ 12 тысячь *Галловъ*? — Тогда одинъ изъ монаховъ , (то былъ Келарь) ему отвѣчалъ : „Го„споди ! сіе дѣлаемъ мы для того, что „мы ихъ учинили Христіянами : мы имъ „отверзли небеса , а за то отняли у „нихъ землю.

На сіи слова Іисусъ Христосъ воз„гласилъ : Я не думалъ, чтобъ снизхо„дилъ я на землю , претерпѣвалъ на ней „нищету, сносилъ труды и голодъ , и „поучалъ постоянно кротости и безмѣз„дію, единственно для обогащенія мо„наховъ со вредомъ человѣкамъ.

„Увы ! Господи , сказалъ Келарь, „послѣ тебя и перьвыхъ учениковъ тво„ихъ всѣ вещи весьма перемѣнились :

,,тогда церьковь была гонима ; а нынѣ ,,торжествующа : хотя то справедливо, ,,что торжествующіе въ ней дѣлаются ,,богатыми господами. Ты, Господи ! кажешся быть во удивленіи , что мы получаемъ сто тысячь Ливровъ годоваго ,,доходу и имѣемъ у себя невольниковъ ; ,,но что бы ты сказалъ , когда бы у- ,,зналъ, что есть здѣсь такіе Аббатства ,,которые получаютъ въ двое и въ трое ,,больше нашего доходу, не имѣя однако ,,же лучшаго передъ нами на то права.

По сихъ словахъ я возопилъ : ,,Не ,,уже ли всегда щасливый будетъ притѣснять нещастнаго ? . . . По семъ возгремѣлъ громъ и видѣніе изчезло.

Членъ третій.

Успокоившись послѣ сего страшнаго видѣнія, началъ я съ наибольшимъ прилѣжаніемъ разсматривать сей слав-

ный судъ двенадцати тысячь гражданъ съ двадцатью свѣтскими монахами, и усмотрѣлъ, что сїи монахи не прежде были возведены на достоинство *Канониковъ*, какъ въ 1742 году, и что по томъ многїе *Каноническїе* чины даваны были такимъ людямъ, которые, не бывъ воспитаны въ монастырскомъ состоянїи, не могли имѣть въ себѣ ни той жестокости сердца, ни той алчности къ богатству, ни же той потаенной ненависти къ роду человѣческому, кои обыкновенно въ монастыряхъ обитаютъ.

Я пошелъ къ одному изъ таковыхъ господъ, по совѣтовавъ прежде о томъ съ моими прихожанами, и пришедъ къ нему говорилъ: что „я могу доставить ему способъ привести „ко окончанїю ихъ скучный судъ. Сей честной *Каноникъ*, обнималъ меня дружески, и признавался мнѣ со слезами,

что онъ всегда въ тайнѣ стеналъ, что принужденъ былъ производить сїю тяжбу, которая имѣла грабленїе вдовъ и сиротъ единственнымъ своимъ предмѣтомъ. „Я увѣренъ совершенно, говорилъ онъ мнѣ, что ежели есть на земли правосудїе, то мы непремѣнно въ судѣ обвинены будемъ. Я признаюсь, „продолжалъ онъ, что въ 1250 году „*Іоаннъ де Шалонъ*, обладатель сего „округа, освободилъ здѣшнихъ поселянъ „отъ всего подданства: что въ 1390 „году *Вильгельмъ де ла Бомъ*, Аббатъ „*с. Клавдїя*, продавалъ симъ самымъ „поселянамъ оставшїяся земли, надъ которыми они суть законные обладатели: „и что при концѣ XVI, и въ началѣ „XVII вѣка, монахи *с. Клавдїя* насильно „присвоили себѣ право самовластїя надъ „сими не смысленными и робкими хлѣбопащцами, не имѣя ималѣйшаго на то „права. Я совершенно знаю, что тако-

,,вое неправильное обладанiе ни кѣмъ не ,,можетъ быть защищаемо, и что нѣтъ ,,никакого упущенiя времени противъ за- ,,коновъ, самою природою установлен- ,,ныхъ, и утвержденныхъ справедливыми ,,доказательствами.

,,Сiи монахи, на мѣстѣ которыхъ я ,,нахожусь нынѣ, не могутъ сравняться ,,съ тѣми законными владѣльцами дру- ,,гихъ невольническихъ округовъ, кото- ,,рые напредъ сего отдавали земли свои ,,хлѣбопашцамъ, съ такимъ условiемъ, ,,что ежели кто изъ поселянъ умретъ ,,бездѣтенъ, то чтобъ земли его воз- ,,вращены были въ тотъ же домъ, отъ ,,котораго оныя отданы. Таковые вла- ,,дѣльцы были достойные почтенiя благо- ,,дѣтели: а монахи, признаюсь, не что ,,иное были, какъ притѣснители. Тѣ вла- ,,дѣльцы имѣютъ на землѣ свои истин- ,,ные и неоспоримые права: а монахи на

,,каковыхЪ не имѣютЪ. Монахи уста-
,,новили нечувствительно сїе невольни-
,,чество, сказавЪ при концѣ XVI вѣка,
,,несмысленнымЪ поселянамЪ: ,,*Ежели*
,,*вы хотите сохранить себя отЪ ере-*
,,*си, то будьте нашими невольниками*
,,*во имя Божїе*; но нынѣшнїе поселяне
,,учинившись просвѣщеннѣе сами имЪ го-
,,ворятЪ: ,,*Нынѣ но имя Божїе дол-*
,,*жны мы быть вольными.*

Я столько тронутЪ былЪ словами сего честнаго *Каноника*, что сжималЪ его вЪ моихЪ объятїяхЪ сЪ тою нѣжностїю, которую возбуждала во мнѣ его добродѣтель: и по томЪ ему говорилЪ:
,,Влїяйте вЪ душу вашихЪ собратїй ва-
,,ши великодушные чувства: ни вы, ни
,,они не виновны вЪ тѣхЪ подлогахЪ, ко-
,,торые вЪ прошедшихЪ вѣкахЪ учинены
,,были. НадлежитЪ, чтобЪ человѣки дѣ-
,,лалися справедливѣе, по мѣрѣ, какЪ дѣ-
,,лаются вЪнаукахЪ просвѣщеннѣе; от-

,,личите ваши добродѣтели отъ преда-
,,тельства и обмановъ вашихъ предшест-
,,венниковъ. Часто требуется одного
,,только добродѣтельнаго мужа, для воз-
,,вращенія на истинный путь цѣлаго об-
,,щества. Обратите къ добродѣтели ва-
,,шихъ монаховъ: они отъ того возъ-
,,имѣютъ пользу, и избѣгнутъ той
,,скучной тяжбы, которая ввергнетъ
,,ихъ у всѣхъ въ ненависть, и причи-
,,нитъ имъ явный стыдъ и презрѣніе,
,,хотя бы оный судъ и въ ихъ пользу
,,рѣшился, Да примирятся они съ посе-
,,лянами, и да оставятъ то ужасное
,,право, налагать иго невольничества,
,,столь неприличное священникамъ: да
,,откажутся они отъ сего гибельнаго
,,требованія, ради правъ истиннаго чело-
,,вѣколюбія, и ради пріумноженія позе-
,,мельныхъ податей, въ чемъ многіе уже
,,владѣльцы собою примѣръ имъ показали.

„Г. *Маркизъ де Шоазель ла Бомъ* „освободилъ подданныхъ своихъ отъ „всѣхъ податей. Г. *де Вильфранконъ*, „совѣтникъ Парламента; г. стряпчей *де* „*Варре*, и нѣкоторые другїе, коихъ име- „на я вамъ представлю, оказали тако- „вое же великодушїе: и главные откуп- „щики, будучи тронуты сими добродѣ- „тельными поступками, то же съ сво- „ей стороны учинили, отказавшись отъ „многихъ принадлежащихъ имъ зборовъ, „составляющихъ знатнѣйшую сумму. И чтожъ изъ того произошло? Они всѣ отъ онаго приобрѣли великую пользу. Сїе ихъ доброе дѣло было вознагражде- но, (хотя они того совсѣмъ не ожи- дали), вольныя руки начали лучше обра- ботывать поля ихъ; поземельныя день- ги съ большимъ прибыткомъ умножи- лись; продажа хлѣбу учинилась много- численнѣе, а обращенїе въ деньгахъ изо- бильнѣе. И такъ сладостная жизнь вод-

,,ворилася въ тѣ жилища, въ коихъ пре-
,,жде обитала унылая мертвенность.

,,Что я говорю! Король Сардинскій,
,,учинилъ свободными всѣхъ невольни-
,,ковъ Савойскихъ: и сія самая *Савоія*,
,,которой единое имя, въ разсужденіи ея
,,нищеты, прежде въ пословицу употре-
,,блялось, сдѣлалася послѣ того цвѣту-
,,щею и изобильною.

,,Представьте сіи великіе примѣры ва-
,,шимъ собратіямъ; обогатите ихъ
,,собственнымъ же ихъ великодушіемъ.
,,Предложите паче всего ихъ стряпчему
,,сіе честное установленіе: онъ вѣдаетъ,
,,какое дурное право имѣютъ они къ сво-
,,ему защищенію, и стряпчіе иногда имѣ-
,,ютъ благородные мысли; для нихъ до-
,,стопочтеннѣе быть посредниками ис-
,,тинны, нежели защищать тяжбу не-
,,справедливую,

Каноникъ будучи возхищенъ симъ моимъ предложенïемъ, побѣжалъ поспѣшно къ своимъ собратïямъ. Тѣ, которые были не монахи, слушали его со умягченными сердцами: а монахи съ досадою слушать его отказались, и онъ возвратился ко мнѣ со стенанïемъ. — Ахъ! говорилъ онъ мнѣ, „есть одно только „въ свѣтѣ неукротимое и непреконное „чувство, и которое находится въ „монахахъ.

И такъ непремѣнно надлежитъ производить тяжбу! — Надобно, чтобъ сïи монахи, вмѣсто того, чтобъ другихъ наставлять въ добродѣтели, сами чинили соблазнъ, и чтобъ въ судебныхъ мѣстахъ безпрестанно гремѣли суды монаховъ! — Но какой же есть сей судъ? — Съ одной стороны, видны три тысячи полезныхъ семей, составляющихъ по крайней мѣрѣ двенадцать ты-

сячь душъ, просящихъ со слезами, о возвращенiи имъ вольности, за которую они деньги заплатили; о обладанiи ихъ полей и жилищъ, которые имъ также были проданы: во увѣренiе сего предлагали они данныя имъ росписки: и наконецъ требующихъ разсмотрѣнiя тѣхъ правъ, которые не могутъ быть опровержены, во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ въ свѣтѣ.

Съ другой же стороны, представляются двадцать человѣкъ, совсѣмъ безполезныхъ, которые въ доказательство свое, ничего болѣе не говорятъ, какъ только, что сiи три тысячи семей суть наши невольники по тому, что напредь сего въ горахъ сихъ, имѣли мы *подложниковъ* худоискусныхъ и несправедливыхъ.

И такъ, ежели нашъ законъ, который съ начала совсѣмъ не признавалъ

106

монаховъ, и который при перьвомъ ихъ постановленiи, запретилъ имъ имѣть на землѣ всякое стяжанiе, предписавъ имъ правила Христiанской любви и нелюбостяжанiя: ежели сей законъ, который во время жизни нашей вопiетъ къ небу за обиженныхъ и утѣсненныхъ, молчитъ нынѣ въ вертепахъ и пучинахъ близъ горы Журы, то о истинна святая! о ты сестра сего закона! даждь услышать Твой высочайшiй гласъ, и возстанови Твои священнѣйшiе уставы, когда Евангелiе забыто, и когда природа въ ногахъ попранна!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

2011143297